

ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

7(1) 2021

16+

Сайт журнала:
rrhumanities.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-67557 от 31 октября 2016 г.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate El. № FS 77-67557 of October 31, 2016

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 7. № 1. 2021

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-932X

Volume 7. № 1. 2021

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Ответственный секретарь: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Института сербского языка и коммуникаций Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Россия

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы философии», Россия – **председатель редакционной коллегии**

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор кафедры славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагич С., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и коммуникации Факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Боянич Петар, доктор философии, профессор, директор Института философии и социальной теории, Белградский университет, Республика Сербия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрынцев С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, доцент педагогического факультета, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Пикардийский университет имени Ж. Верна (Амьен), директор Центра искусствоведения и эстетики, Франция

Волкова О.А., доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор кафедры социальной работы, Академия труда и социальных отношений (Москва), Россия

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языка и литературы Педагогического факультета во Врanye государственного Нишского университета, Республика Сербия

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры искусства народного пения факультета музыкального творчества Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: ELENA N. MOTOVNIKOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: IGOR V. LYASHENKO, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: VICTORIA N. RYAPUKHINA, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Institute of Serbian Language and Communications, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Russia

BORIS I. PRUZHININ, Doctor of Philosophy, Professor, Editor-in-chief of "Voprosy Filosofii", Russia – **Chairman**

IRINA ANTANASJEVIĆ, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

ARKADY A. ARONOV, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Institute of Cultural Studies and Museum Management Studies of Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

SINIŠA ATLAGIĆ, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Journalism and Communication, Faculty of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Russia

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia

Petar Bojanic, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, Republic of Serbia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

SERGEY B. BYSTRYANTSEV, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Relations, Mediialogy, Political Science and History, Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics, Russia

NIKOLAI N. VERESOV, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, Associate Professor, Faculty of Pedagogy, The Monash University, Commonwealth of Australia

LORENZO VINCIGUERRA, Professor of Philosophy and Aesthetics at Picardy University named after Jules Verne (Amiens), director of the Center for Research in Arts and Aesthetics, France

OLGA A. VOLKOVA, Doctor of Sociology, Professor, Department of Social Work, Academy of Labor and Social Relations (Moscow), Russia

SUNČICA M. DENIĆ (MIKHAILOVIĆ), Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Language and Literature, Faculty of Education in Vranje, State University of Nis, Republic of Serbia

MIKHAIL S. ZHIROV, Doctor of Education, Professor, Department of Folk Art, Faculty of Music, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

ILYA F. ISAEV, Doctor of Education, Professor, Department of Pedagogy, Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR M. KAPITSYN, Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтинен Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения Факультета социальных наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического института; Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, Директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии Астраханского государственного университета, Россия

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шаповалов В.А., доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Педагогического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Щедрин Т.Г., доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гутенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

EUGENE A. KOZHEMYAKIN, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

ALEXANDER P. KOROCHENSKY, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

TAMARA I. LIPICH, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

ANDREY D. MAIDANSKY, Doctor of Philosophy, Professor, the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

GORAN MAKSIMOVIĆ, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

DEJAN MARKOVIĆ, Ph.D., Professor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

LYUDMILA A. MIKESHINA, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of the Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

VESA OITTINEN, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

ELENA A. OKLADNIKOVA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Sociology and Religious Studies, Faculty of Social Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

VITALY V. PENSKOY, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute; Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR N. PORUS, Doctor of Philosophy, Professor, School of Philosophy, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

ANNA P. ROMANOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute for the Study of Southern Russia and the Caspian; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University, Russia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

ALEXANDER A. KHAMIDOV, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

VERA K. KHARCHENKO, Doctor of Philology, Professor, Department of Philology, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

ZHU TSZYANGAN, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History and Documentation, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Faculty of Education, State University of Belgrade, Republic of Serbia

TATIANA G. SHCHEDRINA, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

ANNETT JUBARA, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

В номере публикуются статьи, подготовленные участниками международной научной конференции – IX чтений памяти Н.Н. Страхова «Интеллектуальная история России XIX– начала XX вв.: линии преемственности и разрывы» (17-19 декабря 2020 г.)

ИССЛЕДОВАНИЯ	RESEARCHES
Колесников С. А. Дуальная портретизация числа: алгебраическая и геометрическая модели мировосприятия в гуманитарном осмыслении 5	Kolesnikov S. A. Dual portrayal of numbers: algebraic and geometric models of world perception in humanitarian comprehension 5
Бёрджесс Д. П. Смысл жизни в разговорах П.А. Флоренского с детьми (по материалам переписок) 20	Burgess J. P. The meaning of life in the conversations of P.A. Florensky with children (based on the materials of correspondence) 20
Домбровская А. Ю., Никулин Е. Р. Медийная инфраструктура протеста в «новых» медиа на примере белорусского кейса (декабрь 2019 года): структура, каналы, смыслы, технологии 25	Dombrovskaya A. Yu., Nikulin E. R. Media infrastructure of protest in the “new” media on the example of the Belarusian case (December 2019): structure, channels, meanings, technologies 25
Мясоедов А. И. Корпоративное волонтерство в социальной миссии крупных предприятий 44	Myasoedov A. I. Corporate volunteering in the social mission of large enterprises 44
Сорокина Д. Д. О стихотворениях из юношеской поэтической тетради Н.Н. Страхова (к архивным пересмотрам) 56	Sorokina D. D. Poems from the notebook of verses by young N. Strakhov (based on archival materials) 56
Тоичкина А. В. Н.Н. Страхов о поэзии А.А. Фета (к проблеме осмысления русской философией религиозных оснований литературы) 63	Toichkina A. V. Nikolay Strakhov’s notes about Afanasy Fet’s Poetry (to the problem of understanding by Russian philosophy of the religious foundation of Russian literature) 63
Перекрестов В. В. Философско-антропологические допущения А.Н. Аксакова и А.М. Бутлерова в исследованиях медиумизма 72	Perekrestov V. V. Philosophical and anthropological assumptions of A. N. Aksakov and A. M. Butlerov in the research of mediumship 72
Харченко В. К. Н. Н. Страхов о феномене смерти 78	Kharchenko V. K. Nikolai Strakhov about the phenomenon of death 78
Масалов А. Г. Антропологические основания «цельного знания» в русской метафизике всеединства 86	Masalov A. G. Anthropological foundations of "integral knowledge" in the Russian metaphysics of all-unity 86

АРХИВ		ARCHIVE	
Подледнов Д. Д., Казанцева Е. Д. Художественное осмысление темы политических репрессий на примере творчества Рудольфа Веденеева 1970–1990-х гг.		Podlednov D. D., Kazantseva E. D. Artistic understanding of the theme of political repression in the works of Rudolf Vedeneev in 1970s-1990s	
	95		95
MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ		MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS	
Нефедова В. А. Диалог длиной в полвека: к истории взаимоотношений Я.П. Полонского и А.А. Фета-Шеншина		Nefedova V. A. The Dialogue of Half a Century: To the History of the Relationship Yakov Polonsky and Afanasy Fet-Shenshin	
	111		111
Апатенко Д. В. Этико-философские смыслы самоубийства в русской философии XIX века (к размышлениям А.Ф. Кони)		Apatenko D. V. Ethical and philosophical meanings of suicide in Russian philosophy of the 19 th century (to the reflections of A. F. Koni)	
	119		119
Шульженко А. А. О понимании демократии К.Н. Леонтьевым		Shulzhenko A. A. On the Konstantin Leontiev's understanding of democracy	
	126		126

ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCHES

УДК 101.9

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-1

Колесников С. А.

Дуальная портретизация числа: алгебраическая
и геометрическая модели мировосприятия
в гуманитарном осмыслении

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, д. 71,
Белгород, 308024, Россия, Skolesnikov2015@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема гуманитарного осмысления математики в алгебраической и геометрической версиях. Алгебраический и геометрический способы мировосприятия представляют собой фундаментальные онтологические позиции, презентующие разные «лики» числа. Язык современной математики требует синтеза геометрического и алгебраического подходов для выражения расширяющейся полноты числового описания мира. Продуктивность слияния геометрического и алгебраического в числе иллюстрируется рядом примеров из истории математики, рассматриваемых в гуманитарном аспекте. Объемную презентацию многоликого облика числа в современном гуманитарном знании можно рассматривать как своеобразную математико-гуманитарную задачу по визуальной герменевтике мира. Ключевым моментом в гуманитарном осмыслении числа становится параллакс геометрического и алгебраического, который способен вывести к этической задаче преобразования внутреннего мира считающего. В статье также представлен ряд негативных последствий, которые вытекают из противопоставления геометрического и алгебраического смыслов числа. К середине XIX столетия в математике сложилась ситуация определенного противостояния между сторонниками алгебраического и геометрического подходов, представляющая некое подобие вавилонского столпотворения, где взаимонепонимание языков – геометрического и алгебраического – могло спровоцировать обрушение всего математического здания. Выходом из герменевтического кризиса стало объединение алгебраического и геометрического ресурсов, позволившее усилить гуманитарную составляющую современной математики.

Ключевые слова: геометрические и алгебраические формы; гуманитарная математика; гуманитарное осмысление числа; число и гуманитарные науки

Для цитирования: Колесников С.А. Дуальная портретизация числа: алгебраическая и геометрическая модели мировосприятия в гуманитарном осмыслении // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 1. С. 5-19. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-1

S. A. Kolesnikov

**Dual portrayal of numbers: algebraic and geometric models
of world perception in humanitarian comprehension**

Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
71 Gorky St., Belgorod, 308000, Russia, Skolesnikov2015@yandex.ru

Abstract: The article deals with the issue of humanitarian understanding of mathematical results in the algebraic and geometric versions. Algebraic and geometric ways of perception of the world are fundamental ontological positions that represent different "faces" of a number. The language of modern mathematics requires a synthesis of geometric and algebraic approaches to express the expanding completeness of the numerical description of the world. The article discusses the processes of number visualization, which are examples of merging algebraic and geometric projections of a number. The productivity of merging geometric and algebraic in number is illustrated by a number of examples from the history of mathematics, considered in the humanitarian aspect. The ability to come to an abstract-algebraic solution through geometric contemplation determines the specifics of the multiplicity of numbers. A three-dimensional presentation of the shape of a number in the modern humanities can be considered as a kind of mathematical and humanitarian problem on the visual hermeneutics of the world. The key point in the humanitarian understanding of the number is the parallax of geometric and algebraic, which can lead to the ethical task of transforming the inner world of the numerator. The situation of division, opposition of the algebraic and geometric understanding of number is not fruitful. The need to synthesize these directions is illustrated by a number of examples from the history of mathematics. The article also presents a number of negative consequences that arise from the opposition of the geometric and algebraic faces of a number. Often the location of forces in the algebraic and geometric directions was a map of combat operations with one or another intermediate result. A special role in modern times was played by descriptive geometry, which offers its own versions of visual and abstract presentations of numbers. By the middle of the nineteenth century, mathematics was experiencing a certain confrontation between proponents of the algebraic and geometric approaches, representing a kind of Babel, where the mutual understanding of languages – geometric and algebraic – could provoke a collapse of the entire mathematical building. The way out of the hermeneutical crisis was the unification of algebraic and geometric resources, which made it possible to strengthen the humanitarian component of modern mathematics.

Keywords: geometric and algebraic forms; humanitarian mathematics; humanitarian understanding of number; number and humanities

For citation: Kolesnikov S. A. (2021), "Dual portrayal of numbers: algebraic and geometric models of world perception in humanitarian comprehension", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (1), 5-19, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-1

В гуманитарной презентации числа геометрическая визуализация поверхностей и алгебраическое продуцирование

сущностей приобретает масштаб метафизико-онтологической проблематики. Геометризм и алгебраизм как формы миро-

восприятия лежат у истоков интеллектуальной истории, формируют параметры этой истории. Сами математики «теперь часто говорят о “возвращении геометрии” и актуальности для математики “старого доброго параллакса арифметико-алгебраического и геометрического”» (Фанг, 1992: 197). Наличие двух потоков математического интеллектуализма – наглядного и абстрактного – имманентно включены в концептуальное выстраивание принципов познания Вселенной, формирование самого понятия Вселенной. А. Койре выводил соотношенность этих двух математических языков на бытийный уровень, сопоставляя-противопоставляя алгебраический «космос» и геометрическое пространство: «Выбор между этими двумя концепциями – космического порядка и геометрического пространства – был неизбежен, хотя он и был произведен лишь позднее, в XVII в., когда творцы новой науки, приняв за основу геометризацию пространства, вынуждены были отбросить концепцию Космоса» (Койре, 1985: 18). Активация противопоставленности алгебро-космической абстракции и геометротрансфинитной пространственности, с которой начинается Новое время, является показательной иллюстрацией значимости двух математических языков, двух числовых ликов. Вряд ли будет правильным утверждение конфронтации между двумя формами математического миропознания, но признание алгебраизма и геометризма важнейшими характеристиками числа несомненно.

Алгебраизм и геометризм не враждебны друг другу, скорее, это перетекание-отражение друг в друге взаимно переплетенных потоков (метафора водно-метафизической текучести – «все течет» – здесь вполне оправдана: установить, где в числе начинается геометризм, а где алгебраизм, достаточно сложно; А.Ф. Лосев вообще отказывал известному афоризму Гераклита в однозначном понимании (Лосев, 1963: 352), выводя его на метафизический уровень).

Органическая связь геометризма и алгебраизма изначально определяла суть математики. Визуальное представление о числе, преобладающее в пифагорейской школе и изображаемое камешками на прибрежном песке (метафора близкой воды опять напоминает о себе), складывалось – буквально – из количественных точек, группируемых в геометрические фигуры. Именно так возникают фигурные числа, включающие в себя не только абстрактно-цифровую знаковость, но и объемно-пространственную глубину, скрывающуюся «по ту сторону» числа. Линейные числа (например, число 5), представимые в виде линии; плоские числа (например, число 6), образующе-проявляющие себя в двумерном формате плоскости; телесные числа (например, число 8), разворачивающиеся уже в пространстве, формирующие объемное «тело» числа, – все это и есть буквально лики числа, «физиогномика» чисел, которая позволяет увидеть число в его зримости, в его портретности.

В математике выделяют треугольные (числа 1, 3, 6, 10...), квадратные (числа 1, 4, 9...), пятиугольные числа (числа 1, 5, 12...), двенадцатиугольные числа, полигональные числа, центрированные вокруг некой точки пространства и т. д. Рассматривая «физиономию» чисел – именно рассматривая, а не только высчитывая, – можно говорить о живописности числа, о его художественно-выразительных качествах. В решениях математических задач нередко использовались визуальность чисел, накладывание обликов числа друг на друга, соединение ликов в числовой портрет. Обнаружение новых принципов соединения визуальных форм числа, создание числовой «палитры» раскрывает особый потенциал числа: его метафизическо-эстетическую значимость. Когда форма правильного треугольника, в которую могут быть вписаны те или иные числа, позволяет создать формулу, определяющую сумму n первых натуральных чисел; когда контуры квадрата раскрывают математические закономерности квадратуры чисел;

когда полигональные числа в мозаике многослойных многоугольников позволяют увидеть и высчитать закономерности числовых комбинаций – в этом органичном слиянии поверхности и сущности проявляется тот самый сокровенный метафизический принцип, который и определяет подлинное понимание числа.

Геометрический и алгебраический лики числа предстают в качестве союза, дающего возможность продуктивно решать различные математические задачи. В какой-то мере можно говорить об «искусствоведении» числа, основанного на различных и в то же время органично сопрягаемых методах числового познания мира – визуального и абстрактного. Символическая иллюстрация подобного «искусствоведческого» подхода представлена еще в математике Древней Индии: предлагалось положить перед собой геометрический чертеж, к которому в качестве дидактического комментария прилагалась только краткая рекомендация-призыв: «Смотри!» (История математики..., 1970: 197). Но в этом призыве была сконцентрирована глубочайшая концепция миропознания, основанная на возможностях созерцания прозреть и познать основы бытия. Способность через геометрическое созерцание прийти к абстрактно-алгебраическому решению как раз и определяет специфику многоликости числа: рассматривание числовых ликов есть, по сути, искусствоведческая задача по визуальной герменевтике мира.

Отсюда органичным становится следующий шаг – духовное преображение того, кто созерцает число. Тот процесс визуально-духовного преображения, неоднократно исследованный в области иконописи, в частности, П.А. Флоренским, который говорил о созерцателе иконы, духовном свете преображаемого иконой лица: «Прекрасные дела, светоносные и гармонические проявления духовной личности, прежде всего светлое, прекрасное лицо, красотой которого распространяется во вне “внутренний свет” человека, и то-

гда побежденные неотразимостью этого света “человеки” прославят Отца Небесного, Чей образ на земле столь светел» (Флоренский, 1995: 57), – в математической сфере способен превратить лицо, созерцающее число, в воспевание, пропевание благодати Божьей, в гимн Божественной благодати (подробнее см.: Колесников, 2014: 25–30). Созерцание метафизического лика числа, явленного в органичном слиянии алгебраизма и геометризма, способно привести к духовному преображению, к раскрытию сотериологических потенциалов числа. Неслучайно еще в XII веке рабби Иосиф бен-Иегуда ибн-Акинн отмечал в своем трактате «Исцеление душ», что изучение совершенных чисел способно оказать серьезное духовное воздействие и способствовать становлению совершенной души (Ливин, 2019: 9).

Но если Средневековье еще ощущало духовный ресурс числа, то Новое время пошло по пути разделения, раскола геометризма и алгебраизма, стремясь направить магистральные пути понимания числа в диаметрально противоположные стороны. Принцип секуляризации, рассечения находил свое выражение и в математической сфере. Искажение изначально органичного слияния геометризма и алгебраизма, установление неких последовательностей, разрушающих целостность числа, – в геометризме сначала наглядное представление, а потом формула; в алгебраизме – наоборот – приводили к дезинтеграции метафизического смысла числа.

С XVII столетия начинается долгий период концептуальной «войны» между алгебраистами и геометрами. Если ранее это противостояние носило имплицитный характер и выражалось в эпизодических заявлениях, например, Герона и Диофанта (III в.), которые утверждали, «что алгебраические и арифметические задачи представляют самостоятельный интерес и что обращение к геометрии излишне, поскольку не придает ни большей значимости задачам, ни большей логичности решениям» (Клайн, 1984: 39), то уже к эпохе

Просвещения противопоставленность геометризма и алгебраизма становилась явным математическим «трендом».

Рекогносцировка сил алгебраического и геометрического направлений представляла собой карту боевых действий с тем или иным промежуточным результатом. Так, картезианство настаивало на тотальной геометризации способов познания мира, прорисовке некоего графика Вселенной, который бы мог изобразить – показать! – глубинное устройство бытия, своеобразный онтологический чертеж.

Показательно, что на этот период приходится всплеск упорядочивания правил графического изображения, нормативов черчения, начинает формироваться начертательная геометрия. Возникновение чертежа как нормированного способа передачи реальности в плоскости также становится знаменем времени, старающегося разорвать многомерную реальность на отдельные фрагменты. Если проследить этапы становления чертежной науки, то можно увидеть, как рисунок трансформируется в чертеж, причем чертеж эпохи Просвещения напоминает некую детскую, наивную попытку выполнить визуальную задачу еще несовершенными средствами. Чертеж XVII века примитивен, словно детский лепет: рисунок Леонардо да Винчи гораздо выразительнее, чем его же чертежи; русский чертеж оборонительных сооружений эпохи Ивана Грозного напоминает каракули – но уже через несколько десятилетий мы встречаем нормированное, упорядоченное, четко стандартизированное чертежное построение. Постепенно складываются принципы проекционного чертежа: в архитектуре, в кораблестроении, в станкостроении – и уже к середине XVIII века чертеж обретает, как, например, в работах Г. Монжа, научное обоснование в виде геометрического аппарата, сформированного в соответствии с принципами начертательной геометрии (подробнее см.: Монж, 1947). В технических образовательных учреждениях черчение становится отдельным, а зачастую и ос-

новным предметом; чертеж предстает важнейшим способом изменения реальности инженерными ресурсами.

В области математики «чертежность» начинает проявляться в приоритетности протяженности как математического способа миропознания. «Декарт оставляет только те характеристики, которые допускают математическое исследование, и прежде всего протяженность. Геометризация мира в картезианстве зашла весьма далеко, захватив не только алгебру и физику» (Дмитриев, 1999: 52), тем самым отделяя геометрические, а следовательно, и чертежно-инженерные способы миропознания от абстрактно-алгебраических. При этом дегуманизация подобного направления не могла скрыться от гениальных математиков того времени. Б. Паскаль тревожно-прорицательно шутил, что его самого «того гляди примут за какую-нибудь теорему» (цит. по: Свасьян, 2002: 294). За этой шуткой сквозило отнюдь не беспочвенное опасение, что «мыслящий тростник» может быть заменен «мыслящей машиной» (Дмитриев, 1999: 52). Машинерия бытия, незримо стоящая за тотальной геометризацией математики в частности и познаваемого бытия в целом, требовала подменить многомерное созерцание мира плоскостно-эпюрной чертежной версией.

В этом же направлении развивались и тенденции по дискредитации алгебраизма. Так, «Гоббс утверждал, что алгебраисты ошибочно подменяют геометрию символами, и отозвался о книге Джона Валлиса по аналитической геометрии конических сечений как о “гнусной книге, покрытой паршой символов”. Против применения алгебры выступали многие видные математики, в том числе Блез Паскаль и Исаак Барроу; при этом они ссылались на то, что алгебра логически не обоснована, и по той же причине настаивали на чисто геометрических методах – и доказательствах» (Клайн, 1984: 141). Ньютон бескомпромиссно утверждал, что «алгебра – это анализ для неумех в математике» (Дмитриев, 1999: 88). По мнению многих математиков

Просвещения, неадекватность алгебраического языка, несоответствие его ресурсов выполнению серьезных математических задач, некомпетентность алгебраизма, вытекающая из общей подозрительности к абстрактным утверждениям, столь характерных для осуждаемой Просвещением схоластики, – все это определяло негативный фон отношения к алгебраическому лику числа.

Но и по «другую сторону» математического фронта, в лагере алгебраистов, также царило не менее непримиримое отношение к мнениям оппонентов. В алгебраическом подходе Ф. Виета можно увидеть даже некую сакральную канонизацию алгебры, неслучайно его первый значительный математический труд носил название «Математический Канон» (1579). Виет даже предложил особое имя алгебре – *logistica speciosa* (исчисление типов) – тем самым предлагая придать алгебраическому языку метафизико-онтологический статус, в отличие от *logistica numerosa* (исчисление чисел), которая должна была заниматься утилитарными цифрами, а не метафизическими числами. Л. Эйлер в иерархическом споре выше геометрии ставил именно алгебру и выстраивал свою математическую теорию анализа бесконечно малых на безусловном приоритете алгебраического языка.

Идеи «короля математиков» К.Ф. Гаусса об ограниченных возможностях евклидовой геометрии, «нашей геометрии», которая «не может быть доказана, по крайней мере, человеческим рассудком и для человеческого рассудка» (цит. по: Об основаниях..., 1956: 103) приводили его к утверждению о том, что «может быть, в другой жизни мы придем к взглядам на природу пространства, которые нам теперь недоступны. До сих пор геометрию приходится ставить не в один ранг с арифметикой, существующей чисто *a priori*, а скорее с механикой» (Там же). Приземленность – буквальная – геометрии, привязанность ее к «миру сему» вызвали сомнения у Гаусса в результатив-

ности геометрического подхода, в то время как алгебраизм, в рамках которого гениальный математик дал в 1816 г. алгебраическое обоснование «основной теоремы алгебры» о замкнутости поля комплексных чисел, виделся ему наиболее перспективным направлением.

Позднее ученик Гаусса Б. Риман (1826–1846) обнаруживал в геометризме «слабые места», относящиеся к возможности использования геометрических постулатов в сферах бесконечно малых и бесконечно больших величин. Ограниченность геометрического языка («слишком человеческого?»), снижение результативности при ориентации на «пространственно-метрические отношения», которые «теряют всякую определенность в бесконечно малом», несоответствие метрических отношений пространства «геометрическим допущениям» (Риман, 1948: 291) – эти аргументы представлялись Риману весомым обоснованием приоритетности алгебраизма над геометрическим методом в математике. Слабость геометризма представлялась Риману в излишней «прикрепленности» геометрии к эмпирике: «Риман попытался показать (и в этом состояла одна из главных целей его программы), что аксиомы Евклида в действительности имеют эмпирическое происхождение, а не являются самоочевидными истинами. Риман избрал аналитический подход (опирающийся на математический анализ и некоторые его высшие разделы) из опасения, что при геометрических доказательствах нас могут вводить в заблуждение чувственные восприятия и мы можем предположить такие свойства и факты, которые явно не участвуют в доказательстве» (Клайн, 1984: 101). Излишняя «плотность» геометрии становилась основанием для критики геометрического подхода в целом.

Таким образом, к середине XIX столетия в математике складывается ситуация определенного противостояния между алгебраистами и геометристами, некое подобие вавилонского столпотворе-

ния, где взаимонепонимание и взаимонеприятие языков – геометрического и алгебраического – могло спровоцировать обрушение всего математического здания. Причем герменевтические противоречия начинались уже и «внутри» самих математических направлений, в частности, в геометризме. М. Клайн характеризовал эту ситуацию как «потерю ключа»: «Математики с досадой и огорчением обнаружили, что несколько различных геометрий одинаково хорошо согласуются с наблюдательными данными о структуре пространства. Но эти геометрии противоречили одна другой – следовательно, все они не могли быть одновременно истинными. Отсюда напрашивался вывод, что природа построена не на чисто математической основе, а если такая первооснова и существует, то созданная человеком математика не обязательно соответствует ей» (Клайн, 1984: 13). Взаимные обвинения и взаимное чувство превосходства, желание каждой из групп «сделать себе имя, прежде чем рассеется по лицу земли» (Быт. 11: 4), способны были привести к тому, что «башни», выстраиваемые геометристами и алгебраистами, могли оказаться в ситуации «разорванного сознания», в состоянии герменевтического коллапса.

Однако математическая атмосфера качественно меняется после признания за числом права на органичное единство, после активации незаслуженно забытого или прикрытого метафизического ресурса числа, позволившего преодолеть намечающееся губительное противостояние. Это в первую очередь связано с поисками параллелей между алгебраическими и геометрическими методами решения математических задач. Метафизичность числа не могла вынести раскола, разделения на «только» геометрическое и «только» алгебраическое истолкование. Яркой иллюстрацией результативности «открытости» границ числа, взаимопронизанности ликов числа может служить история вхождения в математический инструментарий комплексных чисел.

Гениальность упомянутого уже Гаусса как раз и проявилась в прозрении возможности соположения вещественных и мнимых чисел, в открытии принципиальной возможности построить мнимую единицу (число, квадрат которого равен « -1 ») в общий с вещественным числом математический ряд. Языковая интуиция математика – а именно Гаусс в 1831 году ввел в широкое употребление термин «комплексное число» – раскрывала особое понимание метафизической роли комплексных чисел, способных выйти за горизонты вещи, за пределы материального мира с его тотальной цифровой исчисляемостью. Открытость просторам нематериального смогла преодолеть разделение алгебраического и геометрического, открыть эти миры заново друг другу. Опыт расширения числового ряда – а по существу, расширения представлений о математической вселенной – уже имевшийся в математике в случаях с иррациональными (случай Гипаса из Мелатона) и отрицательными (случай Диофанта Александрийского) числами, позволял сделать следующий шаг: пересечь границы вещественных чисел. Математическая дилемма – отказаться от решения уравнения $x^2 = -1$ или активировать новое понятие числа – привела к появлению комплексных чисел как способу называния неназываемого.

Комплексные числа обнаруживают интереснейшее свойство числа, которое в иных «форматах» завуалировано. За несколько провокационным вопросом, что собой представляет комплексное число в реальности, стоит глубокая проблема понимания сути числа. Возникновение именованного «комплексные числа» не означает соответствие какого-либо реального эквивалента, как это происходит с вещественными числами. «Не пытайтесь представить комплексное число “в жизни” – это все равно, что пытаться представить четвертое измерение в нашем трехмерном пространстве» – правило, с которого начинается практически каждое популяризаторское введение в теорию комплекс-

ных чисел. Но при этом необходимо добавить, развивая обозначенный тезис, что четвертое измерение никуда не исчезает, даже если мы его не способны представить во всей полноте. Комплексные числа как раз и раскрывают метафизический потенциал числа, невидимый, непредставимый в формате вещественности, материальной исчисляемости, цифирности – потенциал открытых горизонтов и грандиозных перспектив.

Комплексные числа стали площадкой числовой «соборности», которая позволила преодолеть противостояние алгебраизма и геометризма. Расширение «объемности» числа стало тем импульсом, который нашел пути к взаимопониманию геометристов и алгебраистов. М. Клайн определял динамику этого процесса в обретении единого языка, в способности комплексных чисел органично соединить пространственность и умозрительность: «Условимся для удобства называть обычные вещественные числа одномерными, а комплексные – двумерными. Тогда для представления пространственных векторов и выполнения операций над ними было бы естественно ввести “трехмерные” числа. Как и в случае комплексных чисел, допустимые операции над трехмерными числами должны были бы включать сложение, вычитание, умножение и деление. Для того, чтобы над этими числами можно было беспрепятственно и эффективно производить алгебраические операции, они должны обладать обычными свойствами вещественных и комплексных чисел» (Клайн, 1984: 107). Тем самым, можно говорить о возникновении вместе с комплексными числами «новой реальности» числа, новой вселенной числа, совмещающей и геометрические, и алгебраические свойства.

Число как связующее звено «слоев реальности» (Н. Гартман) после активации понятия комплексных чисел в современной математике получило возможность выйти на «метафизический простор» (М. Хайдеггер), дать иное понимание па-

раметров вселенной. Показательно, что после Гаусса начинается новый виток развития интереса к проблеме корреляции числа и реальности. Сам Гаусс стремился придать картине реального мира математическую глубину, например, соотнося геометрическую задачу о сумме треугольников с реальными горными вершинами в Германии: Брокеном, Хоэхагеном и Инзельбергом. Вклад Гаусса в формирование высшей геодезии (см.: Гаусс, 1958: 1-14) также может рассматриваться как следствие метафизического понимания числа, способное соединить реальный горный хребет и умозрительную пространственно-числовую систему координат.

В направлении слияния слоев реальности в числе развивалась и математическая теория другого известного математика XIX столетия, француза Ж.Л. Коши. Его разработки в области математической физики – теория сплошных сред, теория упругости, волновая теория света – показывали принципиальную возможность расширения границ числа как в сфере геометрии, так и в сфере алгебры. К числу продолжателей тенденции к метафизическому пониманию числа можно отнести У. Гамильтона, А. Кэли и других математиков. В целом к началу XX столетия создается фундамент для слияния алгебраического и геометрического именно на почве решения задач по пониманию многослойной реальности. Соединение наглядного и умозрительного ресурсов математики становится результативным в результате активирования традиции, заложенной еще, например, в теории перспективы Леонардо да Винчи и Альбрехта Дюрера. Эту традицию можно назвать, с одной стороны, «созерцательно-медитативной», в которой срастаются те самые наглядность и умозрительность, а с другой – «филолого-онтологической», возвращающей языку, Слову, онтологическую значимость. Перевод с языка алгебры на язык геометрии, и наоборот – с языка внешнего пространства на язык внутренней интуиции, и есть наиболее перспективный математический

метод, который сегодня все более широко представлен в исследованиях проблемы числа.

В качестве такого – одного из многих – примера можно привести так называемую «теорему четырех красок», в которой органично соединились и алгебраический, и геометрический лики числа. Показательно, что данная теорема, утверждающая, что всякую расположенную на сфере карту можно раскрасить не более чем четырьмя разными красками так, чтобы любые две области с общим участком границы были раскрашены в разные цвета, была сформулирована Ф. Гутри в 1852 году, то есть как раз в тот период, когда была осознана необходимость слияния геометризма и алгебраизма. Однако доказательство этой теоремы затянулось, и формулировка данной задачи изменилась: из «теоремы четырех красок» появилась «проблема четырех красок».

В целом процесс решения этой задачи может рассматриваться как некий символ постепенного взаимопроникновения алгебраизма и геометризма. Сначала была доказана верность теоремы пяти красок, где четко было обозначен хроматический лик числа, ведь краска той или иной области вполне могла быть заменена на число. А вот с доказательством теоремы четырех красок ситуация сложилась интереснее. Решение этой задачи смогло возникнуть только после появления компьютерных возможностей, которые позволили в 1976 г. К. Appelю и В. Хакену из Иллинойского университета сначала определить единственно возможное число подобных карт с использованием четырех красок (их оказалось 1936, причем число таких карт поступательно возрастало (см.: Курант, Роббинс, 2001: 271-273)), а затем с помощью компьютерного перебора было доказано, что не существует ни одного контрдоказательства невозможности создания карты из четырех цветов.

В доказательстве теоремы четырех цветов присутствует знаковый момент: впервые математическое решение было

принято без использования «ручного», выписанного доказательства, без обращения к лику числа. Затаенность лика числа в компьютерных недрах становилась основанием для сомнения в математических кругах в правомерности такого доказательства. Но вместе с тем этот сокровенный лик, в котором слились и пространственно-геометрический (что может быть более пространственным, чем географическая карта) и абстрактно-алгебраический облики числа, явил результат, не поддающийся конкретному опровержению. Современный математик Джан-Карло Рота, говоря о подобном типе доказательств, отмечал, что «при новом построении теорем их доказательство обычно слишком сложно... возникают такие доказательства теоремы, которые могут занять десятилетия или даже века, которые позволят постепенно выявить значимость нового открытия» (Rota, 1997: 97). Скрытость числа от «человеческого» способа подсчета, уход числа в сумрак компьютерных исчислений можно рассматривать как некую «стыдливость» числа, стремящегося уйти в лабиринты микрофишей, на которых и запечатлены перипетии доказательственной базы (подробнее см.: Успенский, 1987: 154), – уйти от беззастенчивого разглядывания рационализмом числовых тайн, тех потаенных глубин, где и происходит подлинное слияние алгебраизма и геометризма. Многоцветный мир числа, сокровенный в своих проявлениях, числовой мир, способный говорить и на языке алгебры, и на языке геометрии, в своих фундаментальных основаниях прикрыт от фокуса рационально-позитивистского обнажения покровом метафизичности и вместе с тем организован принципом онтологического единства.

Проблема соотнесенности геометрического и алгебраического в числе выводит на целый спектр вопросов, напрямую, казалось бы, не относящихся к математике. Но многогранность ликов числа как раз и определяет возможность через число прикоснуться к многогранному бытию, явля-

яющему себя в числе. Например, в геометрическом понимании числа четко проступает взаимосвязь математического и биологического: как, каким образом человеческий глаз воспринимает визуально-геометрические объекты. Элементарная, на первый взгляд, точка как геометрическое понятие являет собой сложнейшую философско-антропологическую проблему познания бытия. Классическое определение точки как «нульмерного объекта» или, в определении Евклида, «объекта, не имеющего частей», позволяет перенестись в область, которую можно обозначить как «апофатическую» – область, где любые параметрические характеристики теряют свою рациональную значимость. Точка в математике предстает примером предельной концентрации веры, ведь ничего, кроме аксиом (а что такое аксиома как не проявление абсолютной веры?), не способно определить, что есть точка.

Вместе с тем, за «простотой» (пустотой?) точки обнаруживается, пусть даже в квазинаучном формате, развернутая «геометрия точки», включающая и принимающая различные пространственно-геометрические смыслы (Д. Гильберт говорил, что «точкой можно назвать хоть стул»). Пространственность как главное условие геометричности опирается на способность человеческого восприятия видеть мир в объеме, в глубине, в протяженности, а потому геометризм может рассматриваться в качестве опыта восприятия реальности в многомерности, а в идеале – в метафизическом формате. Когда А. Пуанкаре отмечал неоднородность визуально воспринимаемого пространства, то он подчеркивал именно научение человеческого мировосприятия геометрическими способами видеть мир в разнообразии: «...это чисто визуальное пространство неоднородно. Различные точки сетчатки – независимо от изображений, которые могут на них возникать, – играют не одну и ту же роль. Никогда нельзя считать желтое пятно тождественным с точкой» (Пуанкаре, 1990: 51). Связь биологической физиологии и мате-

матического геометризма позволяют говорить о сверхтелесном функционале гуманитарного видения мироздания. Геометрия при таком понимании наделяется особой метафизической функцией: презентовать «тело» числа, показать, что число, выраженное визуально – на плоскости, в графике, на поверхности, в проекции, – способно обрести «телесность», обозначить рельеф своего «тела».

Но геометрический опыт видения телесности числа способствует переходу на новый уровень мировосприятия: созидательному видению. Подключение креативных ресурсов при визуальном восприятии числа делает возможным со-творчество, со-участие в творении реальности. Н.И. Лобачевский чутко уловил наступающее изменение в новом понимании призвания геометрии, настаивая именно на креативно-творческом потенциале геометризма. «Поверхности, линии, точки, как их определяет Геометрия, существуют только в нашем воображении» (Лобачевский, 1956: 78), – писал он в 1835 году во вступлении к своему сочинению «Новые начала геометрии с полной теорией параллельных». Геометрия, тем самым, превращается в способ художественно-пространственного миропреображения, в котором за «выжатой» понятийностью скрывается метафизическая глубина, научающая иным способам мировидения.

Опыт особого созерцания, способного преодолеть вещественные рамки «обычного» видения, заложен в основе геометризма. Апофатика видения прямой, точки, плоскости основана на умении «не увидеть» толщину линии, цвет, молекулярную структуру, вес и т. д. Неслучайно А.Ф. Лосев подчеркивал, что «геометрия вырастает на отрицании чистого числа; она есть утвержденность отрицания чистого числа, его гипостазированная инаковость... Число тут вышло из себя, покинуло свою самособранность и как бы расплылось, размылось, распростерлось. Это и значит, что оно перешло в свое отрицание, и это отрицание тут утвердилось, оно положено

как самостоятельная структура» (Лосев, 1997: 78). Апофатическая сущность числа в данном примере раскрывается максимально полно.

Метафизика геометризма учит своеобразно абстрактному мышлению, но эта абстракция не «отрезает» реальность, а придает ей новые спектры, новые глубины прозрения – и возможность приближения к идеалу. Традиция этого визуально-креативного опыта глубока. Еще Платон в «Государстве» призывал видеть в геометрическом мировосприятии стремление к идеальному абсолюту: «Разве ты не знаешь, что, хотя они используют видимые формы и рассуждают о них, мыслят они не о самих формах, а об идеалах, с которыми не имеют сходства; не о фигурах, которые они чертят, а об абсолютном квадрате и абсолютном диаметре... и что в действительности геометры стремятся постичь то, что открыто лишь мысленному взору?» (Платон, 1994: 310). Наука созерцания, которая формируется в геометрически-мысленном взоре, позволяет увидеть математическую вселенную в ее подлинной реальности, то есть реальности метафизической, где сливаются все струны – точки, линии, плоскости, поверхности – бытия.

Геометрия парадоксально-пространственного единства А.Ф. Мёбиуса (1790–1868), выросшая из его детского увлечения звездными пространствами и вылившаяся в практически одномоментную защиту двух диссертаций: «О вычислении покрытий неподвижных звезд планетами» и «О некоторых частных свойствах тригонометрических уравнений», есть показательный пример зарождения нового этапа органического слияния математики и космологии. Открытие Мёбиусом «простейшей неориентируемой двумерной поверхности с краем, допускающей вложение в трехмерное евклидово пространство», то есть знаменитой ленты Мёбиуса, становится наглядным примером приобретения пространством многомерности и, самое главное, – появлением математического обоснования процесса обретения метафизиче-

ской многомерности. Поверхности Б. Римана (1826–1886), перетекающие гераклитовым потоком одна в другую, иллюстрируют геометрическое чудо: превращение одномерности в дифференцируемое многообразие. «Бутылка» Ф. Клейна (1849–1925) наглядно показала эфемерность любой границы, геометрически обосновала отказ от ограничивающих понятий «внутри» и «снаружи»... Примеры можно продолжать, но все они демонстрируют качественно изменившееся понимание геометрии: многообразие мира начинает говорить на языке многомерной геометрии.

Метафизическая геометрия перестает проходить по разряду внегуманитарных наук, она способствует обретению нового понимания мира и места человека в этом мире-пространстве. Геометрия мира становится основанием для открытия онтологии единства, о чем говорил, например, автор теории фракталов Б. Мандельброт (1924–2010), указывая «на парадоксальность соотношения между реально встречаемыми в природе формами, с которыми человек постоянно имеет дело в своем повседневном опыте, и их отображениями в геометрических фигурах: самое естественное и обычное с точки зрения непосредственного опыта оказывается самым сложным и бесконечно эзотерическим с точки зрения представлений, господствующих в традиционной геометрии; и напротив, искусственные формы, представляющие собой редкостное исключение в повседневно наблюдаемой действительности, оказываются основанием, на котором покоится и из которого выводится всякое математическое отображение пространства» (Гаспаров, 1996: 28). Единство мироздания, оказывающееся органично слитым в своих основополагающих принципах, обнаруживается в геометрическом языке, являет себя при возвращении геометрии метафизического статуса.

Современный геометризм демонстрирует новые грани лика числа, позволяя разглядеть числовой облик в иных про-

пространственных конфигурациях. Так, топология может служить примером понимания мироустройства через геометрически-пространственное изменение. Преобразование, или деформация, пространства может рассматриваться как вариант докопаться – буквально! – до основополагающих принципов онтологии. Даже такой узкий раздел топологии, как топология узла, погружает в качественно иное состояние миропознания, где мы уже видим не столько узел, сколько проникаем в принципы существования того объекта, который в привычном языке, в человеческом видении называется узлом. Это и есть обретение специфического пространственно-онтологического опыта.

Гордиев узел – родоначальник топологии узла – предстающий в виде запутанного узла на повозке древнегреческого землелепашца Гордия из Фригии, символизировал в пространственной форме сложность переплетений событий и смыслов. Пространства земли и неба переплетаются в компонентах узловых зацеплений, а вопрос о развязываемости узловых соединений – вопрос, вокруг которого буквально центрировалось сакральное пространство столицы древнегреческой Фригии, – сегодня переходит в проблему изотопности узла, определяемой узловой диаграммой.

Но от этого степень метафизичности теории узлов не снижается, скорее наоборот: теперь метафизика обретает геометрически-числовой язык, начинает говорить с человеком не туманными образами языческих мифов, а отточенными математическими формулировками. Главное, чтобы терминологическая отточенность не разубала в ключья метафизическое единство мира. И тогда современная геометрия выходит на самый сложный уровень понимания бытия, который В.И. Успенский называл «гомеоморфия», обозначая ее «наиболее высокую ступень геометрической одинаковости» (Успенский, 2012: 98). Подобие и образ пространства предстают выстроенными в единой тональности вселенской симфонии, которую когда-то услы-

шал Пифагор и продолжал слушать Пуанкаре, пытаемся услышать мы – в хрустальных сферах геометрически выверенных пространств, в метафизических просторах являющего свои мудрые лики числа.

Метафизика числа, естественно, не ограничивается геометризмом. Вероятно, геометризм дает возможность увидеть метафизические горизонты числа более наглядно, зримо, однако и алгебраический язык пронизан метафизичностью. Достаточно соотнести основополагающее алгебраическое понятие натурального ряда с метафизическими масштабами. И тогда возникает «Натуральный Ряд», с заглавной буквы, как сокровенное сакральное имя, как «совокупность всех натуральных чисел. Если мы знаем, что такое натуральное число и понимаем слова “совокупность всех”, то мы знаем и что такое Натуральный Ряд. Обратно, зная Натуральный Ряд, мы легко определим натуральное число как его элемент. Поэтому понятие Натурального Ряда столь же неопределимо, как и понятие натурального числа» (Успенский, 1987: 112). Неопределимость в данном случае выступает признаком метафизичности алгебраического облика числа, придает числу в его вселенской развернутости масштабы, уподобленные апофатически-непроизносимому Абсолюту. Алгебра также метафизична, как геометрия, – и главным доказательством этого тезиса становится органическое родство алгебраизма и геометризма, которое смогло в современной математике преодолеть «вавилонское столпотворение» алгебраического и геометрического языков.

Сегодняшняя математическая ситуация складывается в духе слияния алгебраического и геометрического ликов числа. Геометризм и алгебраизм выстраивают свои отношения в формате взаимопомощи, взаимного «милосердия», иллюстрацией которого может служить, в частности, случай с трансцендентным (со всеми ассоциативными смыслами, связанными с понятием «трансцендентный») числом, которое может быть явлено только через использо-

вание геометрического языка. Р. Курант констатирует: «Теоретически рассуждая, можно было бы построить трансцендентное число с помощью диагональной процедуры, производимой над воображаемым списком десятичных разложений всех алгебраических чисел; но такая процедура лишена всякого практического значения и не привела бы к числу, разложение которого в десятичную (или какую-нибудь иную) дробь можно было бы на самом деле написать» (Курант, Роббинс, 2001: 130). Невозможность записать алгебраически трансцендентное число преодолевается возможностью геометрически описать данное число. Н. Бурбаки в своей полиименности настаивал, что «внутренняя эволюция математической науки вопреки видимости более чем когда-либо упрочила единство ее различных частей и создала своего рода центральное ядро, которое является гораздо более связным целым, чем когда бы то ни было» (Бурбаки, 1963: 248), и это единство проявляется в соположенности геометрического и алгебраического.

К числу примеров, иллюстрирующих данную соположенность – процесс взаимоперетекания алгебраизма и геометризма, – можно отнести барицентрическое исчисление, где точка превращается в некое своеобразно представленное число; практически всю тригонометрию можно рассматривать как вариант пространственной математики, где задействованы и алгебраический и геометрический ресурсы. В целом появление в 30–40-х годах XX столетия коммутативной алгебры, которое привело к рождению масштабного математического направления алгебраической геометрии, свидетельствует о наступлении нового этапа в понимании облика числа. Принципиальная возможность соположенности геометрического и алгебраического дает новый язык, способный описать невыразимое, то, что стоит по ту сторону однозначно геометрического, пространственно-визуального, и однозначно алгебраического, умозрительно-абстрактного.

Сложность подобного алгебро-геометрического «билингвизма» не может рассматриваться как утяжеляющий «жест» для полета математического познания. Скорее, он видится как уравнивающий баланс методу построения упрощенных математических моделей, без которого, естественно, математика немыслима. Ведь упрощенная математическая модель всегда находится на грани разрыва с реальностью: может показаться, что бабочка, взмахнувшая крыльями в Айове, способна стать причиной ураганов в Индонезии (известный пример современного математика Р. Лоренца). Однако сложность математико-метеорологической реальности показывает, что никакая бабочка в масштабе глобального – а точнее, метафизического – процесса не способна изменить устои бытия. Сблуд упрощенчества состоит в том, что отдельный фрагмент присваивает себе право на статус метафизической системы. В случае математики сложность алгебраическо-геометрического языка как раз и становится напоминанием о сложности, глубинах и даже потаенности мира, который призвана познавать математика.

Грандиозная симфония многомерной реальности никогда не будет воспринята во всем великолепии без обретения сложного математического языка, способного отразить мельчайшие нюансы числового многообразия. Будь это «звучащий» мир комплексной геометрии, где перекликаются двух-, трех- и четырехмерные пространства, будь это умозрительно-тактильное развязывание топологических узлов или видимая невидимость трансцендентных чисел – все это и еще многое другое свидетельствует о приобретении математикой, самим числом нового облика, образуемого генетически-вертикальными и структурно-горизонтальными линиями, прорисовывающими метафизический образ Числа во всей его монументальности и грандиозности. Разговор о таком числе способен вести только такая математика, которая должна превзойти саму себя и стать мета-

математикой, новой гуманитарной математикой, чьи контуры сегодня начинают обретать очертания, и в зеркале которой – на что уповает наше «успокоение сердца» (митр. Филарет (Дроздов)) – отразится подлинный облик числа: величественный, прекрасный, таинственный и мудрый...

Литература

Бурбаки, Н. Очерки по истории математики. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. 292 с.

Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 348 с.

Гаусс, К.Ф. Избранные геодезические сочинения: В 2 тт. Т. 2. М.: Изд-во геодезической литературы, 1958. 246 с.

Дмитриев, И.С. Неизвестный Ньютон: Силуэт на фоне эпохи. СПб.: Алетейя, 1999. 784 с.

История математики с древнейших времен до начала XIX столетия: В 3 тт. Т. 1. / под ред. А.П. Юшкевича. Москва: Наука, 1970. 351 с.

Клайн, М. Математика. Утрата определенности / пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Мир, 1984. 446 с.

Койре, А. Очерки истории философской мысли. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий / пер. с фр. Я.А. Ляткера. М.: Прогресс, 1985. 288 с.

Колесников, С.А. Православная теология XX в.: праксис созидания. Белгород: НИУ «БелГУ», 2014. 292 с.

Курант, Р., Роббинс, Г. Что такое математика? / пер. с англ. под ред. А.Н. Колмогорова. 3-е изд., испр. и доп. М.: МЦНМО, 2001. 568 с.

Ливиио, М. φ – число Бога. Золотое сечение – формула мироздания. М.: АСТ, Прайм. 2015. 440 с.

Лобачевский, Н.И. Избранные труды по геометрии. М.: АН СССР, 1956. 596 с.

Лосев, А.Ф. История античной эстетики: в 8 тт. Т. 1: Ранняя классика. М.: Высшая школа, 1963. 654 с.

Лосев, А.Ф. Хаос и структура. М.: Мысль, 1997. 831 с.

Монж, Г. Начертательная геометрия / пер. В.Ф. Газе. М.: АН СССР, 1947. 291 с.

Об основаниях геометрии: Сборник классических работ по геометрии Лобачевско-

го и развитию ее идей. М.: Гостехиздат, 1956. 530 с.

Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. / пер. с др.-греч. С.С. Аверинцева и др. М.: Мысль, 1994. 654 с.

Пуанкаре, А. О науке / пер. с фр. под ред. Л.С. Понтрягина. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1990. 736 с.

Риман, Б. Сочинения / пер. с нем. под ред. В.Л. Гончарова. М.-Л.: ГИТТЛ, 1948. 543 с.

Свасьян, К.А. Становление европейской науки. М.: Evidentis, 2002. 436 с.

Успенский, В.А. Апология математики: Сб. ст. СПб.: Амфора, 2012. 552 с.

Успенский, В.А. Семь размышлений на темы философии математики // Закономерности развития современной математики: Сб. ст. М.: Наука, 1987. С. 106–155.

Фанг, Дж. Между философией и математикой: их параллелизм в параллаксе // Вопросы истории естествознания и техники. 1992. № 2. С. 187–202.

Флоренский, П.А. Иконостас. М.: Искусство, 1995. 254 с.

Rota, G.-C. Indiscrete thoughts. Boston: Birkhauser, 1997. 208 p.

References

Burbaki, N. (1963), *Ocherki po istorii matematiki* [Essays on the history of mathematics], Izdatelstvo inostrannoy literatury, Moscow, Russia (in Russ.).

Dmitriev, I. S. (1999), *Neizvestny N'yuton. Siluet na fone epohi* [Unknown Newton. A silhouette against the background of the era], Aleteya, S.-Peterburg, Russia (in Russ.).

Fang, Dzh. (1992), “Between philosophy and mathematics: their parallelism in parallax”, *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Questions of the history of natural science and technology], 2, 187–202 (in Russ.).

Florensky, P. A. (1995), *Ikonostas* [Iconostasis], Iskusstvo, Moscow, Russia (in Russ.).

Gasparov, B. M. (1996), *Jazyk, pamyat', obraz. Lingvistika jazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Gauss, K. F. (1958), *Izbrannyye geodezicheskie sochineniya* [Selected geodesic works], Izdatelstvo geodezicheskoy literatury Moscow, Russia (in Russ.).

Istoriya matematiki s drevneyshikh vremen do nachala XIX stoletiya: v 3 tomakh. T. 1. (1970), [History of mathematics from ancient times to the beginning of the XIX century: in 3 vols. Vol. 1], in Yushkevich, A. P. (ed.), Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Klain, M. (1984), *Matematika. Utrata opredelennosti* [Math. Loss of certainty], Transl. by Yu. A. Danilov, Mir, Moscow, Russia (in Russ.).

Koyre, A. (1985), *Ocherki istorii filosofskoy mysli. O vliyaniy filosofskikh koncepciy na razvitiye nauchnykh teoriy* [Essays on the history of philosophical thought. On the influence of philosophical concepts on the development of scientific theories], Transl. by Ya. A. Lyatker, Progress, Moscow, Russia (in Russ.).

Kolesnikov, S. A. (2014), *Pravoslavnaya teologiya XX veka: praksis sozidaniya* [Orthodox theology of the twentieth century: praxis of creation], BSU, Belgorod, Russia (in Russ.).

Kurant, R., Robbins, G. (2001), *Chto takoe matematika?* [What is mathematics?], Transl. by A. N. Kolmogorov (ed.), MCNMO, Moscow, Russia (in Russ.).

Livio, M. (2015), *φ – chislo Boga. Zolotoe sechenie – formula mirozdaniya* [φ – the Golden Ratio: The Story of Phi, the World's Most Astonishing Number], AST, Prajm, Moscow, Russia (in Russ.).

Lobachevsky, N. I. (1956), *Izbrannye trudy po geometrii* [Selected works on geometry], AN USSR, Moscow, Russia (in Russ.).

Losev, A. F. (1963), *Istoriya antichnoy estetiki: v 8 t. T. 1.: Ranniaya klassika* [History of ancient aesthetics: in 8 vol. Vol. 1: Early classics], Vysshaya shkola, Moscow, Russia (in Russ.).

Losev, A. F. (1997), *Khaos i struktura* [Chaos and structure], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Monge, G. (1947) *Nachertatel'naya geometriya* [Descriptive geometry], Transl. by V. F. Gaze, AN USSR, Moscow, Russia (in Russ.).

Ob osnovaniyakh geometrii: Sbornik klassicheskikh rabot po geometrii Lobachevskogo i razvitiyu eyo idey (1956) [On the foundations of geometry: Collection of classical works on

Lobachevsky geometry and the development of its ideas], Gostekhizdat, Moscow, Russia (in Russ.).

Plato (1994), *Sobranie sochineniy: v 4 t. T. 3* [Collected works: in 4 vol. Vol. 3], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Poincaré, A. (1990), *O nauke* [About science], Transl. by L. S. Pontryagin (ed), Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Riman, B. (1948), *Sochineniya* [Works], Transl. by V. L. Goncharov, GITTL, Moscow, Russia (in Russ.).

Rota, G.-C. (1997), *Indiscrete thoughts*, Birkhauser, Boston.

Svasyan, K. A. (2002), *Stanovlenie evropeiskoi nauki* [The formation of European science], Evidentis, Moscow, Russia (in Russ.).

Uspensky, V. A. (2012), *Apologiya matematiki: Sbornik statey* [An apology for Mathematics: Collection of articles], Amfora, S.-Peterburg, Russia (in Russ.).

Uspensky, V. A. (1987), "Seven reflections on the philosophy of mathematics", *Zakonomernosti razvitiya sovremennoy matematiki: Sbornik statey* [Laws of development of modern mathematics: Collection of articles], Nauka, Moscow, Russia, 106–155 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Колесников Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, ул. Горького, д. 71, Белгород, 308024, Россия; skolesnikov2015@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Sergey A. Kolesnikov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 71 Gorky St., Belgorod, 308024, Russia; skolesnikov2015@yandex.ru

УДК 1(091)

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-2

Бёрджесс Д. П. | Смысл жизни в разговорах П.А. Флоренского с детьми
(по материалам переписок)

Питтсбургская богословская семинария, Н. Хайленд-Авеню, 616, Питтсбург, 15206, США;
jburgess@pts.edu

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения и передачи представлений о смысле жизни в эпистолярном наследии философа и священника П.А. Флоренского. Что значит для человека его род и семья? К чему следует приучать детей, чтобы их жизнь была полна смысла? Откуда к нам приходят представления об истине, добре, красоте? Следуя за мыслью Павла Флоренского, автор формулирует ответы на эти вечные вопросы.

Ключевые слова: П.А. Флоренский; смысл жизни; природа; род; культурное наследие.

Для цитирования: Бёрджесс Д.П. Смысл жизни в разговорах П.А. Флоренского с детьми (по материалам переписок) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 1. С. 20-24. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-2

J. P. Burgess | The meaning of life in the conversations of P. A. Florensky
with children (based on the materials of correspondence)

Pittsburgh Theological Seminary, 616 N. Highland Ave., Pittsburgh, PA 15206 USA;
jburgess@pts.edu

Abstract. The article is devoted to the problem of defining and transmitting ideas about the meaning of life in the epistolary heritage of philosopher and priest Pavel Florensky. What does his family and family mean to a person? What should children be taught to make their lives meaningful? Where do ideas about truth, goodness, and beauty come from? Following the thought of Pavel Florensky, the author formulates answers to these eternal questions.

Keywords: Pavel A. Florensky; the meaning of life; nature; gender; cultural heritage

For citation: Burgess J. P. (2021), "The meaning of life in the conversations of P.A. Florensky with children (based on the materials of correspondence)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (1), 20-24, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-2

Как передать новому поколению смысл жизни? Этот вопрос остро занимает о. Павла Флоренского начиная с разразившихся в 1917 г. революционных событий в

России и вплоть до его расстрела в 1937 г. Уже в апреле 1917 г. Флоренский начинает писать свое «Завещание», предназначенное детям в случае его смерти. В последующие

годы он записывает воспоминания своего детства, «Детям моим». К тому же после ареста, осуждения и отправки в лагерь в 1933 г. он ведет активную переписку со своими детьми. В каждом сочинении Флоренский старается передать детям надежную жизненную позицию, которая укрепит их в общественных условиях того времени, когда все вокруг колеблется.

Флоренский считает, что есть три столпа, которые поддерживают жизнь каждого человека. Взрослым следует закладывать в ребенке эти основы уже с его рождения. Первым столпом является знание рода. Кто мои предки? Какие у них особые таланты и интересы? Как это наследие влияет на меня? Во-вторых, человек должен знакомиться с великими интеллектуальными произведениями мировой культуры. Какие писатели, какие композиторы и художники передают нам истину и красоту? Третьей опорой жизни Флоренский считает способность человека воспринимать сотворенный мир в качестве символа вечности. Если родителям удастся утвердить в ребенке эти три столпа, впоследствии он ощутит и сохранит внутреннюю гармонию и внутреннюю свободу, несмотря на внешние политические репрессии или общественное идеологическое давление.

Флоренский сам видел стремление большевиков разрушить эти столпы. Большевики старались заменить верность семье лояльностью партии. Флоренский страдал от решения власти закрыть Свято-Троицкую Сергиеву лавру, так как он считал Преподобного Сергия Радонежского покровителем своей семьи – дом Флоренских находится недалеко от монастыря. Большевики уничтожали великие культурные произведения. Так, в лагере Флоренский узнал, что власть конфисковала семейную библиотеку, и скорбел по этому поводу. Кроме того, при коммунистах сильно пострадала природа¹. Власть счи-

тала ее лишь сырьем для строительства социалистического общества. Флоренский отвергал такое внешнее, «научное» отношение к природе, которое не признает ее «внутренней жизни».

Еще до написания своего «Завещания» Флоренский размышляет о смысле детства. В переписке с В.В. Розановым Флоренский часто вспоминает детство. Он рассказывает, что особенно любил первые годы своей жизни: «Когда я был мал летам, я ужасно не хотел расти... Быть ребенком мне казалось верхом счастья и совершенства... И теперь... в глубине души, я... считаю себя “маленьким”, большого же – только играю» (Розанов, 2010: 28). В детстве Флоренский начал понимать необходимость обрести жизненные опоры. Он хотел узнать: какими были мои предки? выполняли ли они призвание своего рода? (см.: Розанов, 2010: 41). Что касается мирового культурного наследия, Флоренский рассказывает о своем собственном жизненном стремлении с юности «к высшим человеческим отношениям», символически выражающимся «в греческой культуре и еще в музыке Бетховена» (Розанов, 2010: 20). Также особое отношение к природе, которое открылось Флоренскому в детстве, часто описывается в переписке с Розановым: «С детства во мне жило влечение к таинственному. Символически это таинственное собиралось в грибах, лишаях, мхах, водорослях – вообще во всех тех тварях, которые стоят близко к границе жизни, к границе животного и растительного царства» (Розанов, 2010: 24).

В своих мемуарах и письмах, посвященных детям, Флоренский развивает свое понимание этих трех столпов. Он пишет, что впечатления от окружающего мира, которые человек получает в детстве, оказывают главенствующее влияние на развитие его мировоззрения и того, как, будучи взрослым, он будет относиться к миру и людям. Флоренский утверждает: «первые детские впечатления определяют дальнейшую внутреннюю жизнь» (Флоренский, 1992: 31). Когда рождается его пер-

¹ Например, «вскоре после преобразования Соловков в СЛОН были созданы бригады по уничтожению чаек» (Флоренский, 2004: 263).

вый внук, Флоренский пишет из лагеря своей невестке Наталье: «Пусть с первых же дней он получает наилучшие впечатления от мира. <...> ...Они, больше чем какие-либо другие, последующие, слагают основу личности» (Флоренский, 2004: 413). Он подчеркивает, что у родителей есть ответственность – передать детям правильное отношение к роду, к культуре и к природе.

Так как Флоренский узнавал в детстве о своих предках, он хочет, чтобы его дети тоже знали и помнили свой род. В своем «Завещании» он наказывает им: «Не забывайте рода своего... изучайте своих дедов и прадедов... <...> Старайтесь собирать [их. – Д.Б.] портреты, автографы, письма, сочинения... <...> Пусть вся история рода будет закреплена в вашем доме... <...> Главное же мне хотелось бы, чтобы дом оставался долго в нашем роде, чтобы под крылом Преподобного Сергия вы... имели крепость и твердую опору» (Флоренский, 2004: 25).

Также из лагеря Флоренский просит своих детей ценить свой род и семью. Его беспокоит, что его дочь Ольга позволяет товарищеской среде влиять на нее больше, чем семья. Он пишет ей: «Люди, особенно в молодости, думают самоуверенно... как им самим хочется в данный момент, нередко по прихоти или капризу» (Флоренский, 2004: 315). Но «того, что может дать родной дом, не даст потом никто и ничто» (Флоренский, 2004: 322). «Мамочка гораздо ценнее и дороже всяких вещей и людей, которые кажутся ценными» (Флоренский, 2004: 307-308).

Флоренский считает, что у каждого человека есть особые законы его рода, определяющие его жизненное призвание. Если ребенок не знает и не одобряет этих законов, впоследствии он встретит много жизненных сложностей. С точки зрения Флоренского, его отец и дед никогда не могли жить спокойно, потому что они не уважали особое призвание своего рода, призвание посвятить себя Богу (см. Флоренский, 2004: 41). В своем «Завещании»

Флоренский утверждает, что «задачи нашего рода... в области духовной жизни, в области культуры и просвещения» (Флоренский, 2004: 26). Более того, ему «кажется, что тяжелое, что пережил наш род... есть следствие уклонения от алтаря Господня. Пусть же в каждом поколении хоть один будет иерей» (Флоренский, 2004: 25). Если его дети забудут о прошлом рода, они повторят его ошибки (см.: Флоренский, 2004: 413).

Этот первый столп, знание о роде, связан со вторым: Флоренскому необходимо воспитывать своих детей и внуков, приобщая их к культурному наследию общества. Дочери Ольге он советует: «Расти, учись, развивайся, научись приобщаться тому, что есть у человечества лучшего» (Флоренский, 2004: 298). Невестке Наталье пишет: «Теперь, после рождения сына, на Вас эта обязанность культурного накопления ложится» (Флоренский, 2004: 413). «В соответствии с известным мне духом рода можно наметить... музыку, по высшему порядку, т. е. Бах, Моцарт, Гайдн... Далее: произведения изобразительных искусств, хотя бы в репродукциях. Надо, чтобы с первых же часов жизни он привыкал вживаться в... лучшие проявления человеческого творчества... позже вы сами убедитесь, что эти впечатления не миновали его» (Флоренский, 2004: 415). В письмах из лагеря Флоренский часто обсуждает со своими детьми литературу и поэзию, в том числе произведения Пушкина, Тютчева и Золя (см.: Флоренский, 2004: 423).

Флоренский считает, что впечатления детской встречи с культурным наследием общества – таким же образом, как знание рода – сопровождают человека всю жизнь и дают ему твердую опору. Культура «создает барьеры, изолирующие явление и не позволяющие ему... смешиваться с безразличным» (Флоренский, 2004: 319). Знание культуры позволяет человеку развивать его творческий потенциал. Чтобы его дети боролись с душевной усталостью, Флоренский советует им: «Читай что-нибудь хорошее, слушай музыку, смотри

картины, рисунки. Вообще делай свою жизнь заполненной предметами более достойными» (Флоренский, 2004: 205). Изучение культурного наследия помогает человеку понимать жизнь как целое, и эта цельность дает ему душевное здоровье (см.: Флоренский, 2004: 309).

Третьим столпом жизни является отношение к природе как тайне. Флоренский считает, что взрослые воспринимают мир по общим категориям познания. Они складывают свои впечатления о мире извне. Из лагеря Флоренский пишет: «Современное естествознание сделало огромные успехи. Но я опасюсь, не утратило ли оно главное – живого ощущения реальности своего объекта» (Флоренский, 2004: 382). В отличие от взрослых, дети обладают способностью воспринимать вещи изнутри. Они принимают «к самому существу» каждого отдельного объекта (Флоренский, 1992: 87).

Поэтому Флоренскому хочется, чтобы дети познакомились с природой и учились уважать ее и внимательно наблюдать за ней. Флоренский рассказывает своим детям о своем детском опыте, когда он ощущал, что «минералы, различные природные явления, в особенности многие цвета, запахи и вкусы были пронизаны глубинной энергией» (Флоренский, 1992: 89). Иногда происходило даже «некоторое природное чудо – когда сокровенная сущность приподымала завесу тайны и бросала оттуда лукавый взгляд», как будто глаза Флоренского непосредственно встретились со взором природы (Флоренский, 1992: 88). Тогда «мне открылась живая действительность таинственных сил естества» (Флоренский, 1992: 32).

Даже когда мир не открывается нам таким мистическим образом, Флоренский считает, что встреча с природой указывает нам на «целое», которое соединяет в себе все отдельные явления жизни и бытия. Когда мы наблюдаем мир непосредственно, «непредвзято и непредубежденно», открывается общая картина реальности, из которой «возникает интуиция типов строения

природы» (Флоренский, 2004: 334). Дочери Ольге Флоренский пишет: «Главное, мне кажется, чтобы ты... умела символически воспринимать действительность» (Флоренский, 2004: 307). В лагерных письмах, которые подвергаются цензуре, Флоренский не затрагивает религиозных тем, но мы знаем из его философских трудов, что он воспринимает мир в качестве символа, открывающего нам Бога (см.: Флоренский, 2017).

Когда Флоренский еще жил с семьей в Сергиевом Посаде, он любил прогуливаться с детьми. Они наслаждались свежим воздухом и чистой природой. В письме из лагеря он просит своего сына Василия позволить своему сыну (внуку Флоренского) прожить «хотя бы лето... в Посаде», так как там он будет «ближе к природе» (Флоренский, 2004: 409). Также его жене Анне Флоренский советует «побольше видеть лес, луга, цветы, облака... И маленькому [внуку – Д.Б.] тоже... в природе – самое лучшее воспитание» (Флоренский, 2004: 425). В лагере Флоренский сам продолжает внимательно наблюдать и подробно описывать природу вокруг него.

Флоренский считает, что природа, в качестве символа вечности, дает человеку утешение и душевное равновесие. Он пишет жене Анне: «Ведь это [восприятие природы. – Д.Б.] – лучшее, что есть в жизни и самое успокоительное» (Флоренский, 2004: 425). В «Завещании» Флоренский советует своим детям: «Почаще смотрите на звезды... Когда грустно... когда придет на вас душевная буря – выйдите на воздух и оставайтесь наедине с небом» (Флоренский, 2004: 30).

Подведем итоги: в детстве Флоренский открыл для себя внутреннюю свободу, которая сопровождала его всю жизнь и давала ему силу выносить тяжелые условия жизни в лагере. Для него эта свобода зависит от трех столпов: знания рода, знакомства с великим культурным наследием общества и восприятия символического характера природы. Утверждением этих столпов в своих детях родители передают

им свой собственный опыт осознания смысла жизни. Эта задача является актуальной и сегодня. Нам тоже необходимо защищать своих детей от дурных впечатлений, а также обеспечить им «свободную зону», в которой они могут достигать внутренней гармонии, несмотря на хаотические события нашего времени.

Источники

Флоренский, П.А. Все думы – о вас. Письма семье из лагерей и тюрем, 1933–1937 гг. СПб.: Сатисъ, Держава, 2004. 550 с.

Литература

Розанов, В.В. Собрание сочинений. Том 29. Литературные изгнанники. Кн. 2 / под общ. ред. А.Н. Николюкина; сост.: А.Н. Николюкин; коммент. А.Н. Николюкина, С.М. Половинкина, В.А. Фатеева. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. 957 с.

Флоренский, П. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Завещание / предисл. и коммент. игумена Андроника (Трубачева). М.: Московский рабочий, 1992. 560 с.

Флоренский, П.А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Академический проект, 2017. 905 с.

Sources

Florensky, P.A. (2004), *Vse dumy – o vas. Pis'ma semie iz lagerey i tyurem, 1933-1937 godov* [All thoughts are about you. Letters to the family from the camps and prisons, 1933-1937], Satis, Derzhava, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

References

Florensky, P. A. (2017), *Stolp i utverzhdienie istiny. Opyt pravoslavnoy teoditsei v dvenadtsati pis'makh* [The pillar and ground of the truth. The experience of the Orthodox theodicy in twelve letters], Akademichesky proekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Florensky, P. (1992), *Detyam moim. Vospominaniya proshlykh dney. Genealogicheskie issledovaniya. Iz solovetskikh pisem. Zaveschanie* [To my children. Memories of past days. Genealogical research. From the Solovetsky letters. The will], in abbot Andronik (Trubachev) (ed.), *Moskovskiy rabochiy*, Moscow, Russia (in Russ.).

Rozanov, V. V. (2010), *Sobranie sochineniy. Tom 29. Literaturnie izgnanniki. Kniga 2* [Collected works. Vol. 29. Literary Exiles. The second book], in Nikolyukin, A. N. (ed.), *Respublika, Rostok, Moscow, Saint-Petersburg, Russia* (in Russ.).

Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на международной научной конференции – IX чтениях памяти Н.Н. Страхова «Интеллектуальная история России XIX– начала XX вв.: линии преемственности и разрывы» (17–19 декабря 2020 г.)

The article is based on the report read at the International Scientific Conference – IX Readings in Memory of N.N. Strakhov “Intellectual History of Russia in the 19th – early 20th centuries: lines of succession and breaks” (December 17–19, 2020).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare

ОБ АВТОРЕ:

Бёрджесс Джон Пол, Ph.D., профессор, Питтсбургская богословская семинария, Н. Хайленд-Авеню, 616, Питтсбург, 15206, США; jburgess@pts.edu.

ABOUT THE AUTHOR:

John Paul Burgess, Ph.D., Professor, Pittsburgh Theological Seminary, 616 N. Highland Ave., Pittsburgh, PA 15206 USA; jburgess@pts.edu

УДК 32.019.52

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-3

Домбровская А. Ю.¹,
Никулин Е. Р.² | Медийная инфраструктура протеста в «новых» медиа
на примере белорусского кейса (декабрь 2019 года):
структура, каналы, смыслы, технологии

Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская,
д. 1, стр. 1, г. Москва, 119991, Россия;
¹au.dombrovskaya@mpgu.su; ²egor.nikulin.98@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию медийной инфраструктуры протестной волны в Республике Беларусь (далее РБ) в декабре 2019 года. Для изучения темы разработан понятийный аппарат, связанный с медийной архитектурой протестной активности граждан, и выявлены ее основные составные элементы. В рамках исследования проанализирована с помощью введенных в научный оборот данных киберметрии на русском и белорусском языках медийная инфраструктура белорусских протестов по выявленным нами параметрам, а также изучены и сопоставлены основные характеристики данной инфраструктуры с социально-экономическими и культурно-историческими особенностями РБ.

Ключевые слова: протест; протестная волна; медийная инфраструктура; протестная активность; медийный агент; политический актор; медийная архитектура.

Для цитирования: Домбровская А. Ю., Никулин Е. Р. Медийная инфраструктура протеста в «новых» медиа на примере белорусского кейса (декабрь 2019 года): структура, каналы, смыслы, технологии // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 1. С. 25-43. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-3

A. Yu. Dombrovskaya¹,
E. R. Nikulin² | Media infrastructure of protest in the “new” media
on the example of the Belarusian case (December 2019):
structure, channels, meanings, technologies

Moscow State Pedagogical University, 1/1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119991, Russia;
¹au.dombrovskaya@mpgu.su; ²egor.nikulin.98@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the media infrastructure of the protest wave in the Republic of Belarus (hereinafter RB) in December 2019. In order to study the topic, a conceptual apparatus related to the media architecture of citizens' protest activity has been developed and its main constituent elements have been identified. Within the framework of this work, with the help of cybermetry data introduced into scientific circulation in Russian and Belarusian languages, the media infrastructure of the Belarusian protests was analyzed according to the parameters we identified, and the main characteristics of this infrastructure were studied and com-

pared with the socio-economic and cultural-historical features of the Republic of Belarus.

Keywords: protest; protest wave; media infrastructure; protest activity; media agent; political actor; media architecture

For citation: Dombrovskaya A. Yu., Nikulin E. R. (2021), "Media infrastructure of protest in the "new" media on the example of the Belarusian case (December 2019): structure, channels, meanings, technologies", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (1), 25-43, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-3

Актуальность и проблемное поле исследования

На сегодняшний день принято считать, что политические системы РФ и РБ практически идентичны: они персонифицированы, авторитарны, с высоким уровнем цензуры традиционных СМИ, отсутствием реальной оппозиции в «системном» секторе политики и наличием активных оппонентов власти в «несистемном». Данные тезисы подтверждает компаративное исследование политических ценностей и приверженности демократии

И.А. Василенко, Л.Г. Титаренко (см.: Василенко, Титаренко, 2015), а также общее сравнение политических систем РФ и РБ в исследовании А.В. Левина (см.: Левин, 2019). Причиной тому, с нашей точки зрения, являются исторический бэкграунд исследуемых государств с традиционно закрепленным в политической традиции и культуре авторитаризмом, а также политические условия, сложившиеся в РФ и РБ в последние несколько десятков лет и выражающиеся в «закреплении» во властных структурах «коллективного» В. Путина и «коллективного» А. Лукашенко.

Подтверждает высказанный тезис и тот факт, что начало или конец электорального цикла в РФ или РБ характеризуется наличием протестной активности, которая имеет либо слабое, либо сильное выражение не только в онлайн-, но и в офлайн-среде. В данном контексте целесообразно изучить медийную инфраструктуру

ру белорусского протеста в декабре 2019 года, который имел место быть в офлайн- и онлайн-пространстве, и определить основные черты этой инфраструктуры, поскольку, в силу описанной выше схожести политических культур РБ и РФ, возможно, та же структура, апробированная в РБ, будет использоваться в случае дестабилизации политической ситуации в РФ. Следовательно, особый интерес для нас представляет медийная архитектура протестной волны в РБ в декабре 2019 года в онлайн-среде, ее основополагающие черты, а также ее эффективность в изучаемом нами кейсе.

Кроме того, акцент на внешнеполитической тематике (выбор между «Востоком» и «Западом») актуален для подавляющей части протестных волн на территории постсоветского пространства, что также актуализирует данное исследование и расширяет его проблемное поле, поскольку схожие каналы, содержательные и технологические характеристики медийной инфраструктуры могут быть использованы для «выдавливания» РФ из зоны ее геополитических интересов.

Исходя из этого, в процессе реализации данного исследования необходимо изучить составные элементы медийной инфраструктуры исследуемого нами явления, его акторов, продуцирующих контент, и их влияние на протесты в офлайн-среде.

Целью исследования является комплексный анализ медийной инфраструкту-

ры протестов в Белоруссии в декабре 2019 года.

Теоретический объект – медийная инфраструктура протестной волны в сетевом пространстве.

Каналы и механизмы взаимодействия политических акторов, являющихся лидерами и активистами протестов в 2019 году, в социально-медийном пространстве составляют *предметную область* статьи.

Эмпирический объект представляет собой контент релевантных теме данной работы сообществ в социальных сетях¹, популярных в исследуемом нами государстве.

Теоретическая база исследования

Поскольку работа носит бинарный характер и анализирует онлайн- и офлайн-протест, то целесообразно разделить теоретическую базу на две группы. Первая из них посвящена протесту как явлению общественной и политической реальности. Среди классических исследователей в нее входят Г. Лебон с его концепцией «массового заражения» (см.: Лебон, 2007) и Х. Ортега-и-Гассет (см.: Ортега-и-Гассет), создавший парадигму массового поведения. Исходя из этих исследовательских работ, массовый протест не может обойтись без определенных символических основ, а также без каналов коммуникации для мобилизации массовой акции и управления ею, что актуально в рамках нашего исследования в силу того, что именно медийная инфраструктура, с нашей точки зрения, является тем пространством, где формируется и популяризируется символика протеста и осуществляется его информационный менеджмент.

Вторая группа представляет для нас наибольший интерес, так как она объясняет

роль интернет-медиа в протестных процессах: протест как явление в медийной сфере без ярких проявлений в пространстве офлайн, а также взаимосвязь виртуального и реального протеста. Из классиков следует выделить М. Кастельса (см.: Castells, 2009), работы которого описывают структуру новых социальных медиа, что в данном исследовании необходимо, а также труды Г. Рейнгольда, обращенные к технологии мобилизации протестующих в интернет-СМИ (см.: Рейнгольд, 2006). Среди современных исследований, изучающих виртуальную сферу, процесс создания новых идентичностей и смыслов в интернет-пространстве и их переход в реальность, целесообразно отметить работы Е.В. Бродовской и А.Ю. Домбровской (см.: Интернет-технологии..., 2016) и статью Е.Р. Никулина, А.Е. Шубина (см.: Никулин, Шубин, 2019). Именно данные исследования обосновывают взаимосвязи онлайн- и офлайн-пространств, а также изучают и характеризуют каналы данного взаимодействия. Однако поскольку настоящее исследование основано на медийной инфраструктуре «новых» медиа, то необходимо проанализировать, что понимается под данным термином, его структуру, функции. Медийная, она же, как отмечают Горбуновы, информационная инфраструктура представляет собой онлайн-пространство, обеспечивающее функционирование медийной среды и взаимодействие пользователей внутри того или иного информационного поля (см.: Горбунова, Горбунов, 2014). Исходя из этого, заметим, что медийная инфраструктура состоит из нескольких групп структурных элементов. Первая из них – семантическая, включающая в себя информационное поле, которое следует трактовать как контекст смыслов, продуцируемых в рамках данного поля и являющихся дискурсами, а также механизмов манипуляции, рассматриваемых нами в рамках настоящей работы в

¹ https://docs.google.com/spreadsheets/d/1cwZQicHDEXZuM1fA2Xir4_X7GeJF_O9DNaGAEH7do1A/edit?usp=sharing (Лист 1).

качестве семантического ядра релевантного информационного потока, влияющего на его восприятие потребителями контента. Вторая – конструкционная, состоящая из непосредственно площадок того или иного информационного поля, каналов горизонтальной (между акторами политического процесса в сетевой среде) и вертикальной (между участниками онлайн-пространства, создающего контент и потребляющего его) коммуникаций и типов контента, наиболее удобных для условных «читателей». Следовательно, медийная инфраструктура включает в себя блогохостинги, сообщества и аккаунты, освещающие те или иные события, их взаимосвязи, семантическое ядро (облако тегов), и – поскольку в данном исследовании заявлено изучение ее влияния на протесты в офлайн-среде в обозначенном выше кейсе – динамика.

Методологическая база исследования

Данное исследование основывается на двух научных подходах: сетевом и неoinституциональном (в его когнитивистской версии).

Авторами сетевого подхода являются исследователи, на которых мы ссылались в теоретическом блоке работы: М. Кастельс, Г. Рейнгольд, Р. Роуз и М. Фасслер, благодаря концепциям которых мы можем актуализировать и проанализировать платформу данного исследования, а именно сетевое пространство. Именно в рамках данного научного подхода в настоящем исследовании разрабатывается методика и реализуется большая часть методов.

Неоинституциональный (в его когнитивистской версии) подход, авторами которого являются Дж. Марч и Й. Олсен, также расширяет возможности анализа в нашей работе, только не в плане методических аспектов, как сетевой, а в концептуальных. Именно данный подход позволяет не ограничиваться институциональной со-

ставляющей политических процессов и явлений, а изучать их с неформальной стороны. Это направление занимает важное место, так как именно в его рамках нами будет проведена основная часть исследования. Подчеркнем, что согласно когнитивистской версии неoinституционализма любой медийный поток (в том числе любой текст) следует рассматривать в качестве продукта политических агентов, которые стремятся реализовать свои интересы в медийной сфере. А сам информационный поток можно «разложить» на измеряемые параметры и детально его изучить.

Формирование выборочной совокупности

Поскольку исследование главным образом реализуется в сетевом пространстве, то для формирования выборочной совокупности необходимо ранжировать различные социально-медийные платформы по их политизированности и популярности, а затем определить выборочную совокупность. Итак, «ВКонтакте» является крупнейшей сетевой площадкой РБ по данным исследований Института социологии НАН Беларуси, согласно которым 43 % населения РБ пользуется «ВКонтакте», 36,6 % – «Одноклассниками», Instagram – 27,8 %, Facebook – 15,3 %, Twitter – 6,3 %². При этом аудитория «ВКонтакте» и Instagram, как и большинства социальных сетей, по большей части – молодежь (до 30 лет), а «Одноклассники» – социальная сеть преимущественно для средней возрастной категории (от 30 до 50 лет).

Более того, исходя из данных, представленных в аналитическом отчете Digital 2019, «ВКонтакте» входит в тройку самых

² «ВКонтакте» стал самой популярной соцсетью в Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <http://socio.bas-net.by/vkontakte-stal-samoj-populyarnoj-sotssetyu-v-belarusi/> (дата обращения: 10.12.2020).

популярных сайтов (YouTube, Google.com и «ВКонтакте»), посещаемых белорусами в 2019 году³.

Также, с нашей точки зрения, целесообразно проанализировать не только сегмент социальных медиа, связанный с социальными сетями, но и мессенджеры, которые являются перспективным медийным инструментом влияния на политический процесс. Итак, согласно данным Infopolicy.biz, ведущими мессенджерами в белорусском сегменте являются Viber, Skype и WhatsApp⁴. Такая же тройка фигурирует и в ином исследовании, где обозначена популярность в процентном виде: Viber – 93 %, Skype – 62 % и WhatsApp – 41 %⁵. Стоит отметить, что всего на несколько пунктов от WhatsApp отстает Telegram (35 %). Однако информационный поток именно Telegram носит релевантный нашей теме характер, так как Telegram-каналы пользуются

большой популярностью, являясь многотысячной площадкой коммуникации по широкому спектру тем, в том числе и политических, а остальные – лишены политического контента и используются строго для личной коммуникации.

Исходя из представленных выше данных, большая часть отобранных групп, релевантных теме данного исследования, должна принадлежать «ВКонтакте». Следующая соцсеть по числу групп в списке сообществ – «Одноклассники», а остальные социальные сети – по равному количеству сообществ. С нашей точки зрения, логичнее всего отобрать 100 сообществ, продуцирующих контент с политическим (или внешнеполитическим, поскольку основной тематикой протестов являлась активация процесса интеграции РБ и РФ в рамках Союзного государства) дискурсом, и разделить 100 сообществ списка по сегментам блоггостинга следующим образом:

Таблица 1. Соотношение сетевых площадок исследования
 Table 1. Ratio of network sites in the study

Сегмент блоггостинга / Blog hosting segment	Число сообществ / Number of communities
«ВКонтакте»	30 сообществ
«Одноклассники»	15 сообществ
YouTube	10 сообществ
Telegram	10 сообществ
Facebook	10 сообществ
Instagram	5 сообществ
Twitter	20 сообществ

³ Digital 2019: тренды использования интернета, соцсетей, мобильных платформ, электронной торговли по Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://dev.by/news/digital-2019-belarus> (дата обращения: 10.12.2020).

⁴ Оценка пользования мессенджерами в Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infopolicy.biz/?p=11830> (дата обращения: 10.12.2020).

⁵ Составлен Топ-5 самых популярных соцсетей и мессенджеров в Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nv-online.info/2018/10/31/sostavlen-top-5-samyh-populyarnyh-sotssetej-i-messendzherov-v-belarusi.html> (дата обращения: 10.12.2020).

Отметим, что «перекос» в количестве сообществ Instagram и Twitter объясняется уровнем их политизированности. В работе группы исследователей во главе с С.Н. Федорченко отмечено, что политизированность Twitter самая высокая среди сегментов социальных медиа (8 из 10), а Instagram, напротив, самая низкая (1 из 10) (см.: Финальный аккорд..., 2018). Поскольку тема данной работы носит сугубо политический характер, то для нас представилось логичным повысить квоты для высокополитизированных сетей и сократить для низкополитизированных.

Отбор релевантных теме исследования сообществ осуществлялся по принципу их политической ориентации, а также с опорой на исследовательские данные. Например, согласно результатам исследования С.Н. Федорченко и его команды, соотношение провластных сообществ и оппозиционных в белорусском сегменте интернета примерно равно (провластные – 47 %, оппозиционные – 53 %). Несколько иным образом описывают сетевое пространство РБ группа исследователей Агентства социального инжиниринга, согласно которым большая часть информационного потока политического содержания принадлежит именно оппозиционным медийным агентам. Подобного рода ситуация, с нашей точки зрения, объясняется тем фактом, что оппозиционный блок сообществ включает в себя все непровластные группы⁶.

Следовательно, логично сегментировать оппозиционные сообщества по степени радикальности их дискурса: умеренно оппозиционные, радикально оппозиционные и, например, нейтральные, контент которых редко касается политической повестки, но данные сообщества популярны. Таким образом, принцип формирования списка сообществ, релевантных теме ис-

следования, заключается в примерно равном распределении по 25 сообществ на каждую обозначенную характеристику.

Кроме этого, важными параметрами отбора групп являются количество подписчиков (читателей) и возраст сообщества. В данном исследовании интерес для нас будут представлять сообщества с количеством подписчиков более 700 человек и возрастом сообщества не менее года (общепринятые нормы).

Методика. При формировании и заполнении матрицы⁷ (методами дискурс-анализа и контент-анализа), с помощью которой нами будет описан релевантный теме исследования информационный поток, особое внимание следует уделить параметрам, «измеряющим» его⁸.

Важнейшим параметром, характеризующим контент определенных нами ранее сообществ, является язык. Данный параметр имеет три значения: русский, белорусский и английский. Наличие третьего значения объясняется сугубо прозападной позицией определенных политических акторов РБ, являющихся авторами контента социально-медийных сообществ.

Второй параметр матрицы – политическая позиция сообщества, из которого взята та или иная единица анализа. Данный параметр необходим для изучения политического контента, продуцируемого акторами с той или иной позицией в политическом ландшафте РБ. Также наличие данного параметра логично с точки зрения опоры на работы, рассмотренные нами ранее (например, С.Н. Федорченко). Единица анализа в рамках данного параметра может принимать значения: провластная, формально оппозиционная, неформально оп-

⁶ Анализ работы Запада в Беларуси [Электронный ресурс]. URL: https://sea.com.ru/wp-content/uploads/2019/03/Analiz_raboty_zapada_v_Belorusii.pdf (дата обращения: 10.12.2020).

⁷ Макет матрицы см.:

https://docs.google.com/document/d/1e3XSPTtEijnR054K3e_Hnc-Liw4hipznV4gCmESE9Zw/edit?usp=sharing

⁸ https://docs.google.com/spreadsheets/d/1cwZQicHDEXXZuM1fA2Xir4_X7GeJF_O9DNaGAEH7do1A/edit?usp=sharing (Лист 2).

позиционная («несистемная» оппозиция) и нейтральная.

Третий параметр опирается на концепцию М. Смита, одного из родоначальников теории социальных установок, определяющего их трехкомпонентную совокупность: когнитивный компонент, аффективный компонент, поведенческий компонент (см.: Smith, 1947). Отметим, что данные элементы социальной установки тесно взаимосвязаны и могут быть представлены в ней в разной пропорции. Исходя из этого, нами будет определен преобладающий компонент в рассматриваемой единице анализа, которая будет принимать следующие значения: рациональный (нацеленный доказать читателю какую-либо идею), иррациональный (нацеленный вызвать у читателя сильные эмоции и впечатление от прочитанного) и призывающий читателя к каким-либо действиям (нацеленный на контроль и управление поведением читателя).

Четвертый параметр отражает манипулятивную сторону единицы анализа. При формировании спектра значений данного параметра мы опирались на описание манипуляторных технологий манипуляций С.В. Володенковым (см.: Володенков, 2012: 98-101). Итак, данный параметр будет принимать следующие значения: метод повторения (частое повторение тезиса), метод наклеивания ярлыков (присвоение тому или иному актору или событию «клички» с негативным или саркастическим окрасом), метод «общего вагона» (убеждение в том, что данная точка зрения разделяется большинством в обществе), метод утечки секретной информации (автор контента обладает «особенными» знаниями, недоступными широкому читателю), метод «спирали молчания» (схож с методом «общего вагона», но акцентирует внимание читателей не на присоединение к большинству, а на отсоединение от меньшинства), метод универсальности (затрагивает потребность человека быть в без-

опасности, для чего нужно быть «как все»), метод объективного подхода (вывод из представленных фактов несуществующей тенденции), метод семантического манипулирования (освещение темы с помощью слов, воспринимаемых обществом негативно или позитивно, что придает определенный окрас и данной теме), метод перефокусировки внимания (смещение акцента на незначительный, но выгодный манипуляторам факт), метод введения в сознание полярности (искусственное создание двух полярных точек зрения), метод «средних цифр» (средние значения скрывают реальную ситуацию), метод «белого шума» (суть теряется за множеством незначительных фактов), метод «органического совпадения точек зрения» (постепенная корректировка позиции общества на ту или иную проблему, тему), метод «информационной изоляции» (манипулятор описывает только часть правды, выгодную ему). Кроме этих значений, необходимо обозначить отсутствие манипуляций, представленных выше.

Следует также подчеркнуть, что в одной единице анализа может встречаться несколько манипулятивных методов. В таком случае, нами будет отмечено в матрице значение самой ярко выраженной манипуляции.

Следующий параметр определяется исходя из подхода к анализу дискурса М. Фелвола, который выделял критерии для классификации информационных потоков интернет-сообществ относительно их наполненности по следующим темам: акторы (политические субъекты), события (артефакты) и темы (концепты) (см.: Thelwall, Buckley, Paltoglou, 2010). В связи с этим мы выделяем несколько значений тематического параметра, по которым будем дифференцировать единицы анализа с точки зрения их центральной тематики: контент о политических акторах, контент о событиях и контент о темах.

Шестой параметр информационного потока является ключевым в данной работе, поскольку характеризует внешнеполитическую ориентацию единицы анализа, которая является основной в дискурсивном поле исследуемого нами кейса. Примечательно, что, например, пророссийский дискурс не всегда может быть направлен против проевропейской позиции или какого-либо иного внешнеполитического актора. Поэтому, определяя значения данного параметра, мы, опираясь на дифференциацию сетевого информационного потока Е.А. Чурашовой, описываем внешнеполитическую ориентацию единицы анализа с точки зрения дискурса-защиты и дискурса-нападения (см.: Чурашова, 2013). Кроме этого, разделяя данный параметр на значения, необходимо определиться с основными внешнеполитическими акторами, которые интересны «внутреннему» потребителю в РБ. Как отмечалось ранее, внешнеполитическая ориентация РБ носит биполярный характер: с одной стороны, РБ ориентирована на РФ, а с другой – на коллективный Запад, который, с нашей точки зрения, логично разделить на американский кластер и европейский, так как в историческом и культурном аспекте европейские страны воспринимаются гражданами РБ несколько иначе, чем США (и Канада). Остальные регионы (Азию, Африку и Латинскую Америку) из-за предположительно низкого уровня присутствия контента, связанного с ними, целесообразно объединить в рамки одного значения. Также мы считаем необходимым для описания информационного потока с внешнеполитической нагруженностью добавить еще одно значение, описывающее стремление к «самобытности» в единице анализа. Следовательно, данный параметр будет принимать следующие значения: пророссийская, антироссийская, проевропейская, антиевропейская, проамериканская, антиамериканская, проазиатская (а также проафриканская и пролатиноамериканская), ан-

тиазиатская (а также антиафриканская и антилатиноамериканская) и «самобытная» (ориентирующаяся на собственный национальный путь) позиции.

Следующие три параметра отражают контекст, дискурс и семантическое ядро единицы анализа и необходимы для составления словаря поисковых запросов в рамках использования инструмента IQ BUZZ⁹. Если последний параметр заключается во внесении в матрицу данного исследования наиболее часто употребляемых слов, словосочетаний, хештегов, жаргонизмов и т. д., релевантных теме работы, то контекст и дискурс нуждается в разграничении. По мнению Т. Дейка, контекст (в терминологии автора «контекстуальная модель») – «связующее звено» между дискурсом и общественными процессами, в нашем случае, касающимися внешнеполитической повестки (см.: Van Dijk, 2009). Иными словами, контекст – информационное поле, сформированное для продвижения, обсуждения и осуждения основных общественно-политических проблематик в рамках того или иного общества. Дискурсом же, с точки зрения П. Серио, является конструкт, воздействующий на читателя в рамках той или иной ситуации (см.: Серио, 1999: 27). Следовательно, контекст – информационное поле общественной темы, дискурс – смыслы в рамках обозначенного информационного поля, а текст (семантика дискурса) – инструмент коммуникации, раскрывающий в «правильном» ключе смысл (дискурс).

Последние два параметра матрицы не несут какой-либо описывающей информационный поток нагрузки, а, скорее, являются необходимыми для серьезного исследования составляющими: дата публикации единицы анализа и ссылка на нее.

⁹ Словарь поисковых запросов: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1cwZQicHDEXXZuM1fA2Xir4_X7GeJF_O9DNaGAEN7do1A/edit?usp=sharing (Лист 3).

Результаты исследования

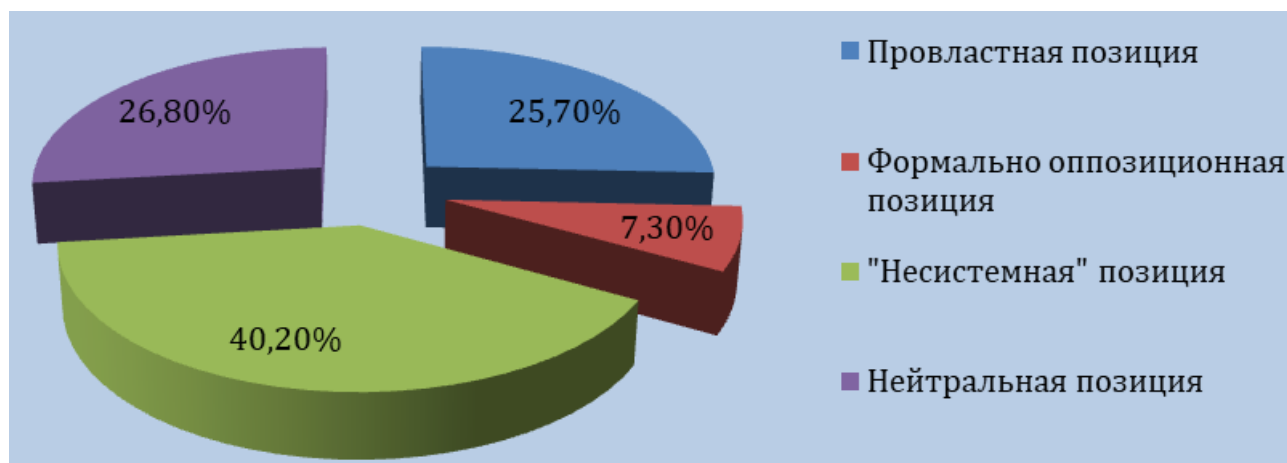

Рис. 1. Политическая позиция единицы анализа
Fig. 1. Political position of the unit of analysis

Исходя из данных, представленных на рис. 1, большая часть медийных акторов, продуцирующих внешнеполитический, следовательно, и протестный контент, относится к «несистемной» оппозиции. Связано это, с нашей точки зрения, с тем, что их полулегальное положение хотя и ослабляет их влияние на реальную внутриполитическую повестку в РБ, но дает более широкие, не ограниченные негласными «правилами игры», возможности в медийном, особенно сетевом пространстве, в отличие, например, от формально оппозиционного блока (у которого ситуация диаметрально противоположная), представленного на данной диаграмме незначительными показателями. В отношении, равном примерно $\frac{1}{4}$ от общего числа представлены нейтральные и провластные продуценты внешнеполитического контента. Логично отметить, что нейтральные сообщества, не касающиеся политической тематики, используют внешнеполитическую проблематику, поскольку в послед-

нее время, особенно в контекстах Минской протестной волны декабря 2019 года, активации дискурса вокруг ускорения интеграционного процесса в рамках Союзного государства, а также украинских событий, именно внешнеполитический дискурс необходим для увеличения медийного охвата, нахождения в общебелорусском информационном тренде и для привлечения новых целевых аудиторий. Провластные политические акторы (в первую очередь, «пролукашенковские» политические силы) в медийном пространстве «продвигают» свои интересы, в том числе и в отношении их внешнеполитической стратегии. Однако относительно небольшая их представленность во внешнеполитическом дискурсе страны объясняется тем, что в медийном менеджменте данных продуцентов основной акцент делается на традиционные СМИ, так как у них в данном сегменте медиа несравнимо широкая по сравнению с иными политическими акторами ресурсная база.

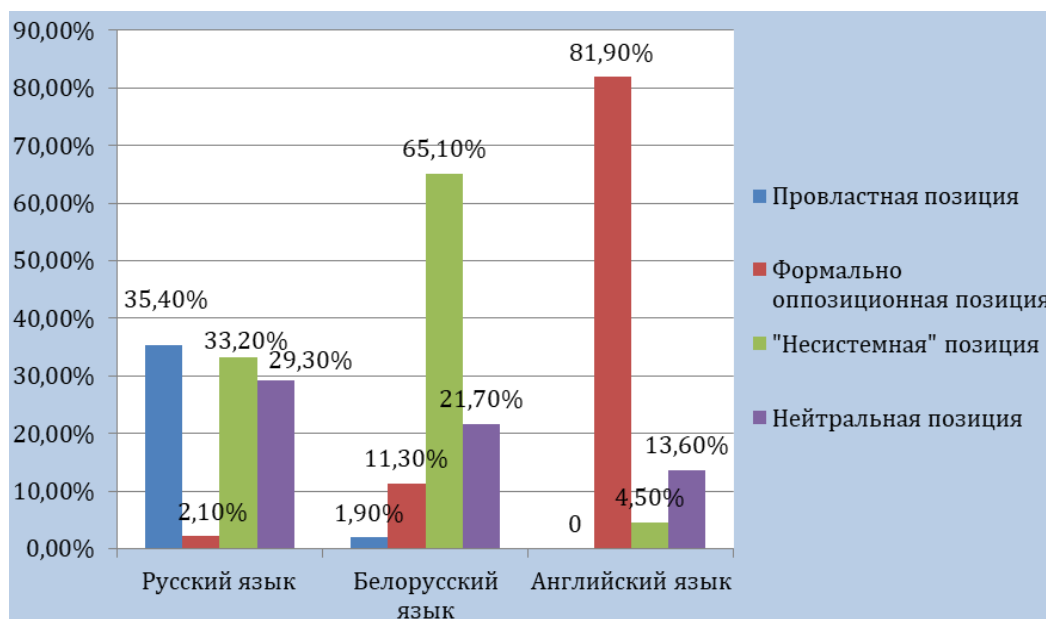

Рис. 2. Сопряжение языковых особенностей и политической позиции единицы анализа
Fig. 2. Ratio of linguistic features and political position of the unit of analysis

Как видно на рис. 2, русский язык является равно популярным для провластных, оппозиционных (формальных) и нейтральных сообществ. Это говорит о том, что русский язык – язык не только пророссийского дискурса, а универсальное средство коммуникации для всего политического пространства РБ. Белорусский язык является языком коммуникации преимущественно «несистемной» оппозиции.

Связано это с тем, что данная политическая сила нацелена на культурное, историческое и политическое обособление от РФ, как от фактора, по их мнению, препятствующего окончательному формированию белорусской национальной идентичности. Английский язык наиболее популярен у формальной оппозиции, поскольку, как отмечалось выше, условно данный сегмент оппозиции является прозападным.

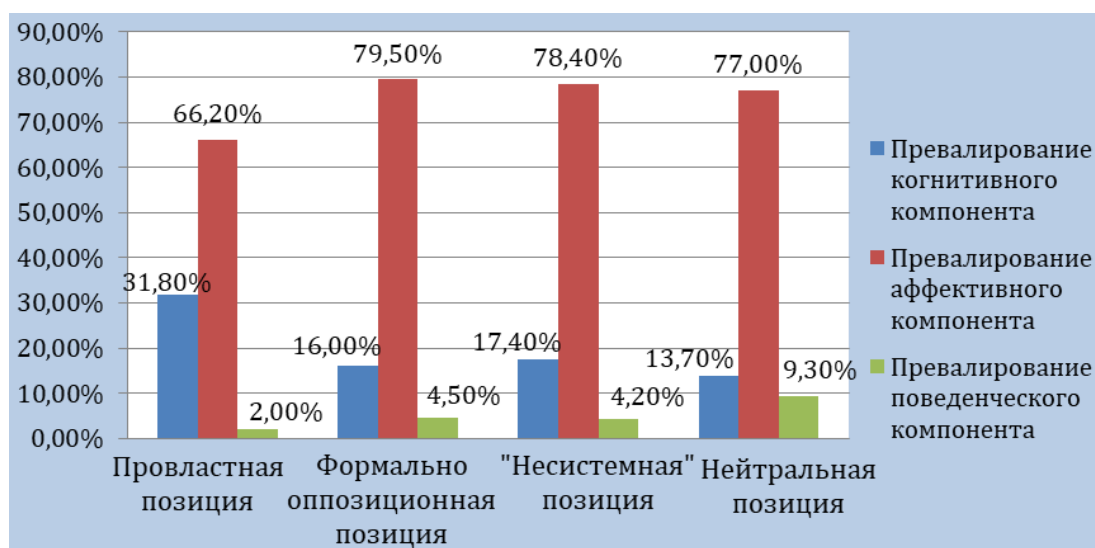

Рис. 3. Сопряжение политической позиции и содержательных особенностей единицы анализа

Fig. 3. Ratio of political position and content features of the unit of analysis

С нашей точки зрения, английский язык в данном случае является некоторым антиподом, альтернативной языковой политикой и цивилизационной принадлежностью политических сил и поддерживающих их слоев населения.

Превалирование аффективного компонента во всех секторах политического

ландшафта РБ объясняется высоким уровнем манипулятивной составляющей при формировании и поддержании той или иной внешнеполитической установки. Уверены, что подобная картина сохранится до тех пор, пока не будет разработана медийная стратегия, построенная на иных принципах и механизмах достижения целей.

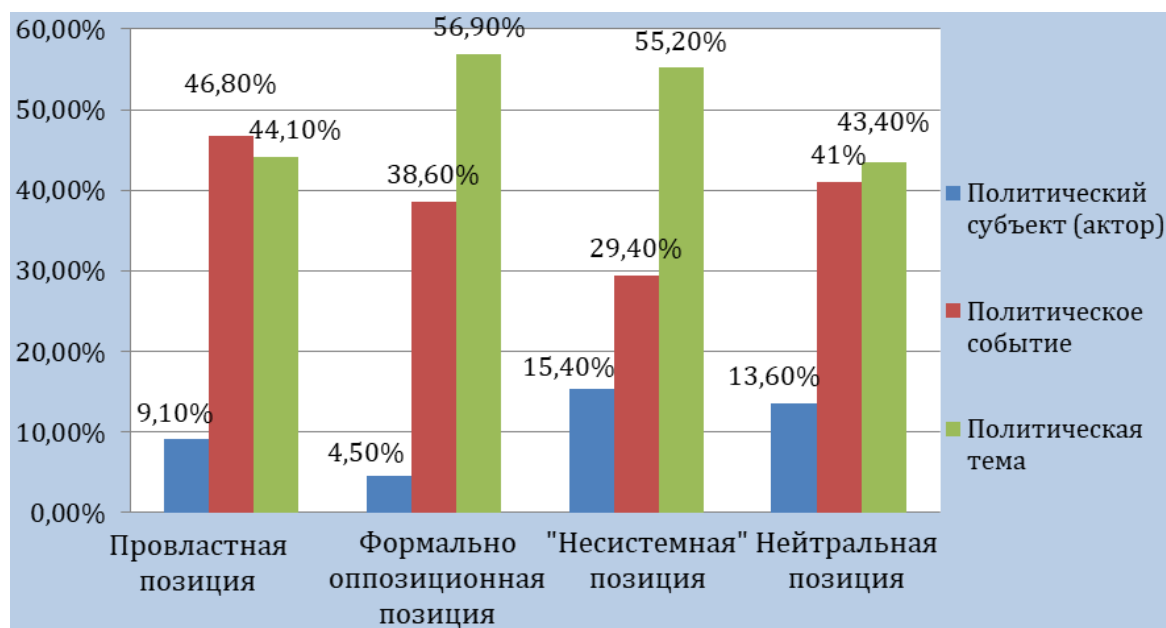

Рис. 4. Сопряжение политической позиции и тематических особенностей единицы анализа
 Fig. 4. Correlation of political position and thematic features of the unit of analysis

Анализируя рис. 4, следует отметить, что во всех секторах политического ландшафта РБ преобладает политическая тема и политическое событие. Повестка, которая стала основой для медийного менеджмента политических акторов, тесно связана с теми или иными событиями (например, встречи В.В. Путина и А.Г. Лукашенко) и темами (глубина интеграции между РБ и РФ), носящими антироссийский характер, что и объясняет их популярность в использовании политическими силами в контексте подготовки протестной волны и ее реализации. Кроме того, с нашей точки зрения, именно данные значения тематического параметра способны влиять на внут-

риполитическую повестку, и абсолютно логично, что в рамках конкуренции политические силы используют такие темы и события, грань между которыми зачастую сложно определить. Исходя из этого, именно политические темы и события будут эксплуатироваться политическими акторами. Отдельно хотелось бы отметить, что наибольшую долю «политический субъект» занимает именно в «несистемном» секторе РБ, что свидетельствует как раз о формировании национального «пантеона героев» и, скорее всего, сегмент, связанный с политическим субъектом, в медийном менеджменте политических сил РБ будет только расти.

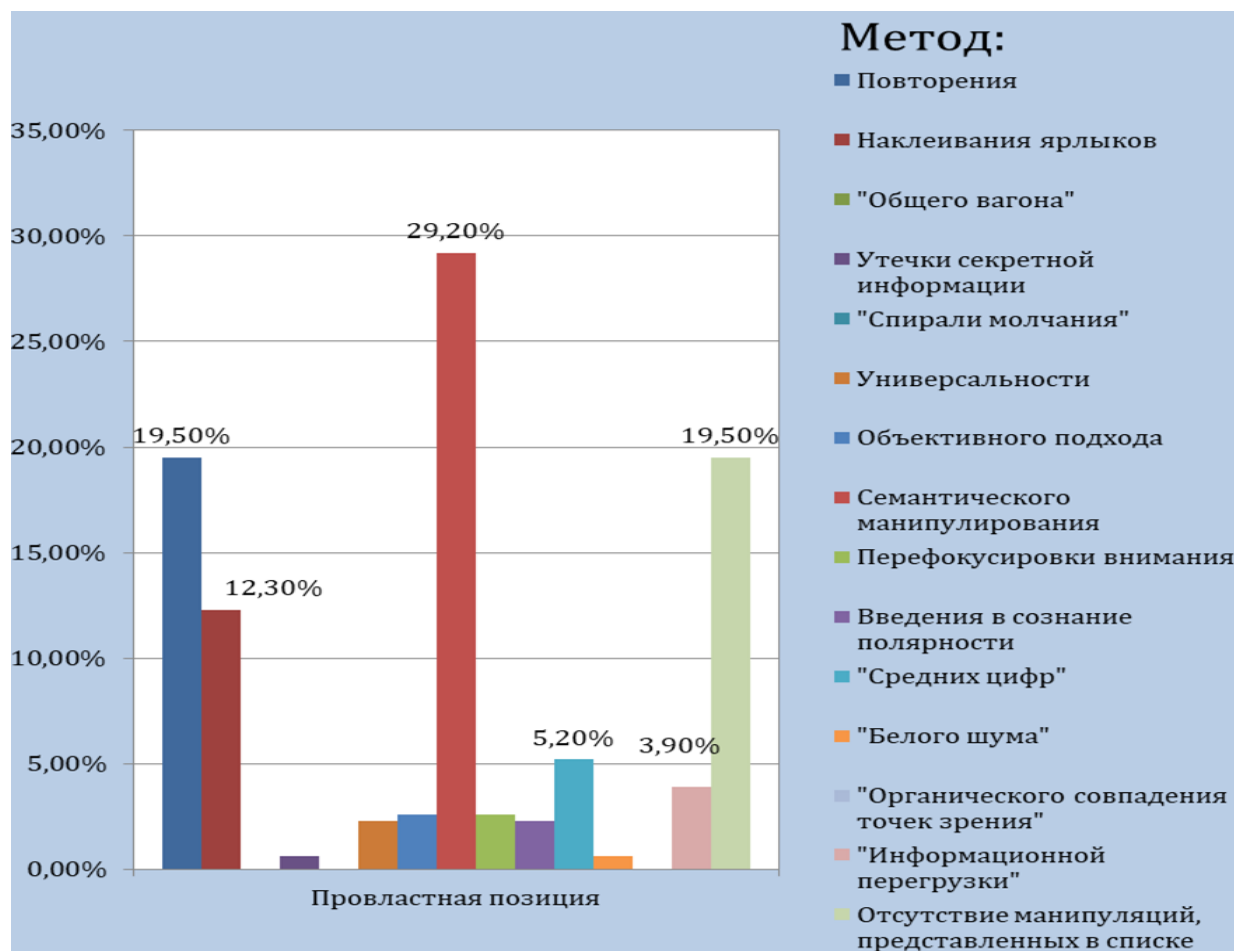

Рис. 5. Манипулятивные особенности провластных единиц анализа
 Fig. 5. Manipulative features of pro-government units of analysis

Наиболее подробно медийный менеджмент политических акторов характеризуют методы, которые они применяют для достижения собственных целей. Данные (рис. 5) указывают на то, что методическая база провластного медийного менеджмента состоит по большей части из трех основных методов: метода семантического манипулирования, метода повторения и метода наклеивания ярлыков, что уже объяснялось выше их простотой и эффективностью.

Формально оппозиционные политические организации используют более обширный набор методов, чем их провластные коллеги (рис. 6); несмотря на это, их представленность в сетевом пространстве РФ чрезвычайно мала. Возможно, это связано с неудачным выбором площадок для медийного менеджмента, каналов коммуникации или же с имиджем оппозиционных политических партий, сложившимся в обществе и неподдающимся корректировке даже с помощью грамотной медийной политики.

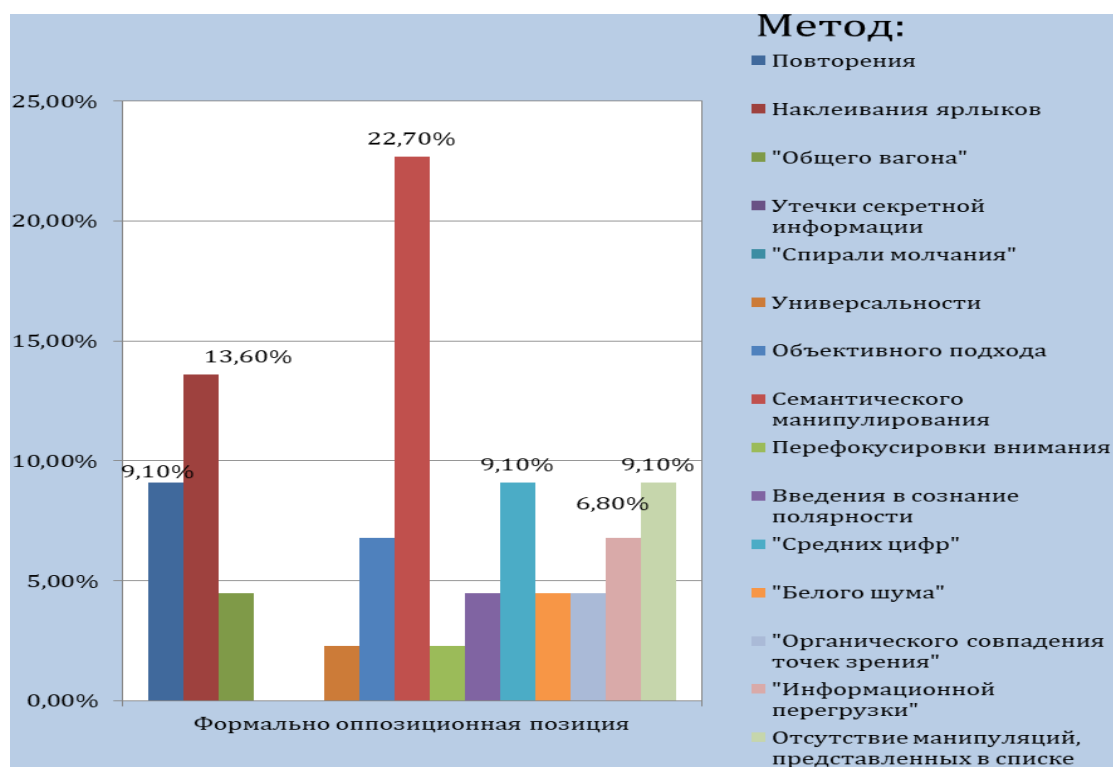

Рис. 6. Манипулятивные особенности формально оппозиционных единиц анализа
Fig. 6. Manipulative features of formally oppositional units of analysis

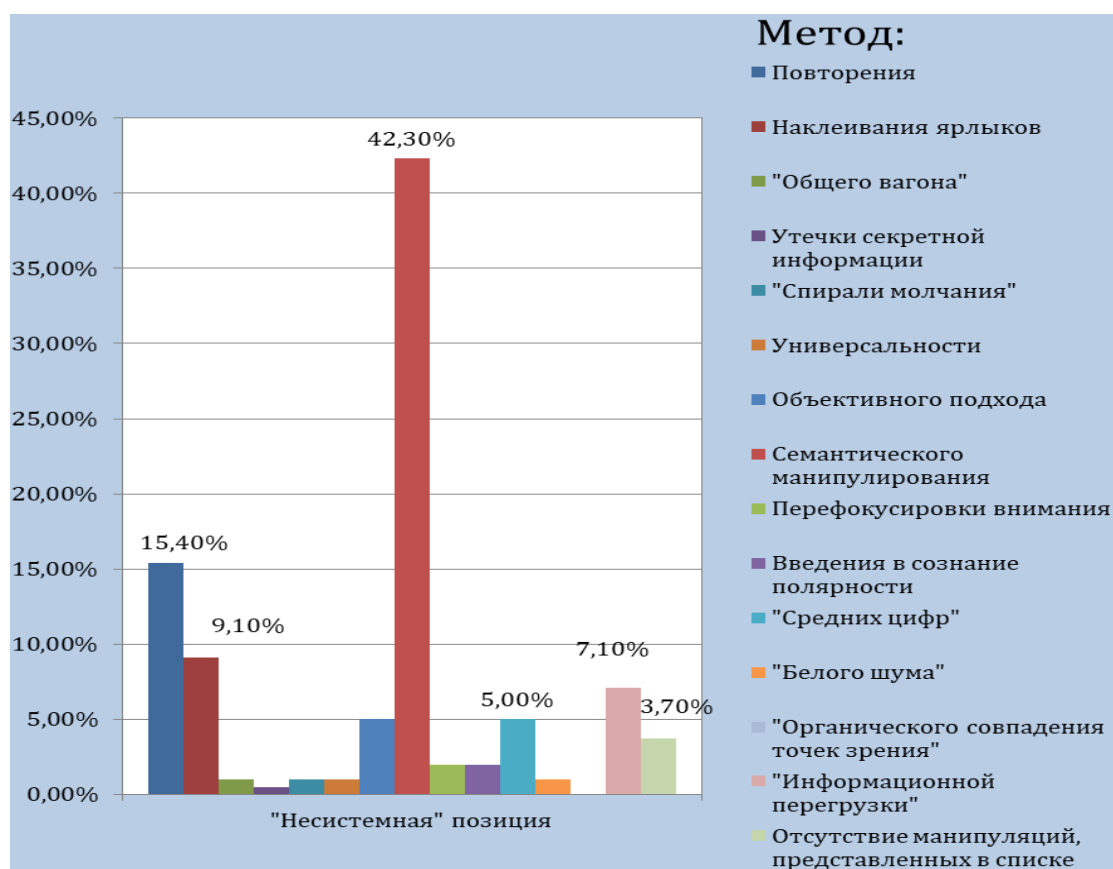

Рис. 7. Манипулятивные особенности «несистемных» оппозиционных единиц анализа
Fig. 7. Manipulative features of "non-systemic" oppositional units of analysis

Ведущим методом, согласно данным, представленным на рис. 7, в медийной политике «несистемной» оппозиции является метод семантического манипулирования, который можно признать наиболее эмоциональным и который занимает практически половину контента, продуцируемого «несистемниками». Возможно, это связано, как отмечалось ранее, с тем, что в своем медийном менеджменте неформальная оппозиция, являющаяся маргинализированной в институциональном поле РБ, не ограничена «правилами игры». Как видно из представленных диаграмм, методологические особенности медийного менеджмента провластных и оппозиционных политических сил не отличаются. Скорее всего, это объяснимо общими условиями политической и медийной среды, в которой реализуются информационные стратегии тех или иных политических сил, и, соответственно, до тех пор, пока данные условия не изменятся, не изменится и соотношение данных методов в релевантном информационном потоке.

Группировки и анализ данных

В процессе работы с сервисом IQ BUZZ нами было создано три рубрики, с нашей точки зрения, наиболее интересных в рамках данного исследования, а именно «Пророссийская позиция», «Антироссийская позиция», «Самобытная позиция». Поскольку нами была использована демоверсия данного сервиса, то вес информационного потока равен 15 000 сообщений (по 5000 сообщений на каждую рубрику). Так как все три рубрики релевантны протестной тематике (внешнеполитический дискурс – ключевой в изучаемой протестной волне), то представленные ниже данные являются средним арифметическим трех упомянутых рубрик.

Источники информационного потока

Первым важным параметром, описывающим медийную архитектуру интересного для нас события, являются те социально-медийные платформы, которые использовались протестующими для масштабирования своих акций не только в онлайн-, но и в офлайн-пространстве.

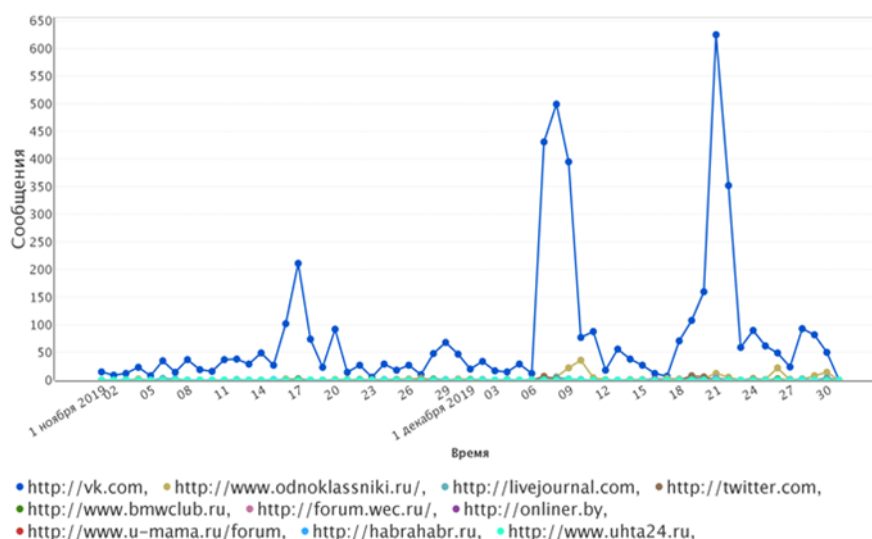

Рис. 8. Блогхостинги, продуцирующие информационный поток в Беларуси в декабре 2019 г.
Fig. 8. Blog hosting sites producing information flow in Belarus in December 2019.

Как видно из графика, представленного на рис. 8, основными каналами коммуникации между протестующими и «сочувствующими» являются «ВКонтакте» и «Одноклассники». Данная ситуация, скорее

всего, связана с тем, что данные социальные сети – самые популярные в РБ, и политические акторы, стремящиеся к активному участию в политической жизни страны, используют именно эти платформы.

Типы информационного контента

Целесообразно проанализировать типы контента, составляющие протестный информационный поток, что, с нашей точ-

ки зрения, помогает детально проанализировать структуру потока по его составным частям.

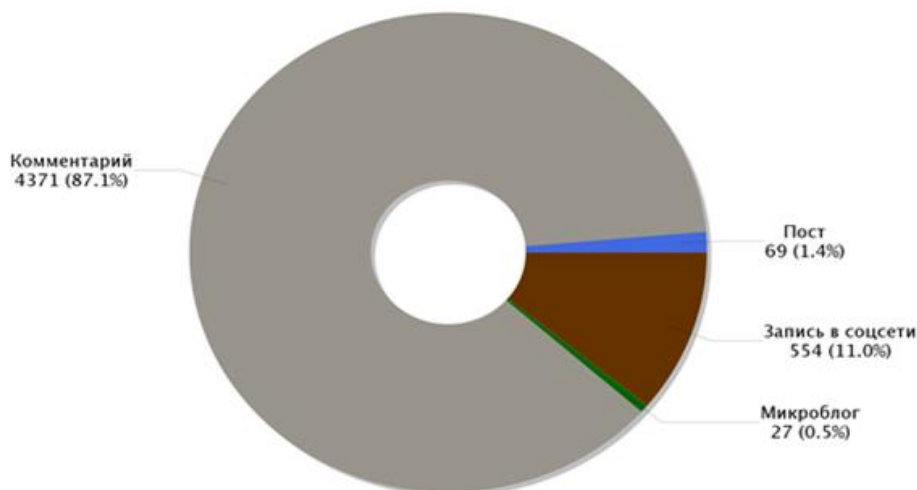

Рис. 9. Типы информационного контента в Беларуси в декабре 2019 г.
Fig. 9. Types of information content in Belarus in December 2019.

Рис. 9 показывает, что основным структурным элементом всего информационного потока является «комментарий», что говорит нам о наличии «социального вируса», возбуждающего интерес аудитории и, как следствие, воспроизводящего дискурс, выгодный лидерам протеста в социальных сетях. Следующими за «комментарием» элементами по параметру объема в протестном информационном потоке являются «запись в социальной сети» и «пост». Подчеркнем, что данные сегменты являются общей совокупностью, поскольку значительных различий между ними нет (разница лишь в объеме типа (пост значительно «тяжелее»), а платформа и функция – одинаковы). Именно они, с нашей точки зрения, являются источником «социального вируса» протестного характера, который и позволяет информационному потоку стать самовоспроизводящимся.

Авторы и блоги

Отметим, что авторы и блоги состоят из тех сообществ и аккаунтов политиче-

ских акторов, которые конкретизируют медийных агентов политических акторов. В информационной структуре протестной волны можно выделить факт того, что главными продуцентами контента являются лидеры «несистемной» оппозиции (например, NEXTA). Кроме того, примечателен идеологический спектр протестов в РБ: протестный контент в первом случае продуцировали сообщества не только либерального толка, но и национально ориентированного, и даже некоторые «левые», находящиеся в оппозиции к «пролукашенковскому» партийному блоку.

Семантическое ядро информационного потока

Логично также проанализировать семантическое ядро протестов, изучаемых в рамках данного исследования. С его помощью можно выявить повод и причины (помимо внешнеполитического фактора), которыми объясняется волновой (повторяющийся) характер протестов.

Таблица 2. Семантическое ядро протестной волны в Беларуси в декабре 2019 г.
 Table 2. Semantic core of the protest wave in Belarus in December 2019

Семантическое ядро / Semantic core	Количество сообщений / Number of messages
Россия	4031
Акция	2939
Минск	2889
Площадь	2632
Страна	2507
Путин	2482
Лукашенко	2418
Независимость	2414
Участник	2026
Сотрудник	2018
Центр	1909
Заявить	1891
Российский	1880
Милиция	1848
Свобода	1835

В РБ дискурс, связанный с протестными акциями, носит ярко выраженный внешнеполитический характер, что уже не раз отмечалось нами выше. Весомая часть ключевых слов относится так или иначе к теме «углубления интеграции», что, на наш взгляд, является поводом для протестов. Но есть и слова (например, «свобода»), которые отражают причину акций, а именно авторитарность политического режима А. Лукашенко.

Влияние информационного потока на протестные волны мы будем рассматри-

вать с помощью анализа *динамики*. Динамика является ключевым параметром оценки эффективности функционирования медийной инфраструктуры протеста, так как именно совпадение пиковой активности информационного потока и офлайн-протеста является показателем взаимосвязи медийного и массового протеста. Соответственно, чем больше пиковых совпадений и чем они более выражены, тем степень взаимосвязи крепче, а медийная инфраструктура функционирует лучше.

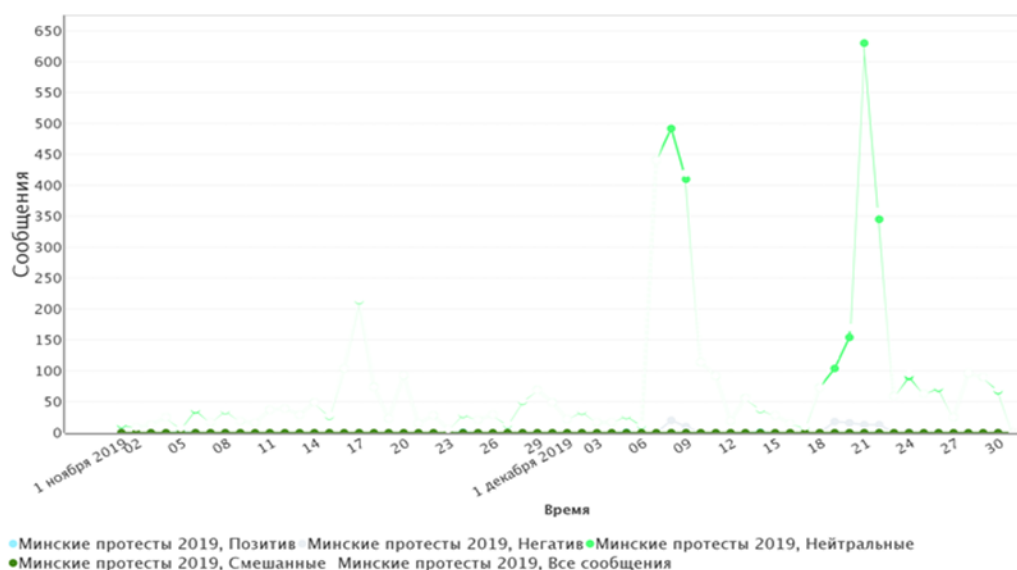

Рис. 10. Динамика информационного потока Минских протестов
 Fig. 10. Dynamics of the information flow of the Minsk protests

Как видно из графика (рис. 10), пиковые показатели приходятся на дни протестов в РБ, а именно на 7 и 21 декабря. Однако стоит отметить, что массовые акции в этот период в Минске носили двухдневный характер, и «пики» приходятся именно на вторые дни. Отсюда логично сделать вывод о том, что медийная инфраструктура нацелена скорее на рефлекссию событий и через нее на формирование негативного образа руководства страны, заключающего в имиджевой модели «предателя», а не на мобилизацию протестной аудитории. Данный тезис подтверждают послепиковые показатели графика: кривая идет вниз более «спокойно», что говорит о серьезном «цифровом следе», оставленном массовыми акциями. Более того, митинг, проходивший 29 декабря, практически не выражен на графике. Отсюда можно выявить следующую тенденцию, также подтверждающую высказанный выше тезис: высота «пика» коррелируется с количеством участников протестных акций. Например, самые многочисленные митинги проходили именно 20 и 21 декабря, самые «пиковые» дни в медийном пространстве – также 21 и 22 декабря, а 29 декабря, практически не обозначенный в информационном

пространстве протеста, был самым малочисленным из всей волны.

В качестве резюме хотелось бы отметить, что медийная инфраструктура протестной волны исследуемого нами кейса в целом соответствует характеристикам протестной архитектуры в сетевой среде иных кейсов на постсоветском пространстве: превалированию эмоционального компонента, преобладанию политической темы и политического события, стремлению реализовать протестный потенциал разнообразных масс и акцентированию протестной повестки на внешнеполитической ситуации. Однако стоит подчеркнуть, что в отличие от предшествующих кейсов, белорусская протестная волна имеет существенное отличие: если ранее ведущую роль в протестной активности занимали формальные политические акторы, то в исследуемом нами кейсе лидером протеста, мобилизующим протест и транслирующим его ценности в сетевом пространстве, являются акторы, не входящие в институциональную политическую систему страны.

На наш взгляд, настоящее исследование имеет широкие перспективы. В первую очередь, социально-медийный анализ в силу ограниченности его весового параметра

из-за демоверсии используемого сервиса выделяет не все метрики релевантного информационного потока, которые можно дополнить в рамках расширенной версии данного инструмента и скорректировать их. А во-вторых, особый интерес для нас представляет более подробный портрет потребителей контента и медийных агентов, продуцирующих его в сетевом пространстве РФ.

Литература

Василенко, И.А., Титаренко, Л.Г., Абасы, М. Политические ценности демократии в России, Беларуси и Польше: сравнительный анализ // *Власть*. 2015. Т. 23. № 7. С. 170-177.

Володенков, С.В. Современная политическая коммуникация как инструмент манипулирования общественным сознанием // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2012. № 5. С. 89-103.

Горбунова, О.Н., Горбунова, Ю.И. Информационная инфраструктура: современная сущность, подотрасли, ее составляющие // *Социально-экономические явления и процессы*. 2014. № 2 (060). С. 14-24.

Интернет-технологии мобилизации политического протеста (на примере Евромайдана) / Бродовская, Е.В., Домбровская, А.Ю., Азаров, А.А., Фильченков, А.А., Абрамов, М.В., Карзубов, Д.Н. // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2016. Т. 11. № 4. С. 45-56.

Лебон, Г. Психология народов и масс / пер. с фр. А. Фридмана, Э. Пименовой. 3-е изд. М.: Академический проект, 2015. 239 с.

Левин, А.В. Сравнительный анализ формирования политических систем России и Беларуси: политическое устройство, организация президентской власти, влияние партий на государственные решения // *Вопросы национальных и федеративных решений*. Т. 9. № 10 (55). 2019. С. 1672-1681.

Никулин, Е.Р., Шубин, А.Е. Специфика перехода интернет-мема в пространство реального политического протеста (на примере протестных акций в России в 2017-2018 гг.) // *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2019. № 5-1 (33). С. 470-477.

Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс // *Хосе Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры* / вступ. ст. Г.М. Фридендера; сост. В.Е. Багно. М.: Искусство, 1991. С. 309-349.

Рейнгольд, Г. Умная толпа: новая социальная революция / пер. с англ. А. Гарькавого. М.: Фаир пресс, 2006. 416 с.

Серио, П. Как читают тексты во Франции // *Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса*. М.: Прогресс, 1999. С. 14-53.

Финальный аккорд: III волна исследований политизации социальных сетей Интернета / Лымарь, Е.М., Федорченко, С.Н., Белюстин, А.А., Федорченко, Л.В. // *Журнал политических исследований*. 2018. Т. 3. № 2. С. 84-110. [Электронный ресурс] URL: <https://vestnik.astu.org/temp/f29bebf0e30a28c199406a80923fcbf.pdf> (дата обращения: 10.12.2020).

Чурашова, Е.А. Дискурсивные стратегии политической коммуникации в кризисной ситуации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Казань, 2013. 21 с.

Castells, M. *The Rise of the Network Society. Information Age: Economy, Society, and Culture*. Vol. 1. 2nd Edition with a New Preface edition. WileyBlackwell, 2009. 656 p.

Smith, M.B. The personal setting of public opinions: a study of attitudes toward Russia // *Public Opinions Quarterly*. 1947. № 11. P. 507-523.

Thelwall, M., Buckley, K., Paltoglou, G. Sentiment strength detection in short informal text // *Journal of the American Society Science and Technology*. 2010. Vol. 61, № 12. P. 163-173.

Van Dijk, Teun, A. *Society and discourse: How social contexts influence text and talk*. Cambridge University Press, 2009. 287 p.

References

Brodovskaja, E. V., Dombrovskaja, A. Ju., Azarov, A. A., Fil'chenkov, A. A., Abramov, M. V. and Karzubov, D. N. (2016), "Internet technologies of political protest mobilization (on the example of Euromaidan)", *Central Russian Journal of Social Sciences*, 11 (4), 45-46 (in Russ.).

Castells, M. (2009), *The Rise of the Network Society. Information Age*, vol. 1; 2nd Edition with a New Preface edition. WileyBlackwell.

Churashova, E. A. (2013), "Discursive strategies of political communication in a crisis situation", Abstract of Ph.D. dissertation, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia (in Russ.).

Gorbunova, Ju. I., Gorbunova, O. N. (2014), "Information infrastructure: modern essence, sub-sectors of its components", *Social-*

Economic Phenomena and Processes, 2 (060), 14-24 (in Russ.).

Le Bon, G. (2015), *Psikhologiya narodov i mass* [Psychology of peoples and masses], Translated by Fridman, A., Pimenova, E., 3rd ed., Akademicheskii proekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Levin, A. V. (2019), "Comparative analysis of the formation of political systems in Russia and Belarus: political structure, organization of presidential power, influence of parties on state decisions", *Questions of national and federal relations*, 9 (10), 1672-1681 (in Russ.).

Lymar' E. M., Fedorchenko, S. N., Beljustin, A. A. and Fedorchenko, L. V. (2018) "Final chord: The third wave of research on the politicization of Internet social networks", *Journal of Political Research*, 3 (2), 84-110 (in Russ.) [Online], available at: <https://vestnik.astu.org/temp/f29bebf0e30a28c199406a80923fcbf.pdf> (Accessed 10 December 2020).

Nikulin, E. R., Shubin, A. E. (2019), "The specifics of the transition of an Internet meme into the space of a real political protest (on the example of protest actions in Russia in 2017-2018)", *Skif. Voprosy studentcheskoj nauki* [Scythian. Questions of students' science], 5-1 (33), 470-477 (in Russ.).

Ortega y Gasset, J. (1991), "Revolt of the masses", *Jestetika. Filosofiya kul'tury* [Aesthetics. Philosophy of culture], Iskustvo, Moscow, Russia, 309-349 (in Russ.).

Rheingold, H. (2006), *Umnaja tolpa: novaya social'naya revoljuciya* [Smart mobs: The next social revolution], Translated by Gar'kaviy, A., GRAND, Fair press, Moscow, Russia (in Russ.).

Serio, P. (1999), "How texts are read in France", *Kvadratura smysla. Francuzskaja shkola analiza diskursa* [Quadrature of meaning. French School of Discourse Analysis], Progress, Moscow, Russia, 14-53 (in Russ.).

Smith, M. B. (1947), "The personal setting of public opinions: a study of attitudes toward Russia", *Public Opinions Quarterly*, 11, 507-523.

Thelwall M., Buckley K. and Paltoglou G. (2010), "Sentiment strength detection in short informal text", *Journal of the American Society Science and Technology*, 61 (12), 163-173.

Van Dijk and Teun A. (2009), *Society and discourse: How social contexts influence text and talk*, Cambridge University Press.

Vasilenko, I. A., Titarenko, L. G. and Abassy, M. (2015), "Political values of democracy in Russia, Belarus and Poland: a comparative analysis", *Vlast', Politicheskie nauki* [Power. Political science], 23 (7), 170-177 (in Russ.).

Volodenkov, S. V. (2012), "Modern political communication as a tool for manipulating public consciousness", *Bulletin of Moscow University, Series 12. Political Science*, 5, 89-103 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Домбровская Анна Юрьевна, доктор социологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой по научной работе, кафедры социально-политических исследований и технологий, факультет прикладной политологии, Институт истории и политики, Московский педагогический государственный университет, ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1, Москва, 119991, Россия; au.dombrovskaya@mpgu.su

Никулин Егор Романович, студент Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет, ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1, Москва, 119991, Россия; egor.nikulin.98@bk.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Anna Yu. Dombrovskaya, Doctor of Sociology, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Scientific Work, Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University, 1/1 M. Pirogovskaya St., Moscow, 119991, Russia; au.dombrovskaya@mpgu.su

Egor R. Nikulin, Student of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University, 1/1 M. Pirogovskaya St., Moscow, 119991, Russian Federation; egor.nikulin.98@bk.ru

УДК 332.14

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-4

Мясоедов А. И.

**Корпоративное волонтерство в социальной миссии
крупных предприятий**

Тольяттинский государственный университет, ул. Белорусская, д. 14, г. Тольятти,
Самарская обл., 445020, Россия; retvil@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности корпоративного волонтерства в компаниях в контексте тенденции, характерной для постсоветского пространства. Систематизируются подходы к определению и изучению этого феномена, реализуемые исследователями разных стран. Основной целью статьи является выявление специфических особенностей корпоративного волонтерства в крупном российском регионе, рассматриваемых в качестве типичных для промышленных территорий постсоветского пространства. Особенности корпоративного волонтерства описываются через социальную ценность, которую ему приписывают местные сообщества. Статья основана на результатах опроса общественного мнения и структурированных интервью. Полученные ответы были дополнительно подвергнуты анализу с использованием статистических методов. Многие вопросы по реализации социальной политики попадают в сферу ответственности именно предприятий, а не органов местного самоуправления. Исследователи утверждают, что корпоративное волонтерство чаще всего развивается в рамках событийного планирования и экологических проектов, управляемых предприятиями в сотрудничестве с социальными и культурными учреждениями местных сообществ, а не с некоммерческим сектором. Традиции организации массовой социальной работы, сформировавшиеся в социалистический период, до сих пор глубоко укоренены на предприятиях, и руководители редко выделяют волонтерство в качестве нового управленческого инструмента, тем самым выпадая из общемировой тенденции продвижения корпоративного волонтерства как средства формирования корпоративной культуры.

Ключевые слова: социальная политика; корпоративное волонтерство; социальное участие; социальные проекты; корпоративная социальная ответственность (КСО)

Для цитирования: Мясоедов А.И. Корпоративное волонтерство в социальной миссии крупных предприятий // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7 № 1. С. 44-55. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-4

A. I. Myasoedov

Corporate volunteering in the social mission of large enterprises

Tolyatti State University, 14 Belorusskaya St., Tolyatti, Samara Region, 445020, Russia;
retvil@mail.ru

Abstract: The article discusses the main features of corporate volunteering in companies. Corporate volunteerism is analyzed in the context of a trend characteristic of the post-Soviet space. The article systematizes the approaches to the definition and study of this phenomenon, implemented by researchers from different countries. The main purpose of the article is to identify the specific features of corporate volunteerism in a large Russian region, considered as typical of the industrial territories of the post-Soviet space, viewed through the social value that local communities attribute to corporate volunteerism. The article is based on the results of a public opinion poll and structured interviews. The responses received during the survey were further analyzed using statistical methods. Many issues related to the implementation of social policy fall under the responsibility of these enterprises, and not of local self-government bodies. The researchers argue that corporate volunteerism is most often developed within the framework of event planning and environmental projects managed by enterprises in cooperation with social and cultural institutions of local communities, rather than with the non-profit sector. The traditions of organizing mass social work that were formed during the socialist period are still deeply ingrained in enterprises, and managers rarely single out volunteerism as a new management tool, thereby extricating themselves from the global trend of promoting corporate volunteerism as a means of forming corporate culture.

Keywords: social policy; corporate volunteerism; social participation; social projects; corporate social responsibility (CSR)

For citation: Myasoedov A. I. (2021), "Corporate volunteering in the social mission of large enterprises", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (1), 44-55, DOI:10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-4

Волонтерство — это социальное явление, которое активно развивается в современном мире. Перейдя от самоорганизованных инициатив граждан к организованным мероприятиям, волонтерская работа стала предметом интереса крупнейших игроков международной политики. В конце 2012 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию об интеграции добровольчества в следующее десятилетие. В резолюции очерчен круг проблем, которые международное сообщество может решить с помощью волонтерского движения как стратегического инструмента: преодоление

социальной изоляции и дискриминации, расширение прав и возможностей молодежи, борьба с изменением климата, снижение риска бедствий и так далее. Одно из положений этой резолюции ООН прямо касается необходимости расширения корпоративного волонтерства и волонтерской деятельности на частный сектор. В документе признается, что все большее число глобальных компаний рассматривают волонтерство как основной компонент корпоративной социальной ответственности (далее — КСО).

Несмотря на сближение векторов развития всех видов волонтерства,

включая корпоративное волонтерство в разных странах (Smith, Stebbins and Grotz, 2016), следует помнить о кросс-культурной самобытности дискурсов, относящихся к корпоративному волонтерству с точки зрения работника и корпоративного управления (Stumberger and Pauly, 2018). Культурные традиции, глобализация и социально-экономический фон влияют на тип деятельности и восприятие волонтерами своей роли и влияния в обществе. Исследователи подчеркивают, что добровольчество в западных демократиях отличается от добровольчества в странах с государственным социализмом (Voicu, B. and Voicu, M., 2009) или в бывших европейских социалистических странах. Полевой анализ состояния волонтерской деятельности показывает, что практика корпоративного волонтерства в посткоммунистических странах, таких как Румыния, Словакия и Россия, хотя и имеет растущую тенденцию, не так распространена, как в других странах мира (Лескова, 2017; Păceșilă, 2017).

Исследование направлено на углубление знаний о корпоративном волонтерстве в России как знаке реализации социальной миссии региональных предприятий, успешно работающих в рыночных условиях. Исследование фокусируется на мотивации, ценностях, восприятии людей, занимающихся корпоративным волонтерством, и на выяснении того, интернализируется ли этот вид волонтерства как новая тенденция или рассматривается как продолжение знакомой (советской) модели организации общественной жизни.

Таким образом, основной целью статьи является выявление специфических особенностей корпоративного волонтерства в крупном российском регионе, рассматриваемых в качестве типичных для промышленных территорий постсоветского пространства и изучаемых через социальную ценность, которую местные сообщества приписывают

корпоративному волонтерству.

Научная литература показывает, что существуют значительные доказательства связи волонтерства и социального благополучия людей (Appau and Churchill, 2018; Peggy and Hewitt, 2001), даже несмотря на то, что люди из разных регионов занимаются различными областями волонтерства (Salamon, 2017). Большое количество исследований посвящено раскрытию социального контекста, который влияет на поведение людей, а также оснований добровольчества (Hustinx, Snaan, Handy, 2010; Musick and Wilson, 2008; Wilson, 2012), а именно субъективных мотиваций (Erasmus and Morey, 2016; Penner and Finkelstein, 1998), индивидуальных «активов», которые позволяют людям добровольно работать, формируют интерес к участию в волонтерской деятельности (Runte and Basil, 2011).

Добровольчество имеет важное значение для создания социального капитала и гражданского общества, и поэтому оно стало фундаментальной частью социальной политики большинства западных стран. Местное сообщество видит положительное влияние корпоративного волонтерства на сокращение бедности, укрепление социальной сплоченности, решение общинных проблем, повышение гражданственности и взаимодействия в сообществе и так далее (Haski-Leventhal, Roza, Meijs, 2010; Păceșilă, 2017). Бизнес-сообщество понимает, что волонтерство способствует интеграции и лояльности сотрудников, а также укреплению сообществ и отношений между бизнесом и сообществами (Grandi, Lough, Bannister, 2018).

Дискуссия о теоретическом определении корпоративного волонтерства в научной литературе развернута менее широко, чем о различных аспектах корпоративной практики. Социологи в разных странах определяют корпоративное волонтерство как основанное на занятости. Под этот зонтик подпадает любая формально

организованная поддержка, которую компания оказывает сотрудникам, желающим добровольно посвятить свое время и навыки служению местному, национальному или международному сообществу без какой-либо дополнительной компенсации или вознаграждения (Мясоедов, 2020). Такое определение, однако, не отражает в значительной степени многообразие практик.

Е. Боштянич (Boštjančič) с коллегами в своей работе проанализировали различные взгляды на определение корпоративного волонтерства. Авторы предлагают поведенческое определение корпоративного волонтерства как «предоставления времени или навыков во время запланированной деятельности для волонтерской группы или организации» (Boštjančič, Antolović, Erčulj, 2018).

В «Интегрированной структуре волонтерства сотрудников», разработанной другим коллективом (Rodell et al., 2016), корпоративное волонтерство определяется как иницируемое компанией. Исследователи выделяют как предпосылки, так и последствия волонтерства. На решение сотрудников стать волонтерами влияет множество факторов. Некоторые из этих факторов можно найти в исследованиях добровольчества в целом, таких как демографические характеристики и черты личности. Другие факторы специфичны для контекста занятости, структур и политики в отношении добровольчества (там же). Некоторые теоретики рассматривают две основные мотивации волонтерства: удовлетворение собственных потребностей, или инструментальный интерес, и удовлетворение потребностей других людей, или альтруистический интерес (Ghose and Kassam, 2014). При личностной альтруистической, про-социальной ориентации общей движущей силой волонтерства, по-видимому, является желание повысить благосостояние других (Brockner, Senior, Welch, 2014; Rodell et al., 2016). Меньше внимания

уделялось гражданскому поведению, содержанию волонтерской деятельности и влиянию корпоративных волонтеров на общество.

В российских компаниях корпоративное волонтерство понимается как прямое вовлечение сотрудников в качестве волонтеров, когда сотрудники предлагают личную помощь нуждающимся, либо косвенное участие – сбор денежных и материальных ресурсов. Исследователи предлагают различать «традиционное волонтерство» как «дополнительные руки» и волонтерство, основанное на «профессиональном опыте, знаниях и навыках», которое иногда также называют «профессиональной поддержкой» (Mirvis, Hurley, MacArthur, 2014). В российском контексте корпоративное волонтерство следует понимать как добровольную деятельность сотрудников, свободно решивших тратить свое время и отдавать свои умения служению местному сообществу, по инициативе или при поддержке организации, и имеющую социальную ценность для местного сообщества.

Стратегия нашего исследования основана на смешанном методе. В соответствии с методологией, разработанной Кресвеллом, был применен объяснительный последовательный дизайн (Creswell, 2014).

Во-первых, мы использовали такие методы, как массовый опрос и экспертный количественный опрос, чтобы изучить профиль корпоративных волонтеров, их мотивацию, содержание и условия их деятельности, а также формальный или неформальный характер волонтерской деятельности.

Во-вторых, использованы качественные методы, такие как глубинное интервью, чтобы более подробно объяснить корпоративное волонтерство. Это позволяет сравнивать представления заинтересованных сторон о сферах корпоративного волонтерства, содержании и темах проектов, а также социальной

ценности корпоративных волонтерских программ.

Исследование опирается на исследовательские подходы и методологические решения, уже разработанные в рамках этой темы в России. Используются шкалы мотивов и различных типов социальной вовлеченности или просоциального поведения, построенные Фондом общественного мнения и Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора и представленные в «Мониторинге состояния гражданского общества в России».

Результаты опроса общественного мнения в Калужской области облегчили доступ к информации об индивидуальных «активах», которые позволяют людям добровольно работать или пробуждать интерес к корпоративному волонтерству, об их мотивации и специфике волонтерской деятельности как корпоративного волонтерства и гражданской активности. Далее мы уточнили полученные результаты с помощью структурированного экспертного интервью, чтобы выявить особенности социальных контекстов, влияющих на поведение людей и волонтерскую деятельность.

Первым эмпирическим исследованием стал опрос жителей Калужской области (N = 600, тип выборки – случайно стратифицированная, погрешность не более 3,5 %, 2017 г.). Выборочная популяционная модель основана на официальной статистике и отражает следующие критерии общей численности населения региона: возраст, пол, место жительства. На первом этапе случайным образом были опрошены жители трех типов населенных пунктов: крупных городов с населением более 100 000 человек (56 %), средних городов с населением от 50 000 до 100 000 человек (16 %) и малых городов и поселков с населением менее 50 000 человек (28 %).

На втором этапе выборка была скорректирована в соответствии с

половозрастной структурой населения крупных, средних и малых городов региона. Социально-демографические характеристики участников опроса представляют население Калужской области старше 18 лет. В выборку вошли 27 % городских жителей в возрасте от 18 до 30 лет, 40 % респондентов в возрасте от 31 до 45 лет и 33 % в возрасте от 46 до 65 лет.

В анкете респондентам предлагалось из 15 практик указать те, в которых они участвовали в прошлом году. Эти альтернативы кодировались в дихотомических переменных и отражали различные типы социальной вовлеченности или просоциального поведения – опыт социального, экологического, культурного, образовательного, информационного волонтерства, помощь в чрезвычайных ситуациях и поиск пропавших без вести людей, участие в деятельности общественных организаций и социальных учреждений города, онлайн-волонтерство и так далее.

Проекты нашего массового опроса и экспертных интервью основывались на гипотезах, сформулированных следующим образом:

- Н1. Опыт корпоративного волонтерства присущ жителям региона, которые обладают определенными социально-демографическими характеристиками.

- Н2. Опыт корпоративного волонтерства обусловлен организацией важных социальных мероприятий в районе проживания респондентов.

- Н3. Опыт корпоративного волонтерства обусловлен институционализированной деятельностью в социальной сфере территории проживания.

Социально-экономические характеристики региона определяют специфику занятости населения Калужской области, которое в основном проживает в городах и работает либо на крупных промышленных предприятиях, либо в социальной сфере этих городов. В большинстве городских районов Калуж-

ской области третий сектор развит не очень хорошо. Согласно официальной статистике, в регионе зарегистрировано более шести тысяч НКО, однако исследования показывают, что менее 20 % НКО являются социально ориентированными.

По данным нашего опроса, в Калужской области в прошлом году только 10 % респондентов заявили о наличии опыта корпоративного волонтерства. В этой группе 70 % составляли женщины и только 30 % – мужчины. Среди жителей региона с таким опытом 33 % составляли молодые

люди в возрастной группе 18–30 лет, 38 % – в возрастной группе 31–45 лет и 22 % – старше 46 лет. Опрошенные распределились следующим образом: 25 % – жители малых городов, 32 % – средних городов и 43 % – крупных городов Калужской области.

Для проверки первой гипотезы была проанализирована связь дихотомической переменной «опыт корпоративного волонтерства» с переменными «пол», «высшее образование», «уровень дохода» и «тип города» (табл. 1).

Таблица 1. Симметричные меры в отношении опыта корпоративного волонтерства и социально-демографических характеристик жителей Калужской области

Table 1. Symmetric measures regarding the experience of corporate volunteering and socio-demographic characteristics of the inhabitants of the Kaluga region

Хи-квадрат Пирсона / Pearson chi-square			
	Значение / Value	df	Асимптотическая значимость (2-сторонняя) / Asymp. sig. (2-sided)
Опыт корпоративного волонтерства и возраст	1.626	2	0.444
Опыт корпоративного волонтерства и доход	6.160	5	0.291
Опыт корпоративного волонтерства и тип города	3.743	2	0.154
Фи-корреляция / Phi correlation			
	Значение / Value	Приблизительная значимость / Approx. sig.	
Опыт корпоративного волонтерства и гендер	0.159	0.01	
Опыт корпоративного волонтерства и образование	0.221	0.004	

Опыт корпоративного волонтерства имеют 12 % среди женщин и только 5 % среди мужчин. Статистические различия между переменными «пол» и «опыт корпоративного волонтерства» были значимыми, а корреляция – слабой и положительной. Вероятно, преобладание женского опыта корпоративного волонтерства объясняется тем, что женщины в целом склонны участвовать во всех видах просоциального поведения, включая волонтерскую деятельность в ее

различных формах. В группе респондентов с высшим образованием 11 % имели опыт корпоративного волонтерства. В группе респондентов без высшего образования только 5 % участвовали в корпоративном волонтерстве. Вероятность участия людей с высшим образованием в корпоративном волонтерстве выше, чем у людей без высшего образования. Статистические различия между переменными «пол» и «высшее образование» были значимыми, но корреляция была слабой.

Корректность критерия хи-квадрат при оценке взаимной зависимости переменной «опыт волонтерства» с переменными «уровень дохода» и «тип города» определялась тем, что ожидаемые частоты < 5 встречаются не более чем в 20 % полей таблицы, а суммы для строк и столбцов больше нуля. Результаты теста хи-квадрат Пирсона показывают отсутствие какой-либо связи между опытом корпоративного волонтерства и уровнем дохода респондентов. Исследование доказывает также, что опыт корпоративного волонтерства не коррелирует с размерами города, в котором проживают респонденты.

Для проверки второй гипотезы, состоящей в том, что опыт корпоративного

волонтерства обусловлен организацией важных социальных мероприятий в местах проживания респондентов, с помощью корреляционного анализа мы оценили взаимосвязь между переменной «опыт корпоративного волонтерства» и другими типами социальной вовлеченности или просоциального поведения, которые респонденты реализовали в текущем году. Оценка меры связанности переменных с дихотомическими шкалами проводилась путем анализа критерия Фишера. Значимые корреляции были обнаружены только по четырем переменным, характеризующим типы просоциального поведения, которые могут быть коррелированы с событийным и экологическим волонтерством (табл. 2).

Таблица 2. Корреляция опыта корпоративного волонтерства и других видов просоциального поведения в Калужской области

Table 2. Correlation of the experience of corporate volunteering and other types of prosocial behavior in the Kaluga region

	Значение / Value	Прибли- тельная зна- чимость / Approx. sig.
Опыт корпоративного волонтерства и помощь в организации массовых спортивных мероприятий	0.220	0.000
Опыт корпоративного волонтерства и обеспечение образовательной деятельности	0.160	0.000
Опыт корпоративного волонтерства и организация концертов, выставок, перформансов	0.380	0.000
Опыт корпоративного волонтерства и участия в экологических проектах, субботниках, благоустройстве и уборке территории	0.218	0.01

Вторая гипотеза подтверждается анализом ведущих мотивов просоциального поведения жителей Калужской области, имеющих опыт корпоративного волонтерства. Из 17 мотивов, предложенных в анкете, только два имели значимую корреляцию с опытом корпоративного волонтерства – «общение с интересными людьми» (коэффициент Фишера 0.264; p -значение – 000) и «возможность улучшить жизнь в своем городе, районе, улице» (коэффициент

Фишера 0.375; p -значение – 000). Эти мотивы для людей с опытом корпоративного волонтерства более важны, чем эгоистические планы или карьерные цели, а также альтруистические мотивы.

Оценка «содержания волонтерских проектов и действий» помогла выделить некоторые из наиболее заметных областей корпоративного волонтерства, которые эксперты выявили и/или описали. Первое место заняли экологические акции,

благоустройство, масштабные субботники, которые организуются повсеместно в определенные периоды по всей стране. Шестьдесят процентов экспертов отметили такую деятельность. Второе место в списке с 55 % ответов заняли культурно-массовые мероприятия. Они традиционно организуются в различных муниципальных образованиях, муниципальных районах и/или организуются органами местного самоуправления при активном участии основных работодателей территорий. Тридцать процентов экспертов вспомнили и обсудили социальные акции в поддержку социально незащищенных слоев населения: социальных сирот, пенсионеров, ветеранов Великой Отечественной войны. Четвертым наиболее распространенным видом волонтерской работы было информационно-просветительское волонтерство, которое включало проекты, направленные на повышение осведомленности населения, в основном молодежи, о деятельности конкретных предприятий в городах, где они жили и учились. Тему профориентации озвучили 15 % экспертов.

Для проверки третьей гипотезы о взаимосвязи опыта корпоративного волонтерства и институционализированной деятельности в социальной сфере региона проживания мы проанализировали корреляцию между переменными «опыт корпоративного волонтерства» и «тип волонтерства». Мы проанализировали ответы 70 % респондентов, которые отметили в меню вопросов какое-либо просоциальное поведение. Это позволило выделить тип просоциального поведения – добровольчество, основанное на самоорганизации или добровольческом участии, инициируемое и сопровождаемое организацией. На неформальной основе 50 % жителей региона участвуют в корпоративном волонтерстве. Среди тех респондентов, которые реализовывали различные виды просоциального поведения, но не были вовлечены в корпоративное волонтерство, – 70% жителей региона, помогавшие другим людям на неформальной

основе. Связь между переменными «опыт волонтерства» и «тип волонтерства» была значимой, но слабой (коэффициент Фишера 0.272, р-значение – 007). Таким образом, можно сделать вывод, что для вовлечения в корпоративное волонтерство по сравнению с другими видами просоциального поведения большее значение имеет организованная внешняя среда.

Проведенное исследование позволило выявить социально-демографические особенности жителей крупного промышленного региона, занимающихся корпоративной волонтерской деятельностью и программами. Исследование показывает, что принципы корпоративного волонтерства разделяют в основном сотрудники, которые верят в гражданскую активность. Нужно заметить, что исследователи редко исследуют специфику корпоративного волонтерства как отличительного социального поведения; наши результаты показывают, что оно более характерно для женщин и людей с высшим образованием. В то время как влияние уровня образования на волонтерство признается (Rodell et al., 2016), мнения относительно доказательств связи интенсивности волонтерства с полом неоднозначны, хотя исследования, как правило, показывают, что женщины более склонны к добровольчеству, чем мужчины, во многих странах (Lee and Brudney, 2012).

Предметный интерес вызывает социальная ценность волонтерства для тех, кто занимается такой деятельностью, на индивидуальном уровне. В основном мы исследовали мотивацию корпоративных волонтеров. Литература показывает, что волонтерство выполняет определенные функции для отдельных людей (Rodell et al., 2016) и что мотивы для действий очень различны (Peggy and Hewitt, 2001; Penner and Finkelstein, 1998).

Ценность корпоративного волонтерства для местных сообществ оценивалась через содержание корпоративного волонтерства и условия организации такой деятельности, которые обеспечивают

вклад корпоративных волонтеров в благосостояние местных сообществ. Из 15 практик, отражающих различные типы социальной вовлеченности или просоциального поведения, респонденты сочли релевантными только те практики, которые связаны с волонтерством или экологией. Опыт корпоративного волонтерства не включает в себя помощь в чрезвычайных ситуациях и поиск пропавших без вести людей, участие в деятельности общественных организаций и социальных учреждений города, онлайн-волонтерство и так далее.

Исследование показывает, что корпоративное волонтерство развивается в промышленных регионах России благодаря тесному взаимодействию предприятий и органов местного самоуправления, а НКО игнорируются. Напротив, во многих развитых или развивающихся странах корпорации участвуют в поощрении общественного добровольчества путем финансирования и создания коалиций с неправительственными организациями (Shachar, von Essen, Hustinx, 2019).

Управление корпоративным волонтерством в России все еще находится в зачаточном состоянии по сравнению с западными демократиями. Оно направлено в основном на городскую среду и на местные проекты. Во всем мире КСО находится на подъеме благодаря вовлечению все большего числа компаний, что постепенно приводит к росту корпоративных волонтерских инициатив. К этой категории относятся крупные общенациональные страховые компании, а также корпорации, которые заимствуют политику КСО у материнских компаний или определяют возможности волонтерства для своих сотрудников и выделяют ресурсы для этой цели (Păceșilă, 2017). Во многих российских регионах такие процессы не происходят, несмотря на стимулы для корпоративного волонтерства. Можно ожидать, что тенденция в российских постсоветских

регионах будет соответствовать мировой практике, поскольку есть данные о том, что корпоративное волонтерство набирает обороты во многих странах, несмотря на различия в экономико-политической организации. Например, в коммунистическом Китае структура поддержки формируется через такие организации, как Horizon Corporate Volunteer Consultancy (HCVC). HCVC разрабатывает корпоративные волонтерские программы, создает онлайн-системы для набора, управления и оценки добровольцев, организует национальные конкурсы для продвижения инновационных волонтерских проектов по всему Китаю и так далее (Grandi et al., 2018).

Наше исследование показывает, что в организационной среде политические и рыночные интересы компании влияют на амплитуду корпоративного волонтерства. Дальнейшие исследования позволят проанализировать связь между планированием корпоративной волонтерской деятельности и интересами, потребностями и чаяниями местных сообществ в процессе гибридизации (Shachar et al., 2019). Тесная связь между планированием корпоративного волонтерства и местными приоритетами государственной политики, разрабатываемой местными органами власти, может расширить ресурсы волонтерства и повысить эффективность волонтерской деятельности.

Социальная ценность корпоративного волонтерства для местного сообщества оценивалась через социальные проекты и программы, инициированные или поддерживаемые компаниями внутри региона. Исследования показывают, что в России наблюдается отставание в управлении корпоративным волонтерством по сравнению с практикой развитых стран с рыночной экономикой. Возможное объяснение кроется в унаследованном поведении промышленных предприятий в России, которые организуют сотрудников в качестве волонтеров, сотрудничая с местными властями, но игнорируют

возможную синергию с неправительственными организациями. Такой подход способствует реализации социальной миссии региональных предприятий, успешно работающих в рыночных условиях и обеспечивающих качество жизни на территории, где базируются эти предприятия. Однако дух корпоративного волонтерства частично теряется в этом процессе, и это видно из того факта, что смысл КСО ускользает от значительной части руководителей компаний, опрошенных в ходе исследования.

Данные, полученные в ходе нашего исследования, выходят за рамки изучения корпоративного волонтерства на индивидуальном и корпоративном уровнях, где мы можем оценить традиции, нормы и практики, формирующие культуру организации и влияющие на государственную политику. Планирование корпоративного волонтерства в компаниях и местные приоритеты государственной политики, разрабатываемые местными органами власти, могут расширить ресурсы волонтерства и повысить эффективность волонтерской деятельности на территории. Местные органы власти и организаторы корпоративной волонтерской деятельности в компаниях могут изучить данные и выводы этого исследования, задуматься о значении и масштабах добровольчества и детально разработать управленческие стратегии для повышения влияния добровольчества на формирование организационной культуры, удержание сотрудников и стратегическое партнерство в сообществах их проживания. Научное сообщество может использовать полученные результаты для расширения понимания управленческих процессов и корпоративной культуры на постсоветском пространстве и сравнения практик корпоративного волонтерства в различных регионах земного шара.

Литература

Лескова, И.В. Культура корпоративного волонтерства в российских организациях // Социальная политика и социология. 2017.

Т. 16. № 3 (122). С. 129-136.

Мясоедов, А.И. Донорское поведение «третьего сектора»: под управлением сострадания // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 2. С. 50-62.

Appau, S., Churchill S. Charity, Volunteering Type and Subjective Wellbeing // VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2018. № 7. P. 1-15.

Boštjančič, E., Antolović S., Erčulj, V. Corporate Volunteering: Relationship to Job Resources and Work Engagement // Frontiers in Psychology. 2018. № 9: 1984, doi: 10.3389/fpsyg.2018.01884.

Brockner, J., Senior, D., Welch, W. Corporate volunteerism, the experience of self-integrity, and organizational commitment: Evidence from the field // Social Justice Research. 2014. № 27. P. 1-23.

Creswell, J. W. A Concise Introduction to Mixed Methods Research. SAGE Publications, Inc., 2014. 152 p.

Erasmus, B., Morey, P. Faith-based volunteer motivation: Exploring the applicability of the Volunteer Functions Inventory to the motivations and satisfaction levels in an Australian faith-based organization // VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2016. Vol. 27. № 3. P. 1343-1360.

Ghose, T., Kassam, M. Motivations to Volunteer Among College Students in India // VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2014. Vol. 25. № 1. P. 28-45.

Grandi, F., Lough, B., Bannister, T. Global Trends in volunteering infrastructure a background paper for the 2018 state of the world's volunteerism report: the thread that binds. United Nations Volunteers (UNV). 2018. 39 p.

Haski-Leventhal, D., Roza, L., Meijs, L.P.M. Congruence in Corporate Social Responsibility: Connecting the Identity and Behavior of Employers and Employees // Journal of Business Ethics, 2017. 143(1). P. 35-51.

Hustinx, L., Cnaan, R.A., Handy, F. Navigating Theories of Volunteering: A Hybrid Map for a Complex Phenomenon // Journal for the Theory of Social Behavior. 2010. № 40. P. 410-434.

Lee, Y.J., Brudney, J.L. Participation in formal and informal volunteering: Implications for volunteer recruitment // Nonprofit

Management and Leadership. 2012. № 23. P. 159-180.

Mirvis, P.H., Hurley S.T., MacArthur, A. Transforming executives into corporate diplomats: The power of global pro bono service. // *Organizational Dynamics*. 2014. 43 (3). P. 235-245.

Musick, M., Wilson, J. *Volunteers: A social profile*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press. 2008. 680 p.

Păceșilă, M. Corporate Volunteering: Trends, Benefits and Challenges. Current Situation in Romania // *Theoretical and Empirical Researches in Urban Management*. 2017. 12 (2). P. 19-29.

Peggy, A., Hewitt, T.L. Volunteer Work and Well-Being // *Journal of Health and Social Behavior*. 2001. № 42. P. 115-131.

Penner, L.A., Finkelstein, M.A. Dispositional and Structural Determinants of Volunteerism // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. № 74 (2). P. 525-537.

Rodell, J., Breitsohl, H., Schröder, M., Keating, D. Employee Volunteering: A Review and Framework for Future Research // *Journal of Management*. 2016. № 42 (1). P. 55-84.

Runte, M., Basil, D. Personal and corporate volunteerism: employee motivations // *International Journal of Business Environment*. 2011. № 4 (2). P. 133-145.

Salamon, L.M., Haddock, M.A., Sokolowski, S.W. Closing the Gap? New Perspectives on Volunteering North and South / in Butcher J., Einolf C.J. (ed.) // *Perspectives on Volunteering*. Basel: Springer, 2017. P. 29-51.

Shachar, I.Y., von Essen, J., Hustinx, L. Opening Up the “Black Box” of “Volunteering”: On Hybridization and Purification in Volunteering Research and Promotion // *Administrative Theory & Praxis*. 2019. Vol. 41. № 3. P. 245-265.

Smith, D.H., Stebbins, R.A., Grotz, Ju. *The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations*. Vol. 1. US: Palgrave Macmillan, 2016. 1144 p.

Stumberger, N. Pauly, J.A. Active, Reactive, and Proactive Approaches to Corporate Volunteering in Three Countries // *International Journal of Business Communication*. 2018. № 4. [Online] URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/2329488418777038> (дата обращения: 15.01.2021)

Voicu, B., Voicu, M. Volunteers and Volunteering in Central and Eastern Europe // *Sociológia. Slovak Sociological Review*. 2009.

№ 41 (6). P. 539-563.

References

Appau, S. and Churchill, S. (2018), “Charity, Volunteering Type and Subjective Wellbeing”, *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 7, 1-15.

Boštjančič, E., Antolović S. and Erčulj, V. (2018), “Corporate Volunteering: Relationship to Job Resources and Work Engagement”, *Frontiers in Psychology*, 9: 1884, doi: 10.3389/fpsyg.2018.01884.

Brockner, J., Senior, D. and Welch, W. (2014), “Corporate volunteerism, the experience of self-integrity, and organizational commitment: Evidence from the field”, *Social Justice Research*, 27, 1-23.

Creswell, J.W. (2014), *A Concise Introduction to Mixed Methods Research*, SAGE Publications, Inc.

Erasmus, B. and Morey, P. (2016), “Faith-based volunteer motivation: Exploring the applicability of the Volunteer Functions Inventory to the motivations and satisfaction levels in an Australian faith-based organization”, *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 27 (3), 1343-1360.

Ghose, T. and Kassam, M. (2014), “Motivations to Volunteer Among College Students in India”, *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2014, 25 (1), 28-45.

Grandi, F., Lough, B. and Bannister, T. (2018), “Global Trends in volunteering infrastructure a background paper for the 2018 state of the world’s volunteerism report: the thread that binds”, *United Nations Volunteers (UNV)*, 39.

Haski-Leventhal, D., Roza, L. and Meijs, L. P. M. (2017), “Congruence in Corporate Social Responsibility: Connecting the Identity and Behavior of Employers and Employees”, *Journal of Business Ethics*, 143 (1), 35-51.

Hustinx, L., Cnaan, R.A. and Handy, F. (2010), “Navigating Theories of Volunteering: A Hybrid Map for a Complex Phenomenon”, *Journal for the Theory of Social Behavior*, 40, 410-434.

Lee, Y. J. and Brudney, J. L. (2012), “Participation in formal and informal volunteering: Implications for volunteer recruitment”, *Nonprofit Management and Leadership*, 23, 159-180.

Leskova, I. V. (2017), "Culture of Corporate Volunteering in Russian Organizations", *Social Policy and Sociology*, 16, 3 (122), 129-136 (in Russ.).

Mirvis, P. H., Hurley, S. T. and MacArthur, A. (2014), "Transforming executives into corporate diplomats: The power of global pro bono service", *Organizational Dynamics*, 43 (3), 235-245.

Musick, M. and Wilson, J. (2008), *Volunteers: A social profile*, Indiana University Press, Bloomington, IN.

Myasoedov, A. I. (2020), "The donor behavior of the 'third sector' under the control of compassion", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (2), 50-62 (in Russ.).

Păceșilă M. (2017), "Corporate Volunteering: Trends, Benefits and Challenges. Current Situation in Romania", *Theoretical and Empirical Researches in Urban Management*, 12 (2), 19-29.

Peggy, A. and Hewitt, T.L. (2001), "Volunteer Work and Well-Being", *Journal of Health and Social Behavior*, 42, 115-131.

Penner, L. A. and Finkelstein, M. A. (1998), "Dispositional and Structural Determinants of Volunteerism", *Journal of Personality and Social Psychology*, 74 (2), 525-537.

Rodell, J., Breitsohl, H., Schröder, M. and Keating, D. (2016), "Employee Volunteering: A Review and Framework for Future Research", *Journal of Management*, 42 (1), 55-84.

Runte, M. and Basil, D. (2011), "Personal and corporate volunteerism: employee motivations", *International Journal of Business Environment*, 4 (2), 133-145.

Salamon, L. M., Haddock, M. A. and Sokolowski, S. W. (2017) "Closing the Gap? New Perspectives on Volunteering North and South", *Perspectives on Volunteering*, in Butcher, J., Einolf, C. J. (eds.), Springer, Basel, 29-51.

Shachar, I. Y., von Essen J. and Hustinx, L. (2019), "Opening Up the 'Black Box' of 'Volunteering': On Hybridization and Purification in Volunteering Research and Promotion", *Administrative Theory & Praxis*, 41 (3), 245-265.

Smith, D. H., Stebbins, R. A. and Grotz, Ju. (ed.) 2016, *The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations*, vol. 1, Palgrave Macmillan, US.

Stumberger, N. and Pauly, J. A. (2018), "Active, Reactive, and Proactive Approaches to

Corporate Volunteering in Three Countries" *International Journal of Business Communication* [Online], 4, available at: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/2329488418777038> (Accessed: 15 January 2021)

Voicu, B. and Voicu, M. (2009), "Volunteers and Volunteering in Central and Eastern Europe", *Sociológia. Slovak Sociological Review [Sociology. Slovak Sociological Review]*, 41 (6), 539-563.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

БЛАГОДАРНОСТИ:

Автор благодарит за помощь в работе над статьей Светлану Петровну Иванову, кандидата экономических наук, доцента кафедры теории и практики управления института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление» Московского государственного психолого-педагогического университета.

GRATITUDES:

The author thanks Svetlana P. Ivanova, PhD in Economics, Associate Professor of the Institute of Foreign Languages, Modern Communications and Management, Moscow State University of Psychology and Education, for her help in the work on the article

ОБ АВТОРЕ:

Мясоедов Алексей Иванович, ведущий специалист Многофункционального центра предоставления государственных услуг г. Москвы, магистр Института финансов, экономики и управления Тольяттинского государственного университета, Белорусская ул., д. 14, г. Тольятти, Самарская обл., 445020, Россия; retvil@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Alexey I. Myasoedov, Leading Specialist of the Multifunctional Center for the Provision of Public Services in Moscow, Master of Institute of Finance, Economics and Management, Tolyatti State University, 14 Belorusskaya St., Tolyatti, Samara Region, 445020, Russia; retvil@mail.ru

УДК 8; 821.161.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-5

Сорокина Д. Д.	О стихотворениях из юношеской поэтической тетради Н.Н. Страхова (к архивным пересмотрам)
----------------	---

Свободный исследователь, ул. Тарханская, д. 3, корп. 1, кв. 65, г. Москва, 109156, Россия;
Daria312@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализированы стихотворения из юношеской поэтической тетради Н.Н. Страхова. Определяется место и значение стихотворных опытов будущего литературного критика в его творческой биографии. Это позволяет уточнить традиционные представления об эстетических воззрениях и философской системе Страхова, отразившихся в его литературной критике. В конце статьи впервые представлены некоторые стихотворения из юношеской поэтической тетради философа.

Ключевые слова: Н.Н. Страхов; юношеская поэтическая тетрадь Н.Н. Страхова; стихотворения; русская литература XIX в.; литературная критика.

Для цитирования: Сорокина Д. Д. О стихотворениях из юношеской поэтической тетради Н.Н. Страхова (к архивным пересмотрам) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 1. С. 56-62. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-5

D. D. Sorokina	Poems from the notebook of verses by young N. Strakhov (based on archival materials)
----------------	---

Independent researcher, 3 Tarkhanskaya St., bldg. 1, apt. 65, Moscow, 109156, Russia;
Daria312@yandex.ru

Abstract. The article analyzes poems from the notebook of verses by young N. Strakhov. The place and importance of poetic experiments of the future literary critic in his creative biography is determined. It gives the opportunity to clarify traditional opinions on Strakhov's aesthetic views and the philosophical system later reflected in his literary criticism. Some of the verses from that notebook are presented at the end of the article.

Keywords: N. Strakhov; the notebook of verses by young N. Strakhov; verses; poems; Russian literature of the XIX-th century; literary criticism

For citation: Sorokina D. D. (2021), "Poems from the notebook of verses by young N. Strakhov (based on archival materials)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (1), 56-62, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-5

В обширном литературном наследии Н.Н. Страхова стихотворения как по количеству, так и по их историко-литературному значению занимают не первое место. Однако без учета этой стороны творческой биографии философа и литературного критика представления о его эстетических воззрениях и философской системе были бы неполными.

Любовь и тяга Н.Н. Страхова к поэзии пробудилась очень рано. Желание выразить свои мысли в стихотворной форме начало приходить к юному Страхову еще в годы учебы в Костромской семинарии. Биограф Страхова И.П. Матченко упоминал о первом стихотворном опыте будущего критика, относящемся к 1844 г. Это было стихотворение-посвящение ко дню Пасхи опекуну и дяде по материнской линии о. Нафанаилу (Савченко).

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Москва) хранится тетрадь стихотворений Н.Н. Страхова. Небольшая тетрадка – записная книжка в толстом переплете – была подарена юному Николаю Страхову его близким другом Ф.С. Оранским. На титульном листе рукой Оранского написано: «Возвратить исписанную. Страхову – Оранский. 1847 июня 24-го в четверг вечером в 10 ч.»¹. После смерти критика тетрадь перешла к поэту и переводчику П.А. Кускову, затем хранилась у В.В. Розанова: «Получена мною по смерти Платона Александровича Кускова от его сыновей Павла и Ивана Платоновичей, в СПб. В. Розанов»².

В поэтической тетради Н.Н. Страхова находим стихотворения 1848–1859 гг. (в общей сложности около сорока стихотворений, есть незавершенные). В большинстве случаев автор ставил дату написания стихотворений в заголовке или в конце текста. Также в тетради имеются и недатированные стихотворения.

Характер ранних стихотворных опытов Страхова определялся влиянием романтической традиции. Познакомившись в юности с поэзией Лермонтова и Байрона, молодой Страхов надолго вошел в орбиту их художественного воздействия, что видно из таких стихотворений, как «18 июля 1848 г.», «Оранскому» (1848), «К А. С.» (1848), «Мгновения» (1849) и других, содержащихся в тетрадке.

Сочинение молодыми людьми стихотворений, изобилующих романтическими абстракциями, преувеличениями и мечтательностью, было весьма распространено в русской культурной среде середины XIX столетия. Образцы отношения к своему внутреннему «я», к обществу, к окружающему миру находили сверстники Страхова в произведениях романтических поэтов. Очень характерны в этом отношении воспоминания некоего С. У. о том, как он в юности представил свои стихи для отзыва Н.А. Некрасову: «Некрасов очень смеялся над моими “Розами”, “Луной”, “Весенней элегией” и прочими стихосложениями того же типа и прямо и откровенно посоветовал стихов не писать, так как из этого, кроме огорчения, ничего не выйдет». Вместо сочинения стихов поэт дал расстроенному юноше совет переводить поэзию Горация: «Какие у него найдете перлы ума, наблюдательности, иронии, элегии...» (Цит. по: Эйхенбаум, 1969: 51). Нелишне добавить, что, например, и И.А. Гончаров в молодости, так же, как и главный герой его романа «Обыкновенная история» Александр Адуев, пробовал свое поэтическое перо: «Лирика Гончарова, – констатирует исследователь творчества писателя А.Г. Цейтлин, – не оригинальна: она вся соткана из подражаний модным романтическим поэтам» (Цейтлин, 1950: 33). Страхов также не остался в стороне от этого увлечения. Его стихи юношеского периода, подобно стихам его сверстников, легко укладываются в рамки поэтики романтизма.

Одним из характерных в этом отношении является стихотворение «18 июля

¹ ОР РГБ Ф. 249. М. 3819. Ед. хр. 1. Л. 2.

² ОР РГБ Ф. 249. М. 3819. Ед. хр. 1. Л. 1.

1848 г.». Романтическая эстетика, с одной стороны, и юный возраст автора, с другой, определили пафосность художественной окраски и стиль данного стихотворения:

Усталостью и скукою томимый
Пришел сегодня я к родным своим.
По улицам шумящим и живым
Бродил я долго, злой тоской гонимый.
И рад я был, что я не заставлял
Своих знакомых глупых и презренных.
Упрямо в них, безумец, я искал
И мыслей, и речей живых и вдохновенных³.

Это стихотворение является довольно типичным для молодого Страхова. Следует отметить, что в 1846–1848 гг. будущий критик работал над художественно-автобиографическим отрывком «Записки Демона». Сознательное стремление следовать традициям прозы и поэзии Лермонтова, которая отвечала внутренним потребностям юноши и находила живой отклик в его душе, бесспорно ощущается в ранних прозаических и поэтических опытах Страхова. Типичные романтические мотивы и темы (тема одиночества, разочарования) пронизывает стихотворение, которое построено на противопоставлении лирического героя (человека, склонного к самоанализу) «пошлому обществу людей».

Стихотворение написано пятистопным ямбом с чередованием женской и мужской рифмы. Ямб – излюбленный стихотворный размер молодого Страхова. Ямбом написаны такие стихотворения, как «Возвращение на родину», «К А.», «Воспоминанье» и др. Если говорить об организации рифм в стихотворении, то оно начинается опоясывающей рифмой, сменяющейся перекрестной. И, наконец, все стихотворение венчается парной рифмой, заключающей сжатый вывод безотрадных размышлений лирического героя:

³ОР РГБ Ф. 249. М. 3819. Ед. хр. 1. Л. 22. Все стихи Н. Страхова приводятся в авторской орфографии и пунктуации.

И нет в нем пыла жизни молодой,
Затем, что нет ни слез, ни ожиданий.
Ни радостей, ни горя, ни желаний⁴.

От внутренних переживаний о противоречиях собственной и окружающей жизни, о суетности человеческих стремлений юный автор переходит к размышлению о жизни предыдущих поколений:

То жизнь была людей могучих и живых,
В борьбе и дружбе вольных и прямых.
И сильных волею и смелостию силы⁵.

Размышление автор начинает цитатой из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» («Дела давно минувших дней»), тем самым ощущая свою сопричастность национальному литературному и историческому процессу. А затем опять возвращается к своим личным переживаниям, закольцовывая таким образом стихотворение.

Рифмы в стихотворении не слишком затейливы, большим художественным мастерством и новаторством не отличаются: *томимый / гонимый, своим / живым, заставлял / искал*. В лексическом наполнении отчетливо видны романтические трафареты: *скука, волнений и страстей, безумец, вдохновенных*. Здесь находим широкий ассортимент традиционных штампов романтической поэзии: и *борьбу живых страстей*, и *злую тоску*, и *судьбу печальную*. Из этих примеров видно, что и тон, и стилистика стихотворения несут на себе существенное влияние поэзии романтизма.

Тем не менее, значение этого периода – периода литературного ученичества, юношеских проб и подражаний Страхова – умалять нельзя. Это было время, когда начинал складываться особый писательский стиль будущего критика и философа, время глубокого и основательного изучения художественных особенностей и стиля

⁴ ОР РГБ Ф. 249. М. 3819. Ед. хр. 1. Л. 23

⁵ ОР РГБ Ф. 249. М. 3819. Ед. хр. 1. Л. 22 об.

романтической поэзии (как русской, так и западноевропейской). Упражнения в стихосложении помогали юноше иначе выразить свои мысли, чем он делал это в прозе. «Лирическая поэзия, — замечает Л.Я. Гинзбург, — далеко не всегда прямой разговор поэта о себе и своих чувствах, но это раскрытая точка зрения, отношение лирического субъекта к вещам, оценка. Поэтическое слово непрерывно оценивает все, к чему прикасается, — это слово с проявленной ценностью» (Гинзбург, 1974: 8).

Активное усвоение и накопление научных и философских знаний придало поэтическим опытам Страхова второй половины 1850-х гг. не только новую интонацию, но и новое содержание. Из тетради видно, что к этому времени в его поэтических сочинениях начинает преобладать философская тематика. Лирический субъективизм постепенно вытесняется философскими размышлениями, которые оказываются первостепенными по своему значению. Они расширяют смысл и обогащают содержание стихотворных сочинений Страхова. Пантеистическое мировоззрение, созерцательность, философичность мышления Страхова отразились в таких стихотворениях, как «Мир» (1855), «15 марта 1857 г.». Позже эти стихотворения были включены Страховым в сборник «Воспоминания и отрывки» (1892). Стихотворение «15 марта 1857 г.» вышло под заголовком «Жизнь» с небольшими изменениями.

По мере идейного созревания будущего критика менял свой внутренний облик и его лирический герой. Он отходит от сугубо личных переживаний и начинает наблюдать и постигать неисчерпаемый мир природы, размышлять над законами бытия и мироздания. Хотя следует признать, что и в этих стихотворениях субъективный элемент в характере лирического героя в определенной степени отражает черты личности самого автора. Лирика «осмысляет характерность внутреннего

мира человеческой жизни, процесс мыслительно-эмоциональных переживаний, который всегда бывает вызван явлениями внешнего мира и направлен на них, часто пронизывает их как свой объект, иногда всецело растворяется в них, но столь же часто не обнаруживает при этом своей пространственно-временной определенности», — справедливо отмечает Г.Н. Пospelов (Пospelов, 1971: 237).

В стихотворениях Н.Н. Страхова в той или иной степени нашли отражение его художественные воззрения, взгляды на литературу, отдельные критические оценки. Записи в поэтической тетради, работа над стихотворениями убеждают, что будущий критик следил за тем, как решались проблемы в области эстетической, философской и научной мысли. Видно, на какие литературные авторитеты он опирался при создании собственных поэтических опытов. Так, эпиграфом к неоконченной поэме студенческих лет «Институт» (1850) молодой Страхов не случайно ставит строку из «Руслана и Людмилы»: «Прекрасное должно быть величаво». Страхов никогда не переставал преклоняться перед гением А.С. Пушкина. Несколькими десятилетиями позже, в цикле статей о поэте, Страхов даст высочайшую оценку поэзии и художественного мастерства великого поэта. В тексте «Института» находим и другие цитаты из поэмы «Руслан и Людмила».

Факты биографии также нашли место в поэтических опытах Н.Н. Страхова (стихотворение «Возвращение на Родину» (1848), которым открывается поэтическая тетрадь, «Оранскому» (1848), «15 августа 1854 г.», «Мгновения» (1849–1850)). Последнее стихотворение в сокращенном и отредактированном виде было включено Страховым в автобиографическую повесть «По утрам» (1850).

О высоком предназначении поэта и поэзии говорит Страхов в стихотворениях «Поэт» (1851) и «Поэту» (1853) (в «Воспоминаниях и отрывках» последнее стихо-

творение напечатано под названием «Не верь себе»). Любовная лирика представлена стихотворениями «Ах, мне все снятся, все снятся» (1853), «Как расскажу я сладкое томленье?» (1855). Особенно выделяется здесь стихотворение «Я ждал тебя, зачем ты не пришла?» (1850), проникнутое искренними чувствами и переживаниями молодого автора.

Отдельно отметим занятия стихотворными переводами молодого Страхова. На страницах поэтической тетради представлены переводы из Шиллера и Гейне.

В своем творчестве Страхов никогда не придавал сочинению стихов первостепенного значения. Однако потребность в стихотворном воплощении мыслей он испытывал всю жизнь. К некоторым своим ранним стихотворениям, записанным в поэтической тетрадке, Страхов обращался и во второй половине жизни, работая над сборником «Воспоминания и отрывки». Но лишь немногие из этих стихотворений критик счел достойными увидеть свет. Лирические опыты Н.Н. Страхова дают наглядное представление об особенностях его таланта и служат ценным материалом для его творческой биографии.

Подводя итог, следует отметить, что значительная часть автографов, относящихся к раннему периоду творческого пути Н.Н. Страхова и являющаяся источником для научного издания его сочинений (вопрос, который периодически поднимается в научном сообществе), хранится в Киеве. Текстологические находки последнего десятилетия (подготовка к печати и публикация художественно-автобиографической повести «По утрам» М.И. Щербаковой (2010), вступительная статья и комментарий ученого (Щербакова, 2010: 359-367) свидетельствуют о том, что процесс собирания первоисточников, а значит, и, возможно, не известных нам до сих пор стихотворений Н.Н. Страхова не завершен.

Некоторые стихотворения из поэтической тетради Н.Н. Страхова

К А.

5-го сентября

В дали туманной и безбрежной
Там, далеко – передо мной
Являлся часто образ нежный
В сияньи жизни молодой.

И жадно взор мой утомленный
Черты прелестные ловил;
Но он бледнел, – и в отдаленный,
В бесцветный сумрак уходил.

Я вспоминал, – в краю далеком
Под шепот отененных вод,
Под небом жарким и глубоким
Природа дремлет и цветет...⁶

18 июля 1848 г.

Усталостью и скукою томимый
Пришел сегодня я к родным своим.
По улицам шумящим и живым
Бродил я долго, злой тоской гонимый.
И рад я был, что я не заставлял
Своих знакомых глупых и презренных.
Упрямо в них, безумец, я искал
И мыслей, и речей живых и вдохновенных.
Я думал в пошлом обществе людей
Найти хоть искру жизни, чувства,
Найти движение, борьбу живых страстей.
Хоть отблеск идеального искусства.
Напрасно! И душа сжималась тоской,
Когда я видел их, холодных и беспечных,
Объятых сном, дремотою немой,
В их жизни страшно-мелкой и пустой.
Без воли и ума, и без тревог сердечных.
Их пошлости дивясь нестерпимой,
Довольству их ничтожеством своим,
Усталостью и злой тоской томимый
Я возвратился вечером к родным.
И здесь, когда уже покров незримый
На землю сумрак тихо опускал
И в полусвет предметы одевал,

⁶ ОР РГБ Ф. 249. М. 3819. Ед. хр. 1. Л. 10

Я с жадностью и завистью скрытой
Рассказу длинному внимал.
Была то повесть жизни позабытой,
Дела давно минувших дней,
Жизнь, полная волненья и страстей,
И вольной роскоши, теперь разбитой.
То жизнь была людей могучих и живых,
В борьбе и дружбе вольных и прямых.
И сильных волею и смелостью силы.
И все погибло. Много было их;
Те разошлись, те спят в могиле.
А ныне грустно, тихо все кругом
В судьбе печальной и бесцветной.
Жизнь медленно течет, а день за днем
Приходит и уходит незаметно.
И сердце полно горькою тоской
От раздражающих воспоминаний.
И нет в нем пыла жизни молодой,
Затем, что нет ни слез, ни ожиданий,
Ни радостей, ни горя, ни желаний⁷.

Проходят дни, проходят ночи –
А сердце жадно ждет!
И смотрят молодые очи
Задумчиво – вперед.

И каждый вечер – дня смерканье
Мне грустию грозит;
И утра каждого сиянье
Надеждой мне блеснит.

Минуют дни, минуют ночи...
Мир пуст и тих кругом,
Уста молчат, не блещут очи
Ни влагой, ни огнем.

И тихо утром пробужденье
На тихий день трудов
И тихо в полночь усыпенье
На ночь без сладких снов.

Настанут дни, настанут ночи,
О, радость! Ты придешь?
Уста улыбкою и очи
Слезой обольешь.
И вспыхнет жизнь моя в сияньи

И дум, и дел, и слов.
Тогда – лобзанье на лобзанье
И на любовь – любовь!

Проходят дни, проходят ночи,
А сердце жадно ждет,
И смотрят молодые очи
Задумчиво – вперед.

Поэт

1851 г. 29 октября
Одесса

Восторгом ли грудь у него затрепещет,
Заново ли сердце тоской,
Из уст изобильных и льются, и блещут
Послушные звуки волной.
И чуть он слышит огонь вдохновенья,
Чуть первый рождается стих,
Он весь полон власти, и гаснет смущенье
В пророке народов земных.
Он всем говорит, но в ласкающих звуках,
В размеренной музыке слов,
Он всем говорит и о тайнах, и муках;
Он скинул вседневный покров.
Что другу не скажет, то скажет он свету,
Что милой в полночную тьму,
Лобзая, уста не промолвят поэта,
То скажет он миру всему.
И чуть звонкомерную речь ту слышат,
Чуть ласково звуки стеклись,
Все, внемля покорно, участием дышат,
И дерзость, и смех улеглись.
Насмешкою буйной никто нечестиво
Его оскорбить не дерзнет,
Презренье к высокому сердца порыву
И в сердце засохшем замрет.
И вольно поэт доверяется звукам,
Все равен, и всеми любим,
И звуки послушны восторгам и мукам,
И люди покорствуют им.
Затем, что безгрешным устами лишь под-
властна
Живая речей красота;
Им можно пред всеми лобзать без соблазна
У милой и грудь, и уста⁸.

⁷ ОР РГБ Ф. 249. М. 3819. Ед. хр. 1. Л. 22–23.

⁸ ОР РГБ Ф. 249. М. 3819. Ед. хр. 1. Л. 53 – 53 об.

Источники

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)
Ф. 249. М. 3819. Ед. хр. 1.

Литература

Гинзбург, Л.Я. О лирике. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1974. 408 с.

Поспелов, Г.Н. Проблемы исторического развития литературы. М.: Просвещение, 1971. 271 с.

Цейтлин, А.Г. И.А. Гончаров. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 491 с.

Щербакowa, М.И. Повесть Н.Н. Страхова «По утрам» // Толстой и о Толстом. Вып. 4: Материалы к комментариям. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 359-367.

Эйхенбаум, Б.М. О поэзии. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1969. 552 с.

Sources

The Manuscript Department of the Russian State Library, F. 249. M. 3819, unit 1.

References

Tseitlin, A. G. (1950), *I. A. Goncharov* [I. A. Goncharov], Izdatel'stvo AN USSR, Moscow, USSR (in Russ.).

Eyhenbaum, B. M. (1969), *O poezii* [About Poetry], Sovetskiy pisatel'. Leningradskoe otделение, Leningrad, USSR (in Russ.).

Ginzburg, L. Ya. (1974), *O lirike* [About Lyrics], Sovetskiy pisatel'. Leningradskoe otделение, Leningrad, USSR (in Russ.).

Pospelov, G. N. (1971), *Problemy istoricheskogo razvitiya literatury* [The Problems of Historical Development of Literature], Prosveshchenie, Moscow, USSR (in Russ.).

Shherbakova, M. I. (2010), "The novel 'In the Mornings' by N. N. Strakhov", *Tolstoy i o Tolstom. Vyp. 4: Materialy k kommentariyam* [Tolstoy and about Tolstoy. Issue 4: Materials for comments], Institut mirovoy literatury imeni A.M. Gor'kogo Rossiyskoy akademii nauk, Moscow, Russia (in Russ.).

Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на международной научной конференции – IX чтениях памяти Н.Н. Страхова «Интеллектуальная история России XIX– начала XX вв.: линии преемственности и разрывы» (17–19 декабря 2020 г.)

The article is based on the report read at the International Scientific Conference – IX Readings in Memory of N.N. Strakhov "Intellectual History of Russia in the 19th – early 20th centuries: lines of succession and breaks" (December 17–19, 2020).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Сорокина Дарья Дмитриевна, кандидат филологических наук, свободный исследователь, ул. Тарханская, д. 3, корп. 1, кв. 65, г. Москва, 109156, Россия; *Daria312@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Daria D. Sorokina, PhD in Philology, Independent researcher, 3 Tarkhanskaya St., bldg. 1, apt. 65, Moscow, 109156, Russia; *Daria312@yandex.ru*

УДК 8.82.111.85

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-6

Тоичкина А. В.

Н.Н. Страхов о поэзии А.А. Фета (к проблеме осмысления русской философией религиозных оснований литературы)

Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7-9,
г. Санкт-Петербург, 199034, Россия; a.toichkina@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения философского и художественного начал в эстетике, в частности, в заметках известного русского философа Н.Н. Страхова о поэзии А.А. Фета. Анализируется известная рецензия Ап. Григорьева (одного из учителей Страхова) «Стихотворения А.А. Фета» (1850), письма Страхова Фету, их значение для понимания поэзии Фета. В этом аспекте рассматривается вопрос о религиозно-философском смысле лирики Фета.

Ключевые слова: Страхов; Фет; идеализм; поэтика; философия.

Для цитирования: Тоичкина А. В. Н.Н. Страхов о поэзии А.А. Фета (к проблеме осмысления русской философией религиозных оснований литературы) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 1. С. 63-71. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-6

A. V. Toichkina

Nikolay Strakhov's notes about Afanasy Fet's Poetry (to the problem of understanding by Russian philosophy of the religious foundation of Russian literature)

Saint-Petersburg State University, 7-9 University Embankment, Sankt-Petersburg, 199034, Russia;
a.toichkina@spbu.ru

Abstract. The article deals with the problem of correlation between philosophical and artistic principles in aesthetics, in particular, in the notes of the famous Russian philosopher N.N. Strakhov about the poetry of A.A. Fet. The author analyzes the famous review of Ap. Grigoriev (one of Strakhov's teachers) "Fet's Poems" (1850), Strakhov's letters to Fet, and their importance for the understanding of Fet's poetry. In this aspect the question of religious and philosophical sense of Fet's lyrics is considered.

Keywords: Strakhov; Fet; idealism; philosophy; poetic

For citation: Toichkina A. V. (2021), "Nikolay Strakhov's notes about Afanasy Fet's Poetry (to the problem of understanding by Russian philosophy of the religious foundation of Russian literature)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (1), 63-71, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-6

А.А. Фет в рассказе «Кактус» описывает переживания слушающего цыганские

песни автора-повествователя следующим образом: «Боже! Думалось мне, какая то-

мительная жажда безаветной преданности, беспредельной ласки слышится в этих тоскующих напевах. Тоска вообще чувство мучительное: почему же именно эта тоска дышит таким счастьем? Эти звуки не приносят ни представлений, ни понятий; на их трепетных крыльях несутся живые идеи. И что, по правде, дают нам наши представления и понятия? Одну враждебную погоду за неуловимую истину. Разве самое твердое астрономическое понятие о неизменности лунного диаметра может заставить меня не видеть, что луна разрослась на востоке? Разве философия, убеждая меня что мир только зло или только добро, или ни то, ни другое, властно заставить меня не содрогаться от прикосновения безвредного, но гадкого насекомого или пресмыкающегося, или не слышать этих зовущих звуков и этого нежного аромата? Кто жаждет истины, ищи ее у художников. Поэт говорит: «Благоговея богомольно / Перед святыней красоты». Другой высказывает то же словами: «Не кончив молитвы, / На звук тот отвечу / И брошусь из битвы / Ему я навстречу». Этому по крайней мере верили в сороковых годах. Эти верования были общим достоянием. Поэт тогда не мог говорить другого, и цыгане не могли идти тем путем, на который сошли теперь. И они верили в красоту и потому ее и знали. Но ведь красота-то вечна. Чувство ее – наше прирожденное качество» (Цит. по: Григорьев, 1930: 419-420). Этот рассказ А.А. Фета был напечатан в «Русском Вестнике» в 1881 году в № 11 (стр. 233-238). В центре рассказа – образ цветущего кактуса, символа мимолетной и, вместе с тем, вечной красоты. Главным событием этого рассказа Фета становится распускание цветка кактуса и его мгновенное увядание: «Когда утром мы собрались к кофею, на краю стакана лежал бездушный труп вчерашнего красавца кактуса» (Цит. по: Григорьев, 1930: 429). Для Фета залогом вечности красоты является событие его воплощения в искусстве. И весь рассказ посвящен осмыслению явления красоты в этом мире. Важнейший же

фрагмент – воспоминание автора-рассказчика об эпизоде из жизни Аполлона Григорьева 1856 года (о поездках к цыганам и пении безнадежно влюбленной цыганки Стеши). Рассказ свидетельствует о глубинной взаимосвязи любви (эроса) и искусства, особенно музыки как самого непосредственного между искусствами.

И не случайно в этом рассказе появляется Аполлон Григорьев, который был чрезвычайно близок и значим как для А.А. Фета, так и для Н.Н. Страхова. Именно Ап. Григорьев многое предопределил и в творческом пути А.А. Фета, и в философской эстетике Н.Н. Страхова. Можно, наверное, сказать, что сама личность Ап. Григорьева теснейшим образом связала Страхова и Фета еще до их знакомства в 1876 году у Л.Н. Толстого в Ясной Поляне и обозначила перспективы их будущего общения на многих направлениях. Так, уже после смерти А.А. Фета в 1892 году Страхов издал первое посмертное собрание стихотворений поэта, выстроив его по образцу издания 1850 года, составленного Ап. Григорьевым. Издатель первого так называемого «Полного собрания стихотворений А.А. Фета» (СПб., 1901) Б.В. Никольский писал о проблемах с систематизацией сочинений поэта: «Ему [Фету. – А.Т.] нравился пестрый беспорядок цветущего луга и, сохраняя кое-где запущенные клумбы подобранных пьес, он предоставлял расти другим цветам своего творчества, как их Господь Бог посеял. Более того, те немногие клумбы, которые были, сам Фет только запускать и разрознивал; первоначальным их составителем был Ап. Григорьев, – составителем очень искусным, глубокомысленным и оригинальным, но и крайне причудливым» (Фет, 1901: XII). Речь идет о пятнадцати рубриках, по которым были распределены произведения Фета в григорьевском издании 1850 года: «Снега», «Гадания», «Вечера и ночи», «К Офелии», «Мелодии», «Элегии» и др. Сам принцип не сводился ни к хронологии, ни к делению по жанрам и даже циклам. Кроме того, уже в издании 1850

года появился раздел «Разных стихотворений», в котором были собраны стихотворения, не попадавшие в другие разделы, и который в дальнейших изданиях только увеличивался. В посмертном издании стихотворений Фета Н.Н. Страхов, по наблюдению Никольского, «с одной стороны думал согласовать хронологический порядок с группировкой Григорьева, с другой соединял с этою группировкою поправки Фета и свои собственные дополнения, а с третьей решил все творчество Фета распределить без остатка по прежним рубрикам, весьма несущественно расширив последние. Наконец, и он не избежал отдела “Разных стихотворений”, хотя и сохранил для него счастливое заглавие “Вечерних огней”» (Фет, 1901: XIII). (Сейчас мы знаем, что это «счастливое название» было подсказано Фету Страховым.) Б.В. Никольский со своей стороны счел, что «группировка Григорьева вполне пригодна для некоторых стихотворений Фета, но вовсе не приложима к его творчеству в целом». Он предпочел «искать новых путей» (Фет, 1901: XIII). Но показательно, что на современном этапе издатели Полного собрания сочинений А.А. Фета в 20 томах (СПб., 2002) вернулись в первом томе к изданию 1850 года и к принципам систематизации Ап. Григорьева. Об этом пишет В.А. Кошелев: он приходит к выводу, что Ап. Григорьев позаимствовал принцип систематизации стихотворений Фета у Гёте, который тот использовал в «Западно-восточном диване» (Кошелев, 2010: 41).

Я останавливаюсь так подробно на этом сюжете потому, что он непосредственно связан с главной проблемой моей работы: проблемой соотношения философии и поэзии. Трудность заявленной темы состоит в том, что поэзия Фета по своей эстетической природе не поддается собственно философскому анализу, как не поддается строгой систематизации корпус его сочинений, требуя от издателей разработки особого подхода. Философия оперирует логикой, анализом, понятиями, си-

стемой, а поэзия Фета полна впечатлениями, мгновенными переживаниями, сугубо поэтическими образами. Это принципиально разные системы координат. Но это не значит, что у Фета нет в поэзии мыслей. Поэтическое мышление Фета по своей природе отлично от собственно философского мышления, но, безусловно, пропитано «вечными истинами». Напомню одно из первых дошедших до нас его писем к Страхову: «Не буду говорить, до какой степени меня, после мимолетной встречи в Питере, постоянно тянуло сблизиться с Вами, как с мыслителем. – В нашей умственной пустыне такое влечение более чем понятно; но увидав Вас ближе, я открыл в Вас то, что для меня едва ли не дороже мыслителя. Я открыл в Вас кусок круглого, душистого мыла, которое не способно никому резать руки и своим мягким прикосновением только способствует растворению внешней грязи, нисколько не принимая ее в себя и оставаясь все тем же круглым и душистым плотным телом. Вы скажете: “я объективен, как всесторонний мыслитель”. – Какое мне дело, почему? Я чувствую себя с Вами хорошо, – и этим довольствуюсь» (А.А. Фет..., 2011: 244).

И, прежде чем обратиться к заметкам Страхова о Фете, хотелось бы остановиться на обстоятельной статье Ап. Григорьева «Стихотворения А. Фета»¹, которая сопровождала выход сборника Фета в 1850 году. Относительно эстетических взглядов Григорьева существует обширная исследовательская традиция. Представляется существенным остановиться на специфике решения Григорьевым проблемы философского анализа поэтических созданий Фета, важного опыта для развития этой темы у Страхова. Ап. Григорьев, как и Страхов, в своих философских и эстетических воззрениях опирался на опыт немецкой идеалистической философии. Для него, создателя

¹ Опубликована впервые в журнале «Отечественные записки» (1850. Т. 68. № 1. Отд. VI); перепечатана: Вопросы литературы. 2009. № 2. С. 406-448. Цит. по: (Григорьев, 2009).

органической критики, Шеллинг в некоторых отношениях был предпочтительнее Гегеля. Воспринятый на личностном уровне органический подход в философии, тонкое эстетическое чутье позволяли ему избегать в критике идеологических натяжек. Это замечательно прочитывается в его статье, посвященной вышедшему сборнику стихотворений Фета (который он сам и составил). Так, он пишет: «Образ есть живое, органическое тело, в которое водворяется мысль и с которым она сливается нераздельно, совершеннейшая, полнейшая оболочка абстракта, без которой самый абстракт немислим» (Григорьев, 2009). Для него А.А. Фет – «талант самообытный, образовавшийся только под влиянием классических образцов и преимущественно под влиянием Гёте. <...> соприкасаясь всему и ни с чем не роднясь глубоко, без определенной тенденции, кроме тенденции художника, это дарование стоит как-то отдельно в нашей литературе» (там же). Григорьев делает акцент на способности Фета «сообщать осязаемость тонким, неопределенным, для других не подмечаемым впечатлениям» и его «изолированности в русской литературе» (там же).

Далее он рассматривает стихотворения по разделам сборника 1850 года (всего 15 разделов). На материале первого раздела «Снега» отмечает «способность [Фета. – А. Т.] делать доступным внутренний мир души посредством внешних явлений» (там же). Анализируя третий раздел, «Мелодии», выделяет две стороны таланта Фета: «способность пластически ясно и определенно выражать впечатления, которые сами по себе подлежат определению, и способность уловлять в высшей степени тонко и музыкально впечатления, которых вся прелесть заключается в их неопределенности» (там же). Ап. Григорьев очень критически оценивает часть стихотворений сборника Фета – те, в которых он видит ложь и мертвенность формы. Критерием истинной художественности являются для него общность (общее – это «или сжатый, могучий образ, или глубокое чувство»),

поэтичность, жизненность. О цикле «Мелодии» он пишет: «все или почти все мелодии – отзвухи осязаемых, полных поэтических впечатлений. <...> везде и повсюду его личные впечатления отождествляются с самыми моментами, их породившими» (там же).

Особое внимание критик уделяет четвертому разделу – «Вечера и ночи» – поэзии природы Фета. Григорьев пишет: «Нет ничего труднее, как описывать природу, если только произведение ее моментов можно назвать описанием. Природа жива, как человек, разнообразна и неуловима в своих оттенках и отливах, как разнообразна жизнь, – и широка должна быть натура художника, могущего уловить всецело хоть один ее момент, передать хоть частицу ее необъятного содержания» (там же). И Фету это удастся: «Вечера и ночи», по замечанию Григорьева, «едва ли не лучшее из всего, написанного г. Фетом как в отношении к форме, так и в отношении к содержанию. <...> глубокое понимание природы проглядывает повсюду: это целая поэма спокойно, разумно наслаждающегося духа, поэма, в которой часто мудрое слово дружит с полным чувством самозабвения на груди матери-природы. Особенно это чувство полной, беззаветной преданности впечатлениям поражает читателя своей наивностью и простотой» (там же).

Мысль о вечности искусства, которую актуализирует Фет в рассказе «Кактус», тоже возникает в этой статье Григорьева в связи с рассмотрением шестого раздела сборника – «Баллады». Григорьев пишет о бессмертии жанра баллады: «...каждый род поэзии вечен, как жизнь, ибо вечны в человеческой душе те струны, которым он служит отзвуком» (там же). О девятом разделе – «Элегиях» – Григорьев пишет с восторгом: «В способности подмечать и передавать обыкновенные, но другим неуловимые оттенки чувства и страсти заключается вся сила дарования нашего молодого поэта, и потому самому все его элегии так хороши, что нельзя ука-

зять даже на лучшие из них: каждая прекрасна, потому что каждая проста и истинна, каждая мастерскою чертою уловляет какой-либо жизненный оттенок страсти, каждая полна или чудесных страстных порывов, или чрезвычайно тонкой грации» (там же). В связи с тринадцатым разделом, «Антологическими стихотворениями», Ап. Григорьев касается важнейшей черты Фета (речь идет о «почитании античной красоты»): «он – художник, художник исключительно, равно и безразлично сочувствующий всему, что может облечься в прекрасный образ, а всего более сочувствующий художественной античной жизни с ее пластическими картинками» (там же). Любопытно и заключение Григорьева: «Молодой поэт не призван сказать ничего нового, но, как истинный живой талант, он призван подметить много новых черт в повседневном и обыкновенном. Сочувствие природе, понимание движений сердца – вот лучшие стороны этого таланта» (там же).

Конечно, А.А. Фет второй половины 1870–80-х гг. не равен Фету 1840-х. Эпоха позднего Фета периода «Вечерних огней», дружбы со Страховым, переводов «Фауста» Гёте и «Мира как воли и представления» Шопенгауэра характеризуется насыщенностью поэзии религиозно-философским содержанием. Но это содержание все равно воплощается в художественной форме исключительно поэтическими средствами как переживание лирического героя. Форма выливается из сущности содержания, а содержание неотделимо от формы. Так, в стихотворении «Смерти», о котором Страхов писал в письме к Фету от 18 марта 1884 года: «А как хороши Ваши стихи “Ко смерти”! Вот философский поворот мысли!» (А.А. Фет..., 2011: 371), смерть предстает не как философская идея, а как чувствованная мысль – переживание, которое персонифицируется в образе:

Я в жизни обмирал и чувство это знаю,
Где мукам всем конец и сладок томный
хмель;

Вот почему я вас без страха ожидаю,
Ночь безрассветная и вечная постель.

Пусть головы моей рука твоя коснется
И ты сотрешь меня со списка бытия,
Но пред моим судом, покуда сердце
бьется,
Мы силы равные, и торжествую я.

Еще ты каждый миг моей покорна воле,
Ты тень у ног моих, безличный призрак
ты.

Покуда я дышу, ты мысль моя – не боле,
Игрушка шаткая тоскующей мечты.
(Фет, 1971: 205)

Во второй половине 1870-х годов, в ситуации расхождения во взглядах на веру и искусство с Л.Н. Толстым, Фет оказывается перед необходимостью сформулировать свое понимание Бога, свой «символ веры». Он пишет в письме к Страхову от 5 февраля 1880 года: «Что есть Бог, это я знаю непосредственно, т. е. чувствую, так как иного непосредственного знания нет» (А.А. Фет..., 2011: 301). Ему близко понимание Бога у Шопенгауэра (и Страхов вполне его разделяет), но не новое учение Л.Н. Толстого. И болезненность реакции Фета на учительство Толстого во многом связано с вопросом об искусстве. Толстой, по словам Фета, «убил» своим «высоким христианством» «свой исключительно высокий талант, обозвав его греховным наваждением». «Зачем зарезал свой талант? Он исключительно теперь зарезал – с этой нигилистической подкладкой возможны лишь мистические галлюцинации, но не серьезные уравновешенные труды божески спокойного гения эпоса. Жизнь, все-таки жизнь – всё – *universum*, а христианство, отрицание – есть высокий идеал, компенсатор, в машинах регулятор, отрицающий движение двигателя. <...> жизни я отрицать не стану, я слишком люблю прекрасную природу; но смерти, небытия не боюсь. Хоть сейчас, ибо знаю, что я не более как явление и что время у меня в мозгу, с потуханием которого тухнет вре-

мя» (А.А. Фет..., 2011: 303-304). Фет видит главный религиозно-философский смысл жизни в искусстве: «Настоящее искусство есть *настоящий* проповедник и моралист» (А.А. Фет..., 2011: 488). «Правдивость» и «жизненность» – вот критерии истинного искусства для Фета. И именно в поэзии мир текущих явлений обретает бессмертие. Для него мир идеалов и действительности – принципиально разные миры: «Величайшее зло состоит в том, что люди смешивают совершенно законный мир идеалов с совершенно законным миром действительности, где один решитель и оправдатель – опыт» (А.А. Фет..., 2011: 278-279). И в другом письме: «Толстой говорит: “Не учиться надо, а жить”. – Не могу понять, что это значит. Чтобы делать, надо уметь, а чтобы уметь, надо учиться. Если же жить значит петь, то это другое дело» (А.А. Фет..., 2011: 281).

В конце 1880-х годов Страхов пишет несколько заметок об А.А. Фете: «“Вечерние огни”. Собрание неизданных стихотворений А. Фета. М., 1883» («Русь», 1883, № 24, с. 57-58); «Юбилей поэзии Фета» («Новое время», 1889, № 4640). Уже после смерти поэта 21 ноября 1891 года Страхов составляет биографический очерк жизни А.А. Фета (очерк датирован Страховым 18 апреля 1894 года) и пишет «Несколько слов памяти Фета». Все эти заметки были опубликованы Страховым в первом посмертном издании «Лирические стихотворения А. Фета» (в 2-х частях, СПб., 1894)², и потом переиздавались в изданиях «Полного собрания стихотворений А.А. Фета», вышедших под редакцией Б.В. Никольского в 1901 и 1910 годах. Никольский дополнил биографический очерк и заметки Страхова своей статьей «Основные элементы лирики Фета».

В предисловии к «Вечерним огням» Фета Страхов делает акцент на чуде настоящей поэзии. Фет, как пишет Страхов,

«очень часто останавливается на чем-нибудь самом простом, на первой встретившейся картине природы, на переменах дня и ночи, на дожде и снеге, или же на самом простом движении мысли и чувства, и вдруг магическим стихом он преображает все это в яркую красоту, в чистое золото поэзии. В этом отношении он величайший чародей, несравненный поэт; чтобы отделиться от земли, ему не нужно никакого прыжка, почти вовсе не нужно усилия. <...> От свободы и легкости творчества зависит и тот радостный и светлый тон, то чувство света и покоя, которое слышится в его поэзии. Ни воплей и стонов, ни крика и хохота здесь не слышать, оттого что все становится музыкой, все преобразается в пение. Кто доступен этому волшебству, тот с изумлением начинает видеть – не то, что поэзия, как иные толкуют, есть нечто чуждое для жизни, а то, что повсюду в жизни резкая черта отделяет красоту и прелесть от грязи и пошлости» (Фет, 1901: XL). В кратком предисловии к сборнику Страхов обозначает важные для него черты поэзии Фета: смелость, простоту и жизненность образов переживаемого чувства, поклонение красоте: «его звуки по-прежнему – одно поклонение прекрасному, одно чистое золото поэзии; в них слышались только, кроме прежних, еще новые, глубокие и важные струны» (Фет, 1901: XLI).

В слове, написанном по случаю пятидесятилетия писательской деятельности Фета («Юбилей поэзии Фета») Страхов пишет о Фете как об «истинном пробном камне для способности понимать поэзию» (Фет, 1901: XLIII). На вопрос «Что же он выражает?» Страхов отвечает: «Он певец и выразитель отдельно взятых настроений души, или даже минутных, быстро проходящих впечатлений. Он не излагает нам какого-нибудь чувства в его различных фазах, не изображает какой-нибудь страсти с ее определившимися формами, в полноте ее развития; он уловляет только один момент чувства или страсти, он весь в настоящем, в том быстром мгновении,

² Страхов готовил это издание вместе с К.Р. (Соколова, 1971: 639-641).

которое его захватило и заставило изливаться чудными звуками. Каждая песня Фета относится к одной точке бытия, к одному биению сердца и потому неразложима, неразделима; это – аккорд, в котором на звук мгновенно тронутой струны вдруг гармонически отозвались другие струны» (Фет, 1901: XLIII-XLIV). Страхов отмечает «ширину его захвата», разнообразие и множество тем поэта. Кроме того, поэзия Фета преобразует саму действительность в наших глазах, учит нас «видеть действительность с той стороны, с которой она является красотой, является попыткой воплотить смысл и жизнь, осуществить идеал». «Он, как ярко загоревшийся факел среди ночи, вдруг освещает все предметы и далеко разгоняет сумрак, в котором мы живем» (Фет, 1901: XLIV-XLV). Страхов отмечает «волшебную музыкальность» стиха Фета: «для каждого настроения души у поэта является своя мелодия и по богатству мелодий никто с ним не может равняться» (Фет, 1901: XLV). Особенный акцент делает Страхов на такой характеристике стихов Фета, как «свежесть»: «они никогда не заношены, они никаких других стихов, ни своих, ни чужих, не напоминают; в них нет и тени усилия, сочинения, надуманности; они свежи и непорочны, как только что распутившийся цветок; кажется, они не пишутся, а рождаются целиком» (Фет, 1901: XLVI). В поэзии Фета он видит «бодрую и ясную душу поэта», вслед за Ап. Григорьевым отмечая отсутствие болезненных тем извращений души, разорванности, разлада с собой и миром.

Третью, посмертную заметку «Несколько слов памяти Фета» Страхов предваряет эпиграфом из Спинозы: «Все прекрасное настолько же трудно, насколько редко» (эти слова восходят к известному выражению Цицерона «Все прекрасное редко»). (Страхов, 2000: 452) Имя Спинозы возникает у Страхова не случайно (это знаковое для него имя), хотя сам эпиграф задан контекстом поэзии Фета. Страхов торопится ответить на вопрос «Что же такое Фет и как нам следует ценить его?».

Мыслитель пишет эту заметку для того, чтобы, отдав должное усопшему другу-поэту, снова обозначить свои приоритеты, свое понимание «вечных истин» и «вечных ценностей». Для него поэзия – это абсолютная ценность; тайна творчества – тайна преобразования мира поэзией, косной материи в идеал красоты. Истинную, не обманчивую действительность Страхов видит в «нашем чувстве, в нашей душе». Он вспоминает слова Фауста у Гёте: «чувство – все». Песни, поэзия – это спасение от мира: «Пение, как молитва, принадлежит к тем человеческим делам, которые человек может делать один, про себя, и в которых может достигать полного своего удовлетворения. Не будь мы способны к таким делам, бедственность нашей жизни увеличилась бы неизмеримо» (Фет, 1901: L). Он вспоминает Платона: «Душа наша, как говорит Платон, родилась в царстве вечных форм, вечных образцов существующего, и она ищет на земле их подобия. <...> Нам нужна неизменная мысль, содержащаяся в бегущих явлениях; нужны неизменные образы, краски, формы, которые мы могли бы созерцать; нужен определенный строй звуков, который воплощал бы для нас сущность нашего мятущегося чувства» (Фет, 1901: LI). Искусство – это приобщение к вечности, явление религиозной жизни души. Обращаясь к стихотворениям Фета «Если радует утро тебя» и «Поэтам», Страхов уточняет мысль Фета: он «восхищен тем, что у поэтов все принимает форму вечности, облекается в вечность» (Фет, 1901: LII). Далее Страхов пишет о страдании: «Страдание не может петь; оно издает вопли или молчит. А кто поет, тот уже покорил свое страдание, тот уже облекает его в вечные образы, созерцание которых есть самое чистое наслаждение» (Фет, 1901: LIII-LIV). «Поэзия учит нас этому упоению горя, этому «безумному счастью». Мы поднимаемся с нею в какую-то сферу, где все прекрасно, и страдание, и радость, где ничтожен всякий наш личный интерес, а царствуют лишь вечные, божественные образы истинно-человеческих чувств и стремлений» (Фет, 1901: LV).

Не случайно Б.В. Никольский в известном посмертном очерке «Николай Николаевич Страхов: Критико-биографический очерк» (СПб., 1896 г.) писал о том, что Страхов был «эстетиком»: «эстетичность – вот основная черта, коренная сущность мировоззрения Страхова» (Никольский, 1896: 15). Он прав в том смысле, что для Страхова, как и для Фета, поэзия, искусство было сродни религии. Они верили в эстетику и преображающую силу красоты, которая может «спасти мир» и очистить, «воскресить падшего человека».

Литература

А.А. Фет и его литературное окружение: В 2 кн. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 1038 с. (Литературное наследство. Т. 103).

Григорьев, А.А. Воспоминания. М.–Л.: Academia, 1930. 699 с.

Григорьев, А.А. Стихотворения А. Фета // Вопросы литературы. 2009. № 2 [Электронный ресурс] URL: <https://voplit.ru/article/stihotvoreniya-a-feta-moskva-1849-vstupitelnaya-statya-publikatsiya-i-primechaniya-l-soboleva/> (дата обращения: 15.12.2020).

Кошелев, В.А. О композиции сборника «Стихотворения А. Фета» 1850 года // А.А. Фет. Материалы и исследования. № 1. М.–СПб.: Альянс-Архео, 2010. С. 30-42.

Никольский, Б.В. Николай Николаевич Страхов: Критико-биографический очерк. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1896. 56 с.

Соколова, М.А. Состав и принципы издания // Фет А.А. Вечерние огни. М.: Наука, 1971. С. 639-641.

Страхов, Н.Н. Литературная критика. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. 461 с.

Фет, А.А. Вечерние огни. М.: Наука, 1971. 816 с.

<Фет, А.А.> Полное собрание стихотворений А.А. Фета. Т. 1. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1901. 496 с.

<Fet, A. A.> (1901), *Polnoe sobranie stikhotvoreniy A. A. Feta*. T. 1 [Full collection of works of A. A. Fet. Vol. 1], Izdanie A. F. Marksa, Saint-Peterburg, Russia (in Russ.).

Fet, A. A. (1971), *Vechernie ogni* [Evening lights], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Grigoriev, A. A. (1930), *Vospominaniya* [Memories], Academia, Moscow –Leningrad, Russia (in Russ.).

Grigoriev, A. A. (2009), “Poetry of A. Fet”, *Voprosy Literatury* [Issues of Literature], 2, [Online], available at: <https://voplit.ru/article/stihotvoreniya-a-feta-moskva-1849-vstupitelnaya-statya-publikatsiya-i-primechaniya-l-soboleva/> (Accessed 15 December 2020) (in Russ.).

Koshelev, V. A. (2010), “About the composition of the collection ‘Stikhotvoreniya A. Feta’ of 1850”, *A. A. Fet. Materialy i issledovaniya* [A. A. Fet, Materials and researches], 1, Moscow–Saint Petersburg, Al'jans-Arheo, 30-42 (in Russ.).

Nikolskiy, B. V. (1896), *Nikolay Nikolaevich Strakhov: Kritiko-biograficheskiy ocherk* [Nikolay Nikolaevich Strakhov: Critical-biographical sketch], Tipografija A.S. Suvorina, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Sokolova, M. A. (1971), “Compositions and principles of publication”, *Fet, A. A. Vechernie ogni* [Fet, A. A. Evening lights], Nauka, Moscow, Russia, 639-641 (in Russ.).

Strachkov, N. N. (2000), *Literaturnaya kritika* [Literary criticism], Russian Christian Humanitarian Institute Publishing house, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на международной научной конференции – IX чтениях памяти Н.Н. Страхова «Интеллектуальная история России XIX– начала XX вв.: линии преемственности и разрывы» (17–19 декабря 2020 г.)

The article is based on the report read at the International Scientific Conference – IX Readings in Memory of N.N. Strakhov “Intellectual History of Russia in the 19th – early 20th centuries: lines of succession and breaks” (December 17–19, 2020).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

References

A. A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie: v 2 knigah. Kn. 2 (2011) [A. A. Fet and his literary environment: in 2 volumes. Vol. 2], IMLI RAN, Moscow, Russia (in Russ.).

ОБ АВТОРЕ:

Тоичкина Александра Витальевна,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры славянской филологии, Санкт-
Петербургский государственный университет,
Университетская наб., д. 7-9, г. Санкт-
Петербург, 199034, Россия;
a.toichkina@spbu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Alexandra V. Toichkina, Doctor of Philol-
ogy, Associate Professor, Department of Slavic
Philology, Saint-Petersburg State University, 7-9
University Embankment, Sankt-Petersburg,
199034, Russia; a.toichkina@spbu.ru

УДК 215

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-7

**Перекрестов В. В. | Философско-антропологические допущения А.Н. Аксакова
и А.М. Бутлерова в исследованиях медиумизма**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы,
д. 85, г. Белгород, 3080150, Россия; 1335705@bsu.edu.ru

Аннотация. История медиумической деятельности А.М. Бутлерова и А.Н. Аксакова, вопросы, которые поднимаются относительно необычной стороны их жизни, связанной с исследованием медиумических явлений, до сих пор вызывают разноплановые философско-антропологические и религиозно-философские споры. В данной статье сделана попытка наметить философско-методологический путь решения вопросов, связанных с трудностями интерпретации или понимания медиумизма и его адептов. Неприятие медиумизма в научной среде XIX века и характер реакции представителей различных областей познания наводят на мысль, что описываемые А.Н. Аксаковым и А.М. Бутлеровым явления указывают не столько на кризис веры, сколько на кризис доказательства, последствия которого выходят за рамки чисто научных и религиозные.

Ключевые слова: медиумизм; спиритизм; спиритуализм; наука; А.Н. Аксаков; А.М. Бутлеров; духовное бытие; медиумические явления; медиумические факты

Для цитирования: Перекрестов В. В. Философско-антропологические допущения А.Н. Аксакова и А.М. Бутлерова в исследованиях медиумизма // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 1. С. 72-77. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-7

**V. V. Perekrestov | Philosophical and anthropological assumptions of A. N. Aksakov
and A. M. Butlerov in the research of mediumship**

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
1335705@bsu.edu.ru

Abstract: Describing the mediumistic activities of Alexander M. Butlerov and Alexander N. Aksakov, the questions that are raised about the events of their unusual part of life associated with the study of mediumistic phenomena still cause many diverse philosophical and anthropological disputes. In this article, we pose one of these questions, namely, how to solve the methodological difficulties in how to interpret or understand mediumship, which is the focus of attention of the researchers presented in the text. The overwhelming rejection of mediumship and the nature of the reaction of representatives of various fields of knowledge in the 19th century suggest that the phenomena described by Aksakov and Butlerov were not so much the result of a cri-

sis of faith as the cause of a crisis of evidence, the consequences of which went beyond purely scientific and religious.

Keywords: mediumship; spiritism; spiritualism; science; Alexander N. Aksakov; Alexander M. Butlerov; spiritual being; mediumistic phenomena; mediumistic facts

For citation: Perekrestov V. V. (2021), "Philosophical and anthropological assumptions of A. N. Aksakov and A. M. Butlerov in the research of mediumship", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (1), 72-77, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-7

Литература, посвященная описаниям опыта переживаний пребывания в личных и коллективных психотехнических экстатических практиках, обрела в XIX веке большую популярность и признание в широкой публике. Общение с существами (духами) антропоморфного характера; существование в человеке «духа», воплотившегося или же сформировавшегося в земном теле; проявления посмертного «Я» в человеческом мире в образе «духа» – вот только некоторые из вопросов, поднимающихся на рассмотрение в контексте исследований медиумизма¹. Интерес к медиумическим явлениям рождался в самых разных сферах культурной жизни XIX столетия. Физики У. Крукс и О. Лодж, физиолог Ш. Рише, натуралист А.Р. Уоллес, астроном Ф. Цельнер, химик А.М. Бутлеров, писатель А.Н. Аксаков, зоолог Н.П. Вагнер, психолог Ю. Охорович, философ и психолог У. Джеймс, писатель А.К. Дойл, врач Ч. Ломброзо и др., отстранившись от положений строгого онтологического материализма и механицизма, приступали к серьезному изучению медиумизма.

Противников спиритизма возмущали в нем извращенное понятие духовности и спекулятивные подходы и концепции, а

медиумисты, не окунавшиеся в догматические теории, порой представлялись критиками в виде бездельников и мистификаторов. Физик М. Фарадей, например, утверждал, что большинство феноменов спиритизма можно объяснить известными силами, а исследование так называемых «духов» сеансов было научно бесполезным и морально опасным (Noakes, 2007); невролог Д. Миллер Бирд категорически утверждал, что духи медиумических сеансов «обитают только в клетках мозга». Бирд объяснял веру испытателей в спиритические феномены как результат эмоционального возбуждения, определяемого им термином «suspense» (Natale, 2010); патологоанатом П. Оскар Блок утверждал, что вера спиритистов в развоплощение может быть поставлена под сомнение на основании неадекватного содержания духовных сообщений: «Массильон утратил свое красноречие, Моцарт – свой гений, а ряд других не менее знаменитых людей выражались грубым, иногда непонятным образом, совершая недопустимые анахронизмы». Он полагал, что такие коммуникации производятся медиумом бессознательно (Alvarado, 2020). Философ и ученый Н.Н. Страхов в раскрытии заблуждений поклонников медиумических явлений указывал им на необходимость истины, как в науке, так и «в делах сердечных», и замечал, что погоня за фактами медиумизма вносит в жизнь человека неопределенность и путанность: «Сколько бы ни искал человек истины, как бы строго ни наблюдал действительность, как бы долго ни уяснял свои понятия, новый факт, по учению эм-

¹ Медиумизм – это ряд необычных явлений, к которым в среде медиумистов и спиритов относят следующие: постукивания, наклоны и вращения столов и другой мебели, телекинетический перенос предметов, эктоплазматическую материализацию частей тела, отпечатков пальцев и полной антропоморфной фигуры.

пиризма, может ниспровергнуть все это до основания» (Страхов, 1887). М.О. Вержболович, писатель, воспитанник Киевской духовной академии, указывал, что «отвлекая внимание людей от предметов и явлений действительной жизни, обращая его в область вопросов и стремлений, выходящих за пределы действительности, в мир фантастический, темный и таинственный...» (Вержболович, 1903), спиритизм влечет пагубные последствия в сфере нравственно-практической жизни человека.

В XIX веке доказательная парадигма, происходящая от естественных наук, опирающаяся на непосредственное эмпирическое отношение между человеком-наблюдателем и объектами исследования, постепенно охватила гуманитарные науки. Поместив явления медиумизма в рамки религиозно-этического учения о непрерывности человеческого существования, спиритуалисты и спириты, сохраняя разногласия относительно описаний незримого мира «духов», сходились в исключительном акцентировании сбора медиумических фактов как высокоэффективной формы верификации своей области исследований. А.Н. Аксаков и А.М. Бутлеров, исследуя медиумические феномены, также предлагали их легитимизацию через научную категоризацию чувственного опыта, когда внутреннему прозрению не отводилось главенствующего значения подобно тому, как это обнаруживается в спиритических учениях. Именно эта особенность медиумизма, состоящая в отстраненности от чувственного озарения, характерного, например, для мистицизма как области исследования, объясняет его привлекательность для многих ученых.

Рассматривая витки философско-антропологических допущений А.Н. Аксакова и А.М. Бутлерова, мы можем наблюдать, как медиумизм представал для исследователей фактической истиной, уникальным методом в познании бытия и сознания. Выступая против механистически-материалистического истолкования

человеческой жизни, быстро распространяющегося в результате научного прогресса и индустриализации XIX в., медиумисты выдвигали оппозиционные мировоззренческие гипотезы. С различной долей вероятности А.М. Бутлеров и А.Н. Аксаков выдвигали идеи о существовании незримых форм бытия, энергии, сознания. Чуждаясь антропоморфного описания структурно-функциональных особенностей этих форм по образцу того, как это делают адепты спиритического учения, медиумисты замечают относительно трансцендентной формы сознания, что в случае признания и принятия спиритических фактов во всей их совокупности «...“спиритические” явления окажутся только проявлением этой формы сознания в условиях времени и пространства мира феноменального» (Аксаков, 1910: 675).

Один из современных исследователей истории спиритизма обращает внимание на то, что американский писатель Н. Готорн (N. Hawthorne) понимал спиритизм как «рождение новой науки или возрождение старого обмана», т. е. амбивалентно, и подчеркивает, что эта двойственность Готорна представляет собой важный, до сих пор игнорируемый аспект спиритуалистической литературы. Готорн балансирует между крайностями прозелитических спиритуалистов и скептиков рубежа веков – он хотел верить в спиритизм, но не был убежден, и в течение XIX столетия эта разновидность скептицизма становилась все более распространенной (Good, 2012). Взгляды А.Н. Аксакова и А.М. Бутлерова, как представляется, тоже могут быть отмечены амбивалентностью, хотя и отличной от амбивалентности Готорна своей гипотетической разрешимостью. Амбивалентность медиумистов, предположительно, заключается в попытках примирить медиумическую гипотезу внетелесного существования духовного «Я» со способностью проявления его в земном мире посредством естественного человеческого организма.

Проблема данной разновидности амбивалентности в перспективе может быть прояснена обращением к содержанию взглядов А.Н. Аксакова и А.М. Бутлерова относительно духовного бытия. А.Н. Аксаков и А.М. Бутлеров, так же, как, например, У. Крукс (автор гипотезы «лучистой материи» как особого состояния тел) и Ш.Р. Рише (нобелевский лауреат, выдвигавший гипотезу «шестого чувства» как основы экстрасенсорных способностей), признавали лишь существование медиумических явлений, избегая при этом, казалось бы, очевидной выводимости представлений о наличии незримого мира из спиритической интерпретации «упрямых» фактов медиумизма. Но А.Н. Аксаков и А.М. Бутлеров при этом допускали, что существование мира за пределами чувственного познания в будущем может быть установлено апостериорным путем. Поэтому соединение фактов медиумизма с идеей о посмертном проявлении индивидуального ядра человека остается у медиумистов гипотетическим и прямо зависящим от результатов и интерпретации будущих исследований медиумических явлений.

В поиске оснований манипуляций А.Н. Аксакова и А.М. Бутлерова с гипотезами о духовном индивидуальном начале человека стержневым является принцип, воплощенный в трудах медиумистов, а именно, предположение духовного бытия с различной степенью вероятности, зависящей от критериев оценки результатов опытов. Уверенность в медиумизме служила укреплению философско-антропологических допущений, но коренное основание их исследований состояло в убежденности, что в медиумизме проявляются еще не познанные принципы естественного порядка, составляющие часть бесконечного цикла явлений бытия. Кроме того, у медиумистов ясно обнаруживается следование положению, согласно которому становится невозможным осуществление научного прогресса, если в познании мироздания следовать априорному отрицанию чего-

либо, постулированию догматических границ в природе и в ее познании. Для А.М. Бутлерова медиумизм служит поводом и основой для расширения науки, сила которой заключается в признании безграничности и разнообразия явлений природы, но для его философско-научного оппонента Н.Н. Страхова это расширение является прямым игнорированием непреложных истин в угоду личным предубеждениям и заблуждениям. Рассуждая об основных законах физического мира (законе сохранения вещества и законе сохранения энергии), которые нарушаются в медиумизме, Н.Н. Страхов замечает, что наличие этих нарушений сглаживается в медиумизме посредством обмана, участником которого является сам А.М. Бутлеров: «Тот странный обман, в который сперва впадает сам добросовестный и отличный ученый и в который потом он старается вовлечь других, очевидно, происходит по старинному приему обобщения. Когда о чем-нибудь говорится как о некотором факте, некотором предмете исследования, когда потом является одна из областей знания, нарушение одного из законов физики, и т. д., то для нас понемногу стирается особенность предмета, его частный характер. Посредством таких обобщений каждая вещь вносится в разряд бесчисленных, предполагаемых существующими, вещей, и весь мир обращается в хаос, так как ни об одной вещи нельзя будет сказать, что она всегда и везде должна иметь те же определенные свойства» (Страхов, 1887).

Медиумизм, составляющий для А.Н. Аксакова и А.М. Бутлерова «расширение области человеческого знания и понимания» (Бутлеров, 1889: 111), в которой непозволительно априорное отрицание, в частности, медиумических фактов, и потворствование гордому оплоту «научного “ignorabimus” (“знать не хотим”))» (Аксаков, 1910: 10), является лишь частным проявлением глобального научно-культурного дискурса о природе человека, бурно развернувшегося в XIX столетии. Вопреки популярному в нынешнем веке

отношению к медиумизму и спиритизму как выражению мистической реакции на научную рациональность и другие аспекты «современности» в XIX веке, существует класс актуальных исторических исследований, описывающих медиумизм и сопутствующие ему явления как неотъемлемую часть процесса модернизации (Lamont, 2007). «Я веду речь, писал, напр., покойный Бутлеров в прошлом году, о внетелесном продолжающемся существовании человека, – о человеке как звене духовного мира, вера в существование которого была почти потеряна интеллигентным большинством, а теперь начинает возвращаться к нам снова, твердо опираясь на реальное знание» (Буткевич, 1887: 104). Отмечая ценность медиумических опытов для возрождения и установления твердых представлений о сверхчувственном психическом мире через раскрытие вопроса о психической природе человека, А.М. Бутлеров, как и А.Н. Аксаков, видит проблему конечного смысла мироздания разрешимой посредством истин медиумизма. Вместе с расширением науки ревнители медиумизма берутся рассуждать о расширении мира, в котором сознательное «Я» приобретает независимую форму существования за пределами чувственного познания. Психическая форма бытия, открывающаяся через медиумические явления, представала для А.Н. Аксакова и А.М. Бутлерова фундаментальным элементом в их спекулятивных поисках и попытках раскрыть глубоко тревожащие их сознание тайны жизни.

Литература

Аксаков, А.Н. Анимизм и спиритизм: Крит. исслед. медиум. явлений, и их объяснение гипотезами «нервной силы», «галлюцинации» и «бессознательного»: В ответ Э. ф.-Гартману. 3-е изд. Уфа: Электрич. тип. «Печать», 1910. 679 с.

Бутлеров, А.М. Статьи по медиумизму. СПб.: А.Н. Аксаков, 1889. 473 с.

Буткевич, Т.И. Спиритизм, его историческое развитие, религиозно-философские воз-

зрения и отношение к христианству. Харьков: Тип. Окр. штаба, 1887. 129 с.

Вержболович, М.О. Спиритизм перед судом науки и христианства, 1903. [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Verzhbolovich/spiritizm-pered-sudom-nauki-i-hristianstva/ (дата обращения: 01.02.2021).

Страхов, Н. О вечных истинах: (Мой спор о спиритизме), 1887. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1887_o_vechnyh_istinah.shtml (дата обращения: 06.02.2021).

Alvarado, C.S. Dissociation and the Unconscious Mind: Nineteenth-Century Perspectives on Mediumship, 2020. [Эл. ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/344981059_Dissociation_and_the_Unconscious_Mind_Nineteenth-Century_Perspectives_on_Mediumship (дата обращения: 02.02.2021).

Good, J. The Dark Circle: Spiritualism in Victorian and Neo-Victorian Fiction, 2012. [Эл. ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/254708181_The_Dark_Circle_Spiritualism_in_Victorian_and_Neo-Victorian_Fiction (дата обращения: 02.02.2021).

Lamont, P. Paranormal Belief and the Avowal of Prior Scepticism, 2007 [Эл. ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/247784841_Paranormal_Belief_and_the_Avowal_of_Prior_Scepticism (дата обращения: 02.02.2021).

Natale, S. Spiritualism exposed: Scepticism, credulity and spectatorship in end-of-the-century America, 2010. [Эл. ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/221672572_Spiritualism_exposed_Scepticism_credulity_and_spectatorship_in_end-of-the-century_America (дата обращения: 01.02.2021).

Noakes, R. Cromwell Varley FRS, Electrical Discharge and Victorian Spiritualism, 2007. [Эл. ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/29810872_Cromwell_Varley_FRS_Electrical_Discharge_and_Victorian_Spiritualism (дата обращения: 04.02.2021).

References

Aksakov, A. N. (1910), *Animizm i spiritizm: Kriticheskoye issledovaniye mediumicheskikh yavleniy i ikh ob'yasneniye gipotezami "nervnoy*

sily", "galyutsinatsii" i "bessoznatel'nogo": V otvet E. f.-Gartmanu [Animism and Spiritualism: A Critical Study of Medium Phenomena and Their Explanation by the Hypotheses of "Nervous Power", "Hallucination" and "Unconsciousness": In response, E. f.-Hartmann.], 3rd ed., Electric Printing House "Pechat", Ufa, Russia (in Russ.).

Alvarado, C. S. (2020), *Dissociation and the Unconscious Mind: Nineteenth-Century Perspectives on Mediumship* [Online], available at: https://www.researchgate.net/publication/344981059_Dissociation_and_the_Unconscious_Mind_Nineteenth-Century_Perspectives_on_Mediumship (Accessed 02 February 2021).

Butkevich, T. I. (1887), *Spiritizm, ego istoricheskoe razvitiye, religiozno-filosofskie vozzreniya i otnosheniye k hristianstvu* [Spiritism, its historical development, religious and philosophical views and attitude to Christianity], tip. Okr. Shtaba, Khar'kov, Russia (in Russ.).

Butlerov, A. M. (1889), *Stat'i po mediumizmu* [Articles on mediumship], A. N. Aksakov, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Good, J. (2012), *The Dark Circle: Spiritualism in Victorian and Neo-Victorian Fiction* [Online], available at: https://www.researchgate.net/publication/254708181_The_Dark_Circle_Spiritualism_in_Victorian_and_Neo-Victorian_Fiction (Accessed 02 February 2021).

Lamont, P. (2007), *Paranormal Belief and the Avowal of Prior Scepticism* [Online], available at: https://www.researchgate.net/publication/247784841_Paranormal_Belief_and_the_Avowal_of_Prior_Scepticism (Accessed 06 February 2021).

Natale, S. (2010), *Spiritualism exposed: Scepticism, credulity and spectatorship in end-of-the-century America* [Online], available at: https://www.researchgate.net/publication/221672572_Spiritualism_exposed_Scepticism_credulity_and_spectatorship_in_end-of-the-century-America (Accessed 01 February 2021).

Noakes, R. (2007), *Cromwell Varley FRS, Electrical Discharge and Victorian Spiritualism*, [Online], available at: https://www.researchgate.net/publication/29810872_Cromwell_Varley_FRS_Electrical_Discharge_and_Victorian_Spiritualism (Accessed 04 February 2021).

Strakhov, N. (1887), *O vechnykh istinakh: (Moy spor o spiritizme)* [About eternal truths: (My dispute about spiritualism)] [Online], available at: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_1887_o_vechnyh_istinah.shtml (Accessed 06 February 2021) (in Russ.).

Verzhbolovich, M. O. (1903), *Spiritizm pered sudom nauki i khristianstva* [Spiritism before the court of science and Christianity] [Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Verzhbolovich/spiritizm-pered-sudom-nauki-i-hristianstva/ (Accessed 01 February 2021) (in Russ.).

Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на международной научной конференции – IX чтениях памяти Н.Н. Страхова «Интеллектуальная история России XIX– начала XX вв.: линии преемственности и разрывы» (17–19 декабря 2020 г.)

The article is based on the report read at the International Scientific Conference – IX Readings in Memory of N.N. Strakhov "Intellectual History of Russia in the 19th – early 20th centuries: lines of succession and breaks" (December 17–19, 2020).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Перекрестов Виталий Валерьевич, магистр философии, аспирант кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; 1335705@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vitaliy V. Perekrstov, Master of Philosophy, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Reach University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; 1335705@bsu.edu.ru

УДК 111; 165

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-8

Харченко В. К. | Н. Н. Страхов о феномене смерти

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; wera_kharchenko@mail.ru

Аннотация. В статье «Узлы коррекции ментального опыта в философии Н.Н. Страхова» (Проблематика смерти..., 2000: 27-35) ставился целый узел проблем, одной из которых была вычисленная Н.Н. Страховым типичная ошибка научного поиска – нежелание менять инструментарий, привычка искать смысла «за тридевять земель». Сказанное относится и к вопросу о смысле смерти. В настоящей статье мы рассматриваем, как идеи Страхова сопрягались, во-первых, с древнейшими традициями подготовки человека к уходу в мир иной, во-вторых, как эти идеи соотносятся с суждениями других философов, как в прошлые годы, так и сейчас, в третьем десятилетии XXI века. Весьма способствует актуальности страховских идей такая черта современности, как игнорирование эмоциональной сферы. Н.Н. Страхов много внимания уделял исследованию понятия формы, и это послужило толчком к пониманию многих вещей, в том числе смерти. Главная мысль философа Н.Н. Страхова о неизбежности смерти как заключительного фрагмента жизни, несмотря на кажущуюся простоту, до сих пор остается неусвоенной.

Ключевые слова: адекватность формы; смысл смерти; эмпирика; цельность жизни

Для цитирования: Харченко В.К. Н. Н. Страхов о феномене смерти // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 1. С. 78-85. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-8

V. K. Kharchenko | Nikolai Strakhov about the phenomenon of death

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
wera_kharchenko@mail.ru

Abstract: The article "Nodes of correction of mental experience in N. N. Strakhov's philosophy" (Problematics of death..., 2000: 27-35) posed a knot of problems, one of which was a typical error of scientific search worked out by N. N. Strakhov – unwillingness to change the tools, the habit of searching for meaning "far away from home". The same applies to the question of the meaning of death. In this article, we will consider how Strakhov's ideas were matched, firstly, with the ancient traditions of preparing a person to leave for another world, secondly, how these ideas correlated with the opinions of other philosophers, both in past years and now, in the third decade of the 21st century. A feature of modernity, such as the neglect of the emotional sphere, contributes greatly to the relevance of insurance ideas. N.N. Strakhov paid a lot of attention to the form, and this served as an impetus to the understanding

of many things, including death. The philosopher Strakhov's main idea about the inevitability of death as the final fragment of life, despite its apparent simplicity, still remains unexplored.

Keywords: adequacy of form; meaning of death; empiricism; integrity of life

For citation: Kharchenko V. K. (2021), "Nikolai Strakhov about the phenomenon of death", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (1), 78-85, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-8

Читая Н.Н. Стрехова, мы не можем не делать проекций на теорию пассионарных всплесков Л.Н. Гумилева. Сочетать тонкость, точность, объемность прогнозирования будущего с пассионарностью, с энергией творческого «я» – значит превращать созерцательную философию в философию деятельностьную. Парадоксально, но с таким пониманием ценности человеческих усилий связан и поднимаемый Стреховым вопрос о смысле смерти.

В статье «Русская философия смерти» К.Г. Исупов пишет: «Русская традиция знает абсолютную посюстороннюю альтернативу смерти; история ее философского осмысления практически не изведена. <...> Русские интуиции смерти и опыт ее переживания в родной словесности и искусстве почти не изучены. Настоятельной современной потребностью, отвечающей духовной конъюнктуре дня, является собирание и издание памятников отечественного размышления над смертью» (Исупов, 1994: 46, 48).

Н.Н. Стрехов один из немногих русских философов, кто действительно попытался осмыслить смерть, создать собственную теорию танатологии, как теперь называют науку о смерти. «Смерть, – считал он, – это финал оперы, последняя сцена драмы; как художественное произведение не может тянуться без конца, но само собою обособляется и находит свои границы, так и жизнь организмов имеет пределы. В этом выражается их глубокая сущность, гармония и красота, свойственная их жизни» (Стрехов, 2007: 169).

Далее Стрехов пишет, что если бы опера была только совокупностью звуков,

то она могла бы продолжаться без конца; если бы поэма была только набором слов, то она также не могла бы иметь никакого естественного предела. Но смысл оперы и поэмы, их существенное содержание требуют финала и заключения.

Нейрофизиологи установили, что в человеке позднее всего умирает мозг, а вот что писал об этом же Стрехов: «Но ум сам себе светит, и потому бережет свой свет так старательно и так долго, как никакая другая сила организма». «Старики, бывает, неприятны, но из-за грубого осадка долгой жизни, – отмечает Стрехов, – ум же остается светлым и сильным до глубокой старости, почти до последних ее минут». «Вообще смерть замечательна своею быстротою; она быстро низводит организм от состояния деятельности и силы к простому гниению. Как медленно растет и развивается человек! И как быстро по большей части он исчезает!

Причина этой скорости заключается именно в высокой организации человека, в самом превосходстве его развития. Высокий организм не терпит никакого значительного нарушения своих отправлений, тогда как низшие организмы не уничтожаются при самых сильных повреждениях, ранениях. Есть животные, которых можно резать на части – и каждая часть останется живою.

Высокое и стройное развитие не терпит понижения; поэтому понижение обнаруживается как трагический удар, разрушающий все здание организма. С этой точки зрения смерть есть великое благо. Жизнь наша ограничена именно потому, что мы способны дожить до чего-нибудь,

что можем стать вполне человеком; смерть же не дает нам пережить себя» (Страхов, 2007: 176-177).

Мы вынуждены прибегнуть к столь пространному цитированию, поскольку здесь в четкой и выразительной форме передан весь катарсис мыслей о смерти. Можно ли заявлять после этого, что в русской традиции философское осмысление смерти отсутствует?

Понимание смысла смерти, предложенное Н.Н. Страховым, созвучно православному мировосприятию. Будучи глубоко религиозным человеком, Н.Н. Страхов подошел к данной проблеме, прежде всего, как философ, подчеркнувший очерченность, рамочность индивидуального бытия («Жизнь наша ограничена именно потому, что мы способны дожить до чего-нибудь...»).

Зададим вопрос: насколько актуальны мысли Н.Н. Страхова о смерти. Чтобы показать, продемонстрировать эту неясную актуальность, представим сравнительно большое отступление от идеи философа, раскрывающее, однако, то широкое поле ощущений, которыми в разных дискурсах отмечается смерть человека.

Сказать, что у нас не осмысливалась смерть – значит не видеть важнейшей особенности культуры. «У традиционной культуры, которая в деревнях русского Севера сохраняется до сих пор, есть язык, чтобы говорить о смерти. Яркий пример использования такого языка – причитания. Это очень мощная традиция, которая почти изжита. Существуют причитания на вынос гроба, на путь к кладбищу, причет над гробом, на поминках и т.д. Причитания интонационно, ритмически оформлены, в них есть определенные клише – поэтические метафоры, которые кочуют из причета в причет. Однако причитания – каждый раз уникальное действие. В свою очередь причетница может вплетать факты из жизни покойного и его родственников. Она может обращаться к родственникам покойного, называя те чувства, которые они сейчас испытывают» (Онипко, 2020).

Помимо причитаний много внимания уделяется подготовке к будущей смерти. «Подготовка к смерти – это дело очень практическое. Женщина выходит из детородного возраста, скоро ее начнут называть старухой, и она вполне понимает, к чему все идет. Готовиться она начинает с 65–70 лет. Готовит себе смертное – смертный узелок. Это вещи, с которыми покойницу похоронят и которыми оформят ее гроб. Бабушки охотно достают из шкафов и показывают нам, что они приготовили. В смертном узелке может быть: постельное белье, покрывала, подушки, деньги, ленты и ткань для обивки гроба, платье, платок, обувь, нижнее белье, часы. Обязательно есть необходимое для обмывания тела: мыло, полотенце, иногда даже тазик. Содержимое смертного узелка является для бабушек формой символического капитала, как и разнообразные тканевые коллекции: платки, постельное белье, скатерти, обрезы. Они очень дорожат и гордятся ими. В каком-то смысле смертный узелок напоминает приданое. Характерно, что мужчины не готовят себе такого узелка, это делают для них женщины» (Онипко, 2020).

Записи разговорной речи также включают иногда упоминания о неразрывной связи умершего с родственниками, об исчезновении целых сел, о более длительных похоронах в условиях оставшегося села, о поведении на кладбище.

[Женщина 57 л.:] «Она его очень любила. Полтора года только прожила после. На поминках сказали: “Ваша мама умерла в тот же момент, а что дальше – это так...”» (24.07.2012). [Водитель знакомому водителю] «А ты чем будешь заниматься? – Найду чем! – В деревню не поедешь? Не к кому? – Уже не к кому! Помёрли все!» (14.10.2013). В родословной говорится о времени прощания с умершим: [Водитель маршрутки:] «Я приехал, думал, что опоздаю, а нет. У нас в деревнях долго хоронят...» В другой родословной говорится,

что когда кого-то хоронят, то все умершие присутствуют и не надо к ним ходить¹.

Обстановку, касающуюся смерти близкого человека, описывали и в диссертациях, например, диссертационное исследование Т.И. Гавриловой, посвященное похоронно-поминальному обряду (Гаврилова, 1997). Как видим, подготовка к смерти, причитания, поведение на кладбище – все это в совокупности характеризовало национальную, народную культуру, во многом сохраняющуюся в современной жизни.

Продолжим рассмотрение. Дети тайно играют в похороны, пытаются понять феномен смерти. В семейных родословных это, бывает, отражено. Приведем фрагмент из семейного родословия.

«Папа вспомнил такую историю: будучи у деда в гостях, маленькие Саша, Люда и Виктор решили поиграть в похороны. Нашли они корыто, положили туда маленького Виктора и понесли по улице, а следом собралась детвора. Люда шла впереди с цветами и плакала, Саша сзади нес корыто-гроб с Виктором. Они уж совсем было вошли в роль, как вдруг в начале улицы появился дед Филипп. Отца моего, как несли, так и бросили в дорожную пыль, а сами разбежались. Дед Филипп узнал свой предмет обихода и стал поднимать его, но вдруг из-под пропыленного одеяла послышался голос любимого внука. Маленький Виктор воскликнул: “Дедуська! А меня хоронят!” На что дед разгневался, и со словами: “Я им дам хоронят! Я им сейчас покажу похороны!” он побежал за Людкой и Сашкой, которые со страху спрятались в амбаре с пшеницей. Дед искал их целый день. Не найдя, догадался, что они спрятались в закромах, и притаился и входа в амбар. Пшеница была очень пыльной, и дети расчихались, раскашлялись. Дед узнавал каждого из внуков по голосу и приказным тоном велел выходить

по очереди. “Влетело” всем (Д.В. Юрко)». (Харченко, 2006: 119)

Один известный западный психолог беседовал с второклассниками и был удивлен, как много вопросов они задавали о смерти, тогда как ожидалось, что они будут говорить о будущей профессии.

16–17 февраля 2000 года нами была проведена научная конференция «Проблематика смерти в естественных и гуманитарных науках», издан сборник материалов (Проблематика смерти..., 2000), где поднимались самые разные вопросы ухода в небытие. Современные философы еще интенсивнее рассуждают о смерти в самых подчас неожиданных аспектах. Сошлемся на журнал, посвященный этой проблематике, где опубликованы статьи: О. Балла «Смерть в современном мире» (Балла, 2012: 19-26), И. Раскин «Прикажут долго жить» (Раскин, 2012: 17-33), С. Роганов «Бездомная смерть» (Роганов, 2012: 34-41).

Перечислим теперь основные идеи современных философов, касающиеся ухода в мир иной. Травмирующее воздействие смерти, неприличное упоминание о смерти как о совокуплении (Филипп Арьес), времена «крупных оптовых смертей», начиная с 1930-го года (здесь же репрессии, Холокост, Хиросима, этнические войны, теракты). Продолжим перечень. Технологии бессмертия, развитие танатологии как науки, образы смерти, хосписы... Совсем недавно появилась и такая проблема, как пандемия, распространяющаяся на все страны. «Смерть – это не то, что бывает с другими. Другие не умирают. Умираю только я» (Балла, 2012: 26).

Перед нами, заметим, огромное пространство поиска, осмысления, создания новых концепций, теорий и будто бы неумение, невладение этой техникой.

Мы выделим всего одно направление в этом вопросе, которое соответствует выше обозначенным весьма простым идеям Н.Н. Страхова. Так, митрополит Антоний Сурожский выступил с парадоксальным, на первый взгляд, утверждением: «У меня отношение к смерти своеобразное, и

¹ Из личного архива автора.

мне хочется объяснить, почему я к смерти отношусь не только спокойно, но с желанием, с надеждой, с тоской по ней. Мое первое впечатление о смерти – разговор с моим отцом, который мне как-то сказал: “Ты должен так прожить, чтобы научиться ожидать свою смерть так, как жених ожидает свою невесту: ждать ее, жаждать по ней, ликовать заранее об этой встрече, и встретить ее благоговейно, ласково”. Второе впечатление (конечно, не сразу, а много спустя) – смерть моего отца. Он скончался внезапно. Я пришел к нему, в бедную комнатку на верхушке французского дома, где была кровать, стол, табуретка и несколько книг. Я вошел в его комнату, закрыл дверь и стал. И меня обдала такая тишина, такая глубина тишины, что я, помню, воскликнул вслух: “И люди говорят, что существует смерть!.. Какая это ложь!” Потому что комната была переполнена жизнью, причем такой полнотой жизни, какой вне ее, на улице, на дворе я никогда не встречал» (Сурожский, 2003: 42).

Такого же мнения придерживался И.И. Мечников: «...Еще Мечников выдвигал гипотезу о существовании “инстинкта смерти” и, предполагая, что “естественная смерть, по всей вероятности, сопровождается в высшей степени приятным ощущением”, писал даже о “радости смерти”» (Балла, 2012: 25).

Действительно, в огромном пространстве осмысления смерти сама мысль о ее неизбежности представляет малый отрезок, но отрезок весьма значимый и требующий осмысления.

Чем же актуальна идея Н.Н. Страхова о смысле смерти? Прежде всего тем, что смерть и рождение представляют собой единство. В книге «Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений» Жан Франсуа Ришар пишет о системе селекции интенций, о необходимости «удерживать в памяти подцели более высокого уровня, чем тот, на который осуществляется выполнение» (Ришар, 1998).

Смерть, по Н.Н. Страхову, есть законченность формы, и поэтому учение о смерти теснейшим образом связано с учением о форме.

«Легко убедиться, что обыкновенный взгляд на форму мешает нам познавать вещи. Форма есть именно то, что всего доступнее для нас, что мы понимаем и познаем всего яснее. Содержание же всегда есть нечто скрытое и малодоступное. Следовательно, если мы не поймем, что такое форма, не заметим ее смысла и будем отбрасывать форму за формою как пустую шелуху, то сущность предмета будет казаться нам все темнее и неуловимее, и мы не дойдем ни до какого ясного познания» (Страхов, 2007: 177-178).

«...Мы обыкновенно обходимся только немногими категориями, которые без конца прикидываем ко всему, о чем думаем. От этого происходит, что целые области знания становятся нам недоступными в своем истинном смысле, а если мы станем их обрабатывать, получают совершенно искаженный вид, лишаются своего настоящего содержания» (Страхов, 1904).

«...Мы не понимаем самых ясных вещей, совершающихся прямо перед нашими глазами, потому что смысла их ищем за тридевять земель» (Страхов, 2007: 178).

Сравнивая физиков и философов, В.В. Налимов пишет: «...Языковая замкнутость мысли различным образом проявляет себя в разных текстах. В физике языковые поля необычайно широки – в них находят себе место основополагающие высказывания многих крупных ученых. Так, например, в квантовой механике, обладающей своими четко выраженными языковыми средствами, мы находим много породивших ее выдающихся фигур. Иначе все обстоит в философии. Здесь, как правило, каждое языковое поле замыкается на одного создавшего его мыслителя – все существенное для этого поля выговаривается им, дальше можно говорить только о степени влияния этого поля» (Налимов, 1989: 16).

Таким образом, мысль Н.Н. Страхова о смерти связана с учением о форме бытия, и осознание этого помогает понять рамочность человеческого существования. Продолжающееся игнорирование эмоциональной сферы жизни, нежелание делиться эмоциями, некоторое угасание их (Иванова, 2011: 3-5) тоже влияют на ситуации осмысления смерти как финала жизни. Сергей Есин в дневнике 1 мая 2015 г. отмечает: «Сужу даже по [Литературному] Институту, если раньше каждый второй абитуриент был поэтом, теперь их значительно, по сравнению с прозаиками, меньше» (Есин, 2015).

Мы ничего не писали об изучении наследия философа, а там немало критики. «Н.Н. Страхов был очень сильный аналитик, но лишь второстепенный синтетик», «К сожалению, развязку этой многоактной пьесы, уже вполне подготовленную, философ унес от нас с собою», – писал А. Введенский (Введенский, 1897: 23). Э. Радлов отмечал: «...самое возникновение, само творчество ускользает от анализа. Приемов, с которыми в этом случае нужно приступить к делу, он не описал» (Радлов, 1900). Л.Р. Авдеева пишет о принципе теоретической терпимости (см.: Авдеева, 1992).

Простая, скажем сильнее: подчеркнуто простая мысль Н.Н. Страхова о смерти как конце жизни, на первый взгляд, явно проигрывает тем самым современным веяниям и концепциям, но по глубине своей, по своей мудрости, философской и человеческой, она требует популяризации, озвучивания и воплощения в современную жизнь.

Литература

Авдеева, Л.Р. Русские мыслители: Ап.А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов. Философская культурология второй половины XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1992. 196 с.

Балла, О. Смерть в современном мире // Знание – сила. 2012. № 3. С. 19-26.

Введенский А. Общий смысл философии Н.Н. Страхова. М.: Университетская типография, 1897. 25 с.

Гаврилова, Т.И. Терминология похоронно-поминального обряда в этнолингвистическом освещении: на материале Курского региона: Дис... канд. филолог. наук, Белгород, 1997. 207 с.

Есин, С. Дневник. 2015 год [Электронный ресурс] URL: http://lit.lib.ru/e/esin_s_n/text_02115.shtml (дата обращения 05.08.2020).

Иванова, М. О дефиците эмоций в современной словесности // Знамя. 2011. № 11. С. 3-5.

Исупов, К.Г. Русская философия смерти // Смерть как феномен культуры. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1994. С. 34-53.

Налимов, В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989. 288 с.

Онишко Кира. «Человек не умеет умирать» // Сигма. 2020. 8 апреля [Электронный ресурс] URL: <https://syg.ma/@olga-ryaboukhina/chieloviek-nie-umieiet-umirat> (дата обращения 05.08.2020).

Проблематика смерти в естественных и гуманитарных науках: Статьи и тезисы докладов научной конференции / под ред. В.К. Харченко. Белгород: Изд-во Белгородского государственного университета, 2000. 159 с.

Радлов, Э.Л. Несколько замечаний о философии Н.Н. Страхова [Электронный ресурс] URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/18771/1/Radlov_O%20philos_Strahov.pdf (дата обращения 05.08.2020).

Раскин, И. Прикажут долго жить // Знание – сила. 2012. № 3. С. 27-33.

Ришар Жан Поль. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений [Электронный ресурс] URL: http://pedlib.ru/Books/3/0369/3_0369-165.shtml#book_page_top (дата обращения: 05.08.2020)

Роганов, С. Бездомная смерть // Знание – сила. 2012. № 3. С. 34-41.

Страхов, Н.Н. Мир как целое. Черты из наук о природе. М.: Айрис-пресс : Айрис-Дидактика, 2007. 576 с.

Страхов, Н.Н. Об основных понятиях психологии и физиологии (1904) [Электронный ресурс] URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/19853/1/Strakhov_Ob_osnovnykh_ponyatiya.pdf (дата обращения 05.08.2020).

Сурожский, Антоний. О смерти // Новый ковчег. 2003. № 7-8. С. 42-43.

Харченко, В.К. Словарь богатств русского языка: ок. 7000 единиц. М.: АСТ: Астрель, 2006. 843 с.

Харченко, В.К. Узлы коррекции ментального опыта в философии Н.Н. Стрехова // Дух и время. Философско-культурологический альманах. Вып. II. 1998-1999. Белгород: Крестьянское дело, 2000. С. 27-35.

References

Avdeeva, L. R. (1992), *Russkie mysliteli: Ap. A Grigoriev, N. Ya. Danilevskiy, N. N. Strakhov. Filosofskaya kul'turologiya vtoroy poloviny XIX veka* [Russian thinkers: A. A. Grigoriev, N. Ya. Danilevsky, N. N. Strakhov. Philosophical cultural studies of the second half of the 19th century], Moscow State University Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Balla, O. (2012), "Death in the modern world", *Znanie – sila* [Knowledge is power], 3, 19-26 (in Russ.).

Esin, S. (2015), *Dnevnik* [Diary] [Online], available at: http://lit.lib.ru/e/esin_s_n/text_02115.shtm (Accessed 05 August, 2020) (in Russ.).

Gavrilova, T. I. (1997), *Terminologija pohoronno-pominal'nogo obrjada v jetnolingvisticheskom osveshhenii (na materiale Kurskogo regiona)* [Terminology of the funeral and memorial rite in ethnolinguistic coverage (based on the Kursk region)], Ph.D. Thesis, Belgorod State Nacional Reach University, Belgorod, Russia (in Russ.).

Isupov, K. G. (1994), "Russian philosophy of death", *Smert' kak fenomen kul'tury* [Death as a cultural phenomenon], Syktyvkar university, Syktyvkar, Russia, 34-53 (in Russ.).

Ivanova, M. (2011), "About the deficit of emotions in modern literature", *Znamya*, 11, 3-5 (in Russ.).

Kharchenko, V. K. (2000), "Nodes of correction of mental experience in the philosophy of N. N. Strakhova", *Dukn i vremya. Filosofsko-kul'turologicheskiy almanakh. Vypusk II. 1998–1999* [Spirit and Time. Philosophical and cultural almanac. Issue II. 1998–1999], Krestyanskoe delo, Belgorod, Russia, 27-35. (in Russ.).

Kharchenko, V. K. (2000), *Slovar' bogatstv russkogo yazyka: okolo 7000 edinit* [Dictionary of the riches of the Russian language: about 7000 units], AST, Astrel', Moscow, Russia.

Nalimov, V. V. (1989), *Spontannost' soznaniya: Veroyatnostnaya teoriya smyslov i smyslovaya arkhitektonika lichnosti* [Probabilistic theory of meanings and semantic architectonics of personality], Prometheus, Moscow, Russia (in Russ.).

Onipko Kira (2020) "A man cannot die", *Sigma*, 8 apr. [Online], available at: <https://syg.ma/@olga-ryaboukhina/chieloviek-nieumieiet-umirat> (Accessed 05 August, 2020) (in Russ.).

Problematika smerti v estestvennykh i gumanitarnykh naukakh: Stat'i i tezisy dokladov nauchnoy konferentsii (2000) [The problem of death in the natural and human sciences: Articles and abstracts of the scientific conference], in Kharchenko V. K. (ed.), Belgorod State University, Belgorod, Russia (in Russ.).

Radlov, E. L. (1900), A few remarks about the philosophy of N. N. Strakhova. [Online], available at: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/18771/1/Radlov_O%20philos_Strahov.pdf (Accessed 05 August, 2020) (in Russ.).

Raskin, I. (2012), "Will be ordered to live long", *Znanie – Sila* [Knowledge is power], 3, 27-33 (in Russ.).

Richard, J. P. (1998), *Mental activity. Understanding, reasoning, finding solutions* [Online], available at: http://pedlib.ru/Books/3/0369/3_0369-165.shtml#book_page_top (Accessed 05 August, 2020) (in Russ.).

Roganov, S. (2012), "Homeless death", *Znanie – Sila* [Knowledge is power], 3, 34-41 (in Russ.).

Strakhov, N. N (2007), *Mir kak tseloe. Cherty iz nauk o prirode* [The world as a whole. Traits from the sciences of nature], Ayris-press : Ayris-Didaktika, Moscow, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1904), *On the basic concepts of psychology and physiology* [Online], available at: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/19853/1/Strakhov_Ob_osnovnykh_ponyatiyakh.pdf (Accessed 05 August, 2020) (in Russ.).

Surozh Anthony (2003), "About death", *Noviy kovcheg* [New ark], 7-8, 42-43 (in Russ.).

Vvedensky Alexey (1897), *Obschiy smysl filosofii N. N. Strakhova* [The general meaning of the philosophy of N. N. Strakhov], University Printing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на международной научной конференции – IX чтениях памяти Н.Н. Страхова «Интеллектуальная история России XIX– начала XX вв.: линии преемственности и разрывы» (17–19 декабря 2020 г.)

The article is based on the report read at the International Scientific Conference – IX Readings in Memory of N.N. Strakhov “Intellectual History of Russia in the 19th – early 20th centuries: lines of succession and breaks” (December 17–19, 2020).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Харченко Вера Константиновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; wera_kharchenko@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vera K. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; wera_kharchenko@mail.ru

УДК 140.8:165:130.3

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-9

Масалов А. Г.	Антропологические основания «цельного знания» в русской метафизике всеединства
---------------	---

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы,
д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; masalov@bsu.edu.ru

Аннотация. Корпус религиозно-философских идей, связанных с творчеством А.С. Хомякова, В.С. Соловьева, С.Н. Трубецкого, Л.П. Карсавина, С.Л. Франка и ряда других русских мыслителей, развивавших концептуальные аспекты метафизики всеединства, давно и заслуженно привлекает внимание историков русской философии и читателей, неравнодушных к национальной интеллектуальной культуре. Тем не менее антропологические и эпистемологические смыслы, сложившиеся в недрах русской метафизики и философии цельного знания, представляются раскрытыми не полностью. Статья представляет собой очередной шаг в данном направлении.

Ключевые слова: всеединство; познание; соборность; сознание; «цельное знание»; В.С. Соловьев; С.Н. Трубецкой; С.Л. Франк; А.С. Хомяков

Для цитирования: Масалов А.Г. Антропологические основания «цельного знания» в русской метафизике всеединства // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 1. С. 86-94. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-9

A. G. Masalov	Anthropological foundations of "integral knowledge" in the Russian metaphysics of all-unity
---------------	--

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
masalov@bsu.edu.ru

Abstract. Russian historians of philosophy and readers who are not indifferent to the national intellectual culture have long and deservedly drawn attention to the corpus of religious and philosophical ideas related to the works of A.S. Khomyakov, V.S. Solovyov, S.N. Trubetskoy, L.P. Karsavin, S.L. Frank and a number of other Russian thinkers who developed the conceptual aspects of the metaphysics of all-unity. Nevertheless, the anthropological and epistemological meanings that have developed in the depths of Russian metaphysics and the philosophy of integral knowledge do not seem to be fully revealed. The article represents an additional step in this direction.

Keywords: all-unity; cognition; conciliarity; consciousness; "integral knowledge"; Vladimir S. Soloviev; Sergei N. Trubetskoy; Semyon L. Frank; Alexey S. Khomyakov

For citation: Masalov A. G. (2021), "Anthropological foundations of "integral knowledge" in the Russian metaphysics of all-unity", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (1), 86-94, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-9

Когда говорят о цельном знании, обычно, следуя Вл.С. Соловьеву, имеют в виду интеграцию науки, философии и богословия или опытного, теоретического и интуитивного знания в качестве органического, а значит необходимого, обусловленного внутренней закономерностью единства. Такое знание не может быть односторонним, отвлеченным или узко эмпирическим, ибо «должно отвечать всем потребностям человеческого духа, должно удовлетворять в своей сфере всем высшим стремлениям человека» (Соловьев, 1988: 229). В этой связи неизбежно встает вопрос о самой возможности подобного знания, о его антропологических границах и основаниях. Предпосылкой допущения такого рода познания видится представление о мироздании как едином целом, получившее теоретическую разработку в русской метафизике всеединства.

Исследователи отмечают внутреннюю неоднородность данного собрания идей. Например, С.С. Хоружий включил в него следующие направления мысли: идеи античного символизма; учение о Софии, Премудрости Божией; учение Николая Кузанского; монадологию Лейбница. В принципиальные рамки этих учений можно поместить «конкретный идеализм» С.Н. Трубецкого, «свободную теософию» Вл.С. Соловьева, «абсолютный реализм» С.Л. Франка и т.п. Метафизика всеединства, независимо от того, в какой форме она предстает перед нами – сугубо православной (Хомяков, Киреевский), пантеистической или социально-философской, – зачастую говорит о богочеловечестве (Соловьев), о симфонической личности (Карсавин), о моменте всеединства (Франк), тогда как вопрос о человеке как таковом (его сущности, способах и пределах познания) все еще сохраняет актуальность. В ограниченных рамках статьи, разумеется,

не ставится вопрос о разрешении этих проблем до конца, тем более что они уже существенно решены, но присутствуют в поле русской философской традиции как бы распыленно.

Начать, на наш взгляд, следует именно с метафизики, поиска оснований бытия мира, поскольку русская метафизика онтологична, то есть мир человека не определяется познавательной способностью, а наоборот – действительность в ее глубочайшей основе предстает как источник познания и сознания. Своеобразие рецепции всеединства в русской философии может быть проиллюстрировано замечанием П.А. Флоренского: «Построение культуры определяется духовным законом, возведенным Самим Господом: "Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет". Сокровище – это духовная ценность, то, что признаем мы объективным смыслом и оправданием нашей жизни. Сердце на библейском языке означает средоточие всех наших духовных сил и способностей, узел, завязывающий нашу личность. Спаситель говорит, что наша личность, и, следовательно, все ее проявления, всецело определяется нашим сокровищем; так, наше познание определяется тем, что утверждается нами как Истина – вопреки средоточной кантовской философии нового времени, по которой не Истина определяет наше сознание, а сознание определяет Истину» (Флоренский, 1996: 549). Человек в рамках данной традиции (само)определяется через свой ценностно-духовный центр, который, по-видимому, и служит отправной точкой или опорой познания.

Также для русского типа философствования характерно недоверие к отвлеченному спекулятивному мышлению и специфическая антропологическая установка, именуемая «кордоцентризмом», – традиция объяснять поступки, морально-волевые и познавательные акты

человека не разумом, а упомянутым «сердцем» – средоточием интеллектуальных и чувственных сторон личности. Тем не менее русская религиозно-философская мысль в теснейшей связи с немецкой классической мыслью освоила концептуальный аппарат, призванный объяснить основания тех когнитивных процессов, которые обуславливают императивы и гипотетические итоги концепции «цельного знания».

Здесь необходимо упомянуть о соборности, одной из определяющих концепций русской метафизики. Согласно А.С. Хомякову, соборность «выражает идею единства во множестве» а «именно тождество единства и свободы, проявляемое в законе духовной любви» (Хомяков, 1867: 281). В онтологическом аспекте принцип соборности, как он изложен у А.С. Хомякова, относится исключительно к церкви, но не к миру, как «единство по благодати Божией, а не по человеческому установлению» (Хомяков, 1867: 217). Но все же Хомяков высказывает мысль, весьма плодотворную и философски. Условием постижения религиозных истин, по убеждению А.С. Хомякова, является единение с церковью на основе духовной любви, так как полнота истины принадлежит *всей церкви в целом*: «...неведение есть неизбежный удел каждого лица в отдельности, так же как грех»; «...полнота разума, равно как и беспорочная святость, принадлежат лишь единству всех членов Церкви» (Хомяков, 1853). Методологически идея такого «соборного сознания» представляется адекватным исходным пунктом везде, где ставится цель избежать крайностей индивидуального эмпиризма (а значит и фрагментарности) и абстрактной всеобщности в процессе познания.

В гносеологическом аспекте для русской религиозной философии XIX – начала XX веков характерно стремление к целостному познанию, которое должно опираться не только на интеллект, но и на эмоциональные, моральные, религиозные, эстетические и прочие аспекты духовной

жизни человека. В этой связи можно выделить два основных неразрывно связанных, но весьма различных направления религиозно-философского мышления, одно из которых, восходящее к А.С. Хомякову и ранним славянофилам, может быть названо «философией соборности», а второе, которое связывают с наследием Л.П. Карсавина, Вл.С. Соловьева, С.Н. Трубецкого, С.Л. Франка и других, можно обозначить как традицию «философии всеединства». Характерной чертой метафизики соборности/всеединства является деконструкция мифологемы «абстрактного (т.е. отдельного) индивида» как субъекта познания. От количества и качества взаимоотношений человека зависят во многом и особенности индивидуальности, и условия формирования личности, как сознательный и творческий процесс саморазвития. Предоставленный самому себе, биологический индивид был бы неспособен сформулировать какие бы то ни было суждения по любому поводу, по причине отсутствия инструментария – понятийного аппарата, языка в целом, опыта коммуникации и всякого культурного контекста.

Данный принцип в русской философии получил свое развитие в рамках метафизики всеединства. Главное различие этих направлений (метафизик соборности и всеединства) кроется в отношении к тому, что религиозная традиция именует благодатью. Как отмечал С.С. Хоружий, «благодать - это не один из атрибутов, но самый источник соборности, а в терминах философских - ее онтологическая предпосылка и конститутивный принцип... Будучи взяты в чисто структурном отношении, оба принципа оказываются попросту тождественны... И, следовательно, в своем философском содержании тема соборности выступает как одна из тем или линий в составе метафизики всеединства. Однако она занимает здесь особое положение, выделяясь и по своим истокам, и по сути

идей» (Хоружий, 1994). Однако тот же автор отмечает и универсальность концепции всеединства: «если назвать лишь главные ее линии, она определяет онтологию, задает принципы теории цельного знания, связуется с методом критики отвлеченных начал и служит методологическим принципом, который доставляет как способ создания понятий, так и способ композиции, объединения всех разделов философской системы» (Хоружий, 2001).

Согласно И.В. Киреевскому, «в том-то и заключается главное отличие православного мышления, что оно ищет не отдельные понятия устроить сообразно требованиям веры, но самый разум поднять выше своего обыкновенного уровня... Первое условие для такого возвышения разума заключается в том, чтобы он стремился собрать в одну неделимую цельность все свои отдельные силы, которые в обыкновенном положении человека находятся в состоянии разрозненности и противоречия; чтобы он не признавал своей отвлеченной логической способности за единственный орган разума истины... но чтобы постоянно искал в глубине души того внутреннего корня разума, где все отдельные силы сливаются в одно живое и цельное зрение ума» (Киреевский, 1979: 318). Таким образом, когда достижение истины требует собрать все способности личности в одно целое, вопрос о границах и методах познания становится, по сути, вопросом о границах и способах человеческого бытия.

На наш взгляд, между метафизическим концептом всеединства и теорией «цельного знания» можно органично расположить «теорию среднего уровня» – учение о *соборной природе сознания*, раскрывающую антропологические основы познания в рамках некоторых форм учения о всеединстве.

Имплицитно идея соборного сознания присутствует у Вл.С. Соловьева, но основательно развивается его

последователем С.Н. Трубецким. Так, обосновывая идею человечества как единого субъекта развития, а значит и познания, Соловьев утверждал, что «всякое существо и всякий организм имеет необходимо собирательный характер, и разница только в степени; безусловно же простого организма, очевидно, быть не может... Если же мы станем на объективную точку зрения, то должны будем признать, что как собирательный характер человеческого организма не препятствует человеку быть действительным индивидуальным существом, так точно и собирательный характер всего человечества не препятствует ему быть столь же действительным индивидуальным существом. И в этом смысле мы признаем человечество как настоящий органический субъект исторического развития» (Соловьев, 1988: 512). Хотя сам Соловьев, рассуждая о цельном знании, избегает использования слова «соборность»¹, универсализируя, рационализируя индивидуально-личностные начала человеческой жизни и, по сути, оставаясь в рамках тех самых «отвлеченных начал», с программой преодоления которых сам же выступал.

С.Н. Трубецкой, в свою очередь, акцентирует внимание на отличии личностного бытия от рода с одной стороны, и его частного случая, индивида, – с другой. Что же прежде, вопрошает он, «род или индивид – в природе вещей, в сознании человека, в его личной и общественной жизни? В действительности нет ни рода без индивида, ни индивида без родовых свойств. Абстрактный род есть отвлеченное понятие; абстрактный индивид – атом, который может быть только мыслим посредством умственного отвлечения всяких родовых свойств: такой атом не может существовать в

¹ В его «Философских началах цельного знания» (издание 1988 г.) термин не встречается.

действительности, ибо самое существование есть уже *общий* признак, не говоря о других общих признаках, которыми его невольно наделяет наша мысль» (Трубецкой, 1994: 486). Подобным образом и сознание не принадлежит отдельному индивиду, не есть его функция. К сфере объективной реальности, до которой не в состоянии самостоятельно дойти индивид, мыслитель относил язык (как аппарат мышления), опыт и умозрение, которые связаны с реальными фактами, имеющими общие свойства и значение, а также все «что мы вместе со всеми принимаем на веру, предполагая опыт и убеждение всех» (Трубецкой, 1994: 494).

Сознание, по С.Н. Трубецкому, есть до- и сверхиндивидуальный процесс, «атавический, наследственный». Насколько ценна эта мысль в отношении вопроса о возможности «цельного знания», которое, очевидно, не есть набор индивидуальных мифов и галлюцинаций, знания, которое как содержание или часть процесса сознания, должно соотноситься с процессами и содержаниями других сознаний диахронически и синхронически?

«Я» и сознание для Трубецкого не одно и то же. Он говорит о «психической наследственности» – родовой памяти, продолжении «предшествовавшего сознания одних индивидуальностей в настоящем сознании других» (Трубецкой, 1994: 569). Но и сознание, и познание не является и только коллективным, обезличенным феноменом. Сознание сродни «внутреннему диалогу», оно «обще всем нам, и то, что я познаю им и в нем объективно, т. е. всеобщим образом, то я признаю истинным – от всех и за всех, не для себя только. Фактически я по поводу всего держу внутри себя собор со всеми. И только то для меня истинно, достоверно всеобщим и безусловным образом, что должно быть таковым для всех» (Трубецкой, 1994: 495). Сама возможность ошибки означает, что «каждый может меня обличить, доказать мне мое заблуждение на основании обще-

признанного, – того, что все внутри меня признают...» (Трубецкой, 1994: 496).

По-видимому, о цельном знании как органическом единстве позитивного, отвлеченного (рационального) и мистического познаний, уместно говорить только в указанном смысле трансперсонального познавательного процесса. Трубецкой утверждал, что индивидуальное сознание необъяснимо из самого себя, поскольку личностное ограниченное сознание предполагает всеобщее, хотя и не сводится к нему. Сознание не есть «мое личное отправление только, но... коллективная функция человеческого рода. Я думаю также, – отмечал мыслитель, – что человеческое сознание не есть только отвлеченный термин для обозначения многих индивидуальных сознаний, но что это живой и конкретный универсальный процесс» (Трубецкой, 1994: 494).

Под личностью С.Н. Трубецкой разумел, *во-первых*, индивидуальность каждого человека, как она представляется нам в опыте – со всеми своими характерными особенностями; *во-вторых*, эту индивидуальность, видимую изнутри посредством самосознания; *в-третьих*, «я» как самоидентифицирующийся субъект сознания, обеспечивающий единство сознания; *в-четвертых*, душу как невидимый субъект воли и мысли, а также «способностей и деятельностей, который проявляется эмпирически во внешнем и нравственном облике каждого человека» (Трубецкой, 1994: 574).

Согласно С.Н. Трубецкому, познание объективной реальности невозможно свести к одним ощущениям и понятиям, поскольку «Наше сознание обусловлено внутренним соотношением вещей, в основании которого лежит внутреннее всеединство Сущего» (Лапшин, 1901: 921). Таким образом императив «цельного знания» как понимания места явления в мироздании как всеединстве требует интегративного участия всех сторон

личности как органического целого, укорененного в единстве бытия.

Данный подход отнюдь не ведет к простой редукции всего индивидуального к социальному и природному в процессе познания. Так, согласно Н.О. Лосскому, «Трубецкой утверждал, что духовный рост личности влечет за собой рост знания безвременности абстрактных идеальных принципов и возрастающей веры в личное бессмертие субъекта как носителя этих принципов. Все это возможно благодаря развитию интуиции, в которой и через которую мы познаем не только отдельные функции, но и целостное неделимое бытие человека как индивидуума абсолютной ценности... Эта вера находит себе высшее оправдание на основе христианской религии, которая учит нас видеть в ближних "образ Христа"» (Лосский, 2007: 200-201).

Познание целостного бытия, в понимании С.Л. Франка, также возможно благодаря интуиции. Знание, отмечает он, «не воспроизводит, в смысле простого повторения, содержание самого предмета, но и не может черпать свое содержание из самого себя каким-то чудесным самозарождением: оно лишь перелагает на свой язык, выражает в форме понятий и их связей то, что непосредственно ему дано в металогической форме целостного единства, т. е. в форме конкретного всеединства» (Франк, 1915). В своей конкретности и единстве реальность, согласно Франку, остается непостижимой для дискурсивного знания, но не в смысле полной недоступности для познания вообще. Отчасти она доступна для созерцательно-интуитивного познания как «зримая тайна». Конечная реальность целого (Франк называет его «трансдефинитным»²), хотя и может быть целью нашего познания, но лишь в качестве путеводной

звезды: «оно никогда не может быть само уловлено в итоге этого познания» (Франк, 1990: 235). Задача исследователя в этой связи – «пополнять, исправлять, усложнять систему наших понятий, посылно выправлять и выгибать ее посредством поправок, чтобы приспособить, приладить отвлеченные связи к конкретности трансдефинитного» (Франк, 1990: 235). С.Л. Франк объясняет сущность интуитивного познания тем, что индивидуально-личностное существование «коренится в абсолюте как "всеединстве", вследствие которого каждый объект еще до всякого познания его находится в непосредственном контакте с нами» (Лосский, 2007: 352), по причине того, что «мы слиты с ним не через посредство сознания, а в самом нашем бытии» (Франк, 1915).

Познание интуитивного характера, как полагал С.Л. Франк, относится к сфере «единства или совпадения противоположного» (*coincidentia oppositorum*) или, скорее, в нем не существует никаких противоположностей, так что «закон противоречия не нарушается здесь, но просто неприменим сюда» (Франк, 1915). Из этого единства дифференцируются определенности, и поэтому логическое познание возможно лишь на основе другого, металогического познания, на основе «интуиции целостного бытия» (там же). Таким образом, эпистемологические истоки обеих установок (большей по объему – всеединства и меньшей – соборности) сначала представляются весьма различными, прежде всего, по источнику: в первом случае (следуя Хомякову) – это, очевидно, откровение, а во втором – интуиция. Но по цели они (как и структурно) совпадают: результатом должно стать «цельное знание» – объемный, разносторонний взгляд на извечный объект устремлений философов и богословов – истину.

Органические (то есть соборные, в контексте вышесказанного) предпосылки возможности цельного знания констатирует Вл.С. Соловьев: «субъектом

² Трансдефинитное, согласно С.Л. Франку, есть нечто, до конца не совпадающее с комплексом своих определенностей. Сущность же определенности – раздельность, то есть бытие в форме части объемлющего целого.

развития не может быть безусловно простая и единичная субстанция... Но подлежать развитию, с другой стороны, не может и механический агрегат элементов или частей: изменения, происходящие с гранитною скалой или с кучей песка, не называются развитием. Если же подлежащим развитию не может быть ни безусловно простая субстанция, ни механическое внешнее соединение элементов, то им может быть только единое существо, содержащее в себе множественность элементов, внутренне между собою связанных, то есть живой организм» (Соловьев, 1988: 141).

Можно утверждать, что интуиция мира как всеединства, эпистемологическая стратегия цельного знания неотделимы от представления о человеке как единстве материальных, душевных и духовных начал. Речь идет, разумеется, не о слиянии «субстанций», а о взаимодействии «энергий», конкретном неразложимом синергичном единстве – личности. «Православно-христианская антропология, основанная на святоотеческом Предании и противостоящая односторонним концепциям натурализма и спиритуализма, рассматривает человека как целостно-иерархическое существо. Целостность – обязательное условие адекватного восприятия действительности, физического и психического здоровья, в конечном счете – спасения» (Алехина, 2018: 106-107).

Цельное знание нельзя помыслить как индивидуальное, поскольку оно выходит за пределы отдельной индивидуальной жизни, но оно не может быть и всеобщим, безличностным, поскольку оно конкретно, оценочно и предметно. И поскольку всеобщее являет себя в конкретном, отдельном, соборное сознание являет себя контекстуально, имманентно, будучи, в то же время, трансцендентальным основанием познания. «Органом» этого рода обнаружения и познания может вполне быть названо «сердце». То, что истина познается не только разумом, так как ее нахождение

связано с нравственными и религиозными устремлениями человека, признавал и отстаивал учитель и предшественник Вл.С. Соловьева П.Д. Юркевич. Без любви, утверждал он, невозможно богопознание: «Бог есть любовь» (1 Ин. 4: 7-8); без любви к истине не может быть ни философии, ни вообще науки. В области морали мыслитель признает первоочередное значение не рассудочных, но глубинных сердечных намерений человека: «в сердце зачинается и рождается решимость человека на те или другие поступки; в нем возникают многообразные преднамерения и желания; оно есть седалище воли» (Юркевич, 1990).

Таким образом, антропологическими основаниями императива и возможности цельного знания, как единства позитивного (эмпирического), дискурсивного (спекулятивного) и интуитивного знания, представляется, во-первых, идея целостного человека как иерархического, органического телесно-душевно-духовного единства; во вторых, идея «соборности» сознания – трансперсональной совокупности познавательных способностей человека; в третьих – кордоцентрическая ориентация познания, требующая интеграции эмоционально-оценочного, интуитивного, предискурсивного суждения (веры) в познавательный процесс, как минимум, в качестве предпосылки.

Цельное знание, в связи с вышесказанным, как содержание предполагает форму – аксиологически наполненное соборное сознание (как противоположность ментального атомизма и коллективизма). В качестве цели оно требует средства – науки, где человек будет не только получателем предполагаемых частных выгод (знание – сила), а будет включен в систему наук как их основная цель и связующее звено. Этот императив гуманизации науки, вполне актуальный и в наши дни, органически следует из мирозерцания русских мыслителей – Вл.С. Соловьева, Н.Н. Страхова, Н.Ф. Федорова, и других.

Литература

Алехина, Е.В., Копосов, Л.Ф. Личность и природа человека в православной антропологии // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 2. С. 97-109.

Киреевский, И.В. Критика и эстетика / сост., вступ. статья и примеч. Ю.В. Манна. М.: Искусство, 1979. 439 с.

Лапшин, И.И. Трубецкой (князь Сергей Николаевич) // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XXXIIIa. СПб., 1901. С. 919-921.

Лосский, Н.О. История русской философии М.: Академический проект, 2007. 551 с.

Соловьев, В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2 / общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева; Примеч. С.Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. 822 с.

Трубецкой, С.Н. Сочинения / сост., ред. и вступ. статья П.П. Гайденко; Примеч. П.П. Гайденко, Д.Е. Афиногенова. М.: Мысль, 1994. 816 с.

Флоренский, П.А. Записка о христианстве и культуре // Свящ. Павел Флоренский. Сочинения: в 4 т. / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 547-559.

Франк, С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С.Л. Сочинения / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Ю.П. Сенокосова. М.: Изд-во «Правда», 1990. С. 183-603.

Франк, С.Л. Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания (1915) [Электронный ресурс] URL: <https://azbyka.ru/otechnik/books/download/11775-Предмет-знания.pdf> (дата обращения: 01.08.2020).

Хомяков, А.С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси, 1853 [Электронный ресурс] URL: <http://www.vehi.net/khomyakov/katolichestvo.html> (дата обращения: 01.08.2020).

Хомяков, А.С. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова в 4 т. Т. 2. Сочинения богословские / Под ред. Ю. Самарина. Прага: в тип. д-ра Ф. Скрейшовского, 1867. XLI, 407 с.

Хоружий, С.С. Наследие Владимира Соловьева сто лет спустя, 2001 [Электронный ресурс] URL:

<http://www.vehi.net/soloviev/horuzhy.html> (дата обращения: 01.08.2020).

Хоружий, С.С. Хомяков и принцип соборности // С.С. Хоружий. После перерыва: пути русской философии, 1994 [Электронный ресурс] URL: http://synergia-isa.ru/lib/download/lib/posle_pereryva_p1/Horuzhy_Posle_Pereryva_p1_01.doc (дата обращения: 01.08.2020).

Юркевич, П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению Слова Божия // Юркевич П.Д. Философские произведения. М.: Правда, 1990, с. 69-103 [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pamfil_Yurkevich/serdtse-i-ego-znachenie-v-duhovnoj-zhizni-cheloveka-po-ucheniyu-slova-bozhija/ (дата обращения: 25.04.2020).

References

Aliokhina, E. V., Kuposov, L. F. (2018), "Personality and human nature in Orthodox anthropology", *Liberal Arts in Russia*, 7 (2), 97-109 (in Russ.).

Florenskiy, P. A. (1996), "Note on Christianity and culture", *Sochineniya: v chetyrekh tomakh* [Works: in 4 vol.], in hegumen Andronik (Trubachev, A.S.), Florenskiy, P.V. (ed.), Vol. 2, *Mysl'*, Moscow, Russia, 547-559 (in Russ.).

Frank, S. L. (1915), *Predmet znaniya. Ob osnovakh i predelakh otvlechenogo znaniya* [The subject of knowledge. On the basics and limits of abstract knowledge], [Online] URL: <https://azbyka.ru/otechnik/books/download/11775-Предмет-знания.pdf> (Accessed: 01 August 2020) (in Russ.).

Frank, S. L. (1990), "Incomprehensible. An ontological introduction to the philosophy of religion", *Sochineniya* [Works], Pravda, Moscow, Russia, 183-603 (in Russ.).

Khomyakov, A. S. (1867), *Polnoe sobranie sochineniy Aleksey Stepanovicha Khomyakova (v chetyrekh tomakh, tom 2)* [Complete works of Alexei Stepanovich Khomyakov (in 2 vol. V. 2)], in Samarin, Yu. (ed.), Publishing House of F. Skreyshevskiy, Prague (in Russ.).

Khomyakov, A. S. *Neskol'ko slov pravoslavnogo khristianina o zapadnykh veroisповедaniyakh Po povodu broshury g. Loransi* [A Few words of an Orthodox Christian about Western faiths. About Mr. Laurency's pamphlet] [Online] URL: <http://www.vehi.net/khomyakov/katolichestvo.html> (Accessed: 01 August 2020) (in Russ.).

Khoruzhiy, S. S. (2000), *Nasledie Vladimira Solovieva sto let spustya* [Vladimir Solovyov's legacy one hundred years later] [Online] URL: <http://www.vehi.net/soloviev/horuzhy.html> (Accessed: 01 August 2020) (in Russ.).

Khoruzhiy, S. S. (2015), "Khomyakov and the principle of catholicity", *Posle pereryva: puti russkoy filosofii* [After the break: the ways of Russian philosophy], [Online] URL: http://synergia-isa.ru/lib/download/lib/posle_pereryva_p1/Horuzhy_Posle_Pereryva_p1_01.doc (Accessed: 01 August 2020) (in Russ.).

Kireevskiy, I. V. (1979), *Kritika I estetika* [Criticism and aesthetics], in Mann, Yu.V. (ed), Iskustvo Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Lapshin, I. I. (1901), "Trubetskoy (Prince Sergei Nikolaevich)" *Encyclopedic Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron*, vol. XXXIIIa. Saint Petersburg, Russia, 919-921 (in Russ.).

Losskiy, N. O. (2007), *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy], Akademicheskii proekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Solovyov, V. S. (1988), *Sochineniya v 2 tomakh* [Works in 2 vols], Vol. 2, in Gulyga, A.V., Losev, A.F. (ed.), Misl' Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Trubetskoy, S. N. (1994), *Sochineniya* [Works], in Gaydenko, P.P. (ed.), Misl' Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Yurkevich, P. D. (1990) *The heart and its meaning in the spiritual life of a person, according to the teachings of the Word of God* [Online] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pamfil_Yurkevich/serdtse-i-ego-znachenie-v-duhovnoj-zhizni-cheloveka-po-ucheniyu-slova-bozhija/ (Accessed: 01 August 2020) (in Russ.).

Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на международной научной конференции – IX чтениях памяти Н.Н. Стрехова «Интеллектуальная история России XIX– начала XX вв.: линии преемственности и разрывы» (17–19 декабря 2020 г.)

The article is based on the report read at the International Scientific Conference – IX Readings in Memory of N.N. Strakhov "Intellectual History of Russia in the 19th – early 20th centuries: lines of succession and breaks" (December 17–19, 2020).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Масалов Алексей Геннадиевич, кандидат философских наук, заведующий отделом редких книг Научной библиотеки им. Н. Н. Стрехова, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; masalov@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Alexei G. Masalov, PhD in Philosophical Sciences, Head of the Department of Rare Books of the Nikolai Strakhov Scientific Library, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; masalov@bsu.edu.ru

АРХИВ
ARCHIVE

УДК 7.07

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-10

Подледнов Д. Д.¹,
Казанцева Е. Д.²

Художественное осмысление темы политических репрессий
на примере творчества Рудольфа Веденеева 1970–1990-х гг.

¹Национальный исследовательский университет, Высшая школа экономики,
ул. Студенческая, д. 38, г. Пермь, 614070, Россия; denis.podliodnov@gmail.com
²Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36»,
ул. Бульвар Гагарина, д. 10, г. Пермь, 614990, Россия; helenakazantseva@mail.ru

Аннотация. Искусство репрессированных – относительно новое и мало изученное понятие в научном дискурсе, содержательно отсылающее к истории России XX века. В статье предпринята попытка проанализировать с помощью формально-стилистического и семиотического методов творчество пермского художника, скульптора, правозащитника Рудольфа Веденеева (1939–2018). Художник, осужденный по ст. 190 п. 1 УК РСФСР, отбывал наказание в исправительно-трудовом лагере в течение трех лет. Оказавшись на свободе, художник посвятил значительную часть своего творчества рефлексии о периоде политических репрессий, переломном этапе своей жизни, отражению внутреннего состояния человека в условиях несвободы.

Ключевые слова: Рудольф Веденеев; живопись; скульптура; искусство XX века; политические репрессии; ГУЛАГ; искусство репрессированных; искусство заключенных

Для цитирования: Подледнов Д. Д., Казанцева Е. Д. Художественное осмысление темы политических репрессий на примере творчества Рудольфа Веденеева 1970–1990-х гг. // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 1. С. 95-110. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-10

D. D. Podlednov¹,
E. D. Kazantseva²

Artistic understanding of the theme of political repression
in the works of Rudolf Vedeneev in 1970s-1990s.

¹Higher School of Economics University, 38 Studencheskaya St., Perm, 614070, Russia;
denis.podliodnov@gmail.com

²Memorial Reserve Museum of the History of Political Repression "Perm-36", 10 Gagarina Blvd.,
Perm, 614990, Russia; helenakazantseva@mail.ru

Abstract. The art of the repressed is a relatively new and little-studied concept in scientific discourse, meaningfully referring to the history of Russia in the 20th century. The article analyzes the work of the Perm artist, sculptor, human rights activist

Rudolf Vedeneev (1939-2018) with the help of formal-stylistic and semiotic methods. The artist, convicted under Article 190.1 of the Criminal Code of the RSFSR, served his sentence in a corrective labor camp for three years. After being released the artist devoted a significant part of his work to reflection on the period of political repression, a turning point in his life, to reflecting the inner state of a person in conditions of lack of freedom.

Keywords: Rudolf Vedeneev; painting; sculpture; 20th century art; political repression; GULAG; art of the repressed; art of prisoners

For citation: Podlednov D. D., Kazantseva E. D. (2021), "Artistic understanding of the theme of political repression in the works of Rudolf Vedeneev in 1970s-1990s.", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (1), 95-110, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-10

Искусство репрессированных – это вынужденное и неофициальное течение советского искусства, отражающее специфические аспекты культурно-исторического процесса СССР 1930–80-х годов. В научном дискурсе на современном этапе представлены исследования, раскрывающие специфику лагерных театров (Крыловская, 2019) и литературы ГУЛАГа (Тищенко, 2012, 2013), однако живопись и графика художников-заклученных изучены пока крайне мало (Подледнов, Казанцева, 2020; Еремина, Конечна, Новицкая, 1997).

Историю искусства репрессированных можно разделить как минимум на три этапа: 1) 1920–30-е гг. – период до создания системы ГУЛАГа; 2) 1930–50-е гг. – искусство ГУЛАГа; 3) 1960–80-е гг. – искусство, которое существовало в политических лагерях. Искусство, созданное художниками-заклученными, находится в довольно жестких рамках, так как, во-первых, чаще всего сюжеты и темы строго связаны с лагерной повседневностью: это бытовые сцены, портреты сокамерников, охраны; во-вторых, возможности использования различных художественных материалов в условиях лагеря крайне ограничены: графитный карандаш и бумага; в-третьих, на период отбывания наказания художник полностью «выпадал» из актуального художественного процесса.

Художественное творчество репрессированных представлено изобразительным искусством (скульптура, графика и живопись) и декоративно-прикладным искусством (вязание, вышивание, шкатулки, портсигары, спичечницы, очечники и т. д., выполненные заключенными из дерева и металла). Лагерное искусство напрямую зависит от особенностей лагерной жизни: «Зародившись вместе с советскими тюрьмами и лагерями, оно несло на себе печать времени, а также зависимость более конкретную – от типа ИТЛ [исправительно-трудового лагеря. – Д.П., Е.К.], от нрава начальства, высшего или вохры [вооруженная охрана. – Д.П., Е.К.]» (Еремина, Конечна, Новицкая, 1997: 13). В контекст искусства репрессированных можно включить творчество таких художников, как Г.К. Вагнер, Л.Е. Кропивницкий, Б.Ш. Мкртчян, Л.И. Покровская, К.П. Ротов, М.З. Рудаков, Б.П. Свешников, Т.И. Сговио, Е.П. Левина-Розенгольц, Е.И. Ухналёв и многие другие.

Необходимо четко разграничить искусство репрессированных художников по периоду создания произведений: существовали художники-заклученные, кто имел возможность заниматься творчеством, находясь в заключении в исправительно-трудовых лагерях, и те, кто посвятил данной теме период своего послелагерного творчества. Ко второй категории относится и Рудольф Веденеев, считавший

сохранение памяти о несправедливо осужденных делом своей жизни. В интервью он говорил: «Я вижу в этом свой долг художника, я знаю эту проблему изнутри и хочу воздать память всем жертвам тоталитаризма» (Веденеев, 1996).

Несомненно, что жизнь репрессированного человека в период ареста и заключения навсегда делилась на «до» и «после», а возвращение в привычную жизнь и процесс реабилитации были трудны не только с юридической, но и с психологической точки зрения: «Пережитое в лагере, а также то, что еще предстояло пережить, пребывая в униженном положении бывшего лагерника, равно затрудняло процесс возвращения в общество: физически и психологически изломанному, ему предстояло сделать попытку вернуться в мир, который за время его отсутствия претерпел глубокие изменения» (Адлер, 2005: 145). Обращение к искусству, как в период заключения, так и после него, помогало творческому человеку (художнику, писателю и др.) «спасти разум и душу от убийственного воздействия лагеря» (Адлер, 2005: 154). Таким образом, к искусству репрессированных можно отнести не только те художественные работы, которые были созданы в период заключения, но и те произведения, которые выполнены репрессированными художниками после их освобождения.

Нами был изучен жизненный путь скульптора, художника и правозащитника Рудольфа Борисовича Веденева (1939–2018), который в 1970 году был арестован и осужден по статье 190 п. 1 УК РСФСР к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере строгого режима (Шевырин, 2012: 13). Также с помощью формально-стилистического и семиотического методов проанализировано творчество художника (1970–1990-е гг.). Значительную часть наследия Веденева составляют произведения, так или иначе отражающие «лагерную» тему, повествующие о несвободе и сопротивлении ей человека. Также принята попытка не только проанализиро-

вать творчество художника, но и понять, почему, в отличие от других деятелей искусства, которые подвергались политическим репрессиям со стороны государства, Рудольф Веденеев до конца своей жизни обращается к лагерной тематике, транслируя в своем творчестве соответствующие нарративы.

Рудольф Веденеев родился в Перми в 1939 году. Его отец погиб на фронте, когда мальчику было три года, репрессирован был дядя будущего художника, брат его отца. К своему призванию Рудольф Веденеев пришел уже в зрелом возрасте, а после окончания школы в 1956 г. работал на производстве. В 1967 г. он поступил на заочное отделение исторического факультета Пермского университета.

В конце шестидесятых Рудольф Веденеев начал заниматься в вечерней художественной школе для взрослых (сейчас – Пермское художественное училище). С 1968 г. Рудольф Веденеев пробовал себя в качестве скульптора; перешел на работу в мастерские Художественного фонда (при Союзе художников). Летом 1970 г. Рудольфу Веденею доверили оформление дворца культуры в поселке Уральский (Пермский край). Но мирное течение его жизни резко прерывается: 11 сентября 1970 г. Рудольф Веденеев был арестован за чтение и хранение самиздата. Позже он вспоминал: «Я уже перешел на работу в Художественный фонд Перми и целое лето в 1970 г. работал над оформлением дворца культуры в поселке Уральский. Все лето сидел без денег. 11 сентября, в день рождения сына Артема, я получил деньги за лето и решил пригласить друзей на день рождения. За два, три часа до того, как собрались друзья, я шел около “художки”, художественной школы, меня окликнул мягкий голос: “Рудик!”. Оборачиваюсь – открыта черная “Волга”, через секунду я оказался в ней, через пять минут – в ГБ» (Веденеев, 1996).

В январе-феврале 1971 г. дело рассматривалось в Пермском областном суде. Рудольф Веденеев отказался от адвоката и

защищал себя сам. Суд вынес приговор: три года исправительно-трудовых лагерей строгого режима. До октября 1972 г. Веденеев находился в тюрьме, затем отбывал наказание, работая на лесоповале и погрузке вагонов в городе Кизел (Пермский край).

Находясь в заключении, Рудольф Веденеев создал карандашные зарисовки, несколько из которых сохранились до наших дней. Рассмотрим одну из работ, созданных Веденеевым во время отбывания срока в тюрьме, сейчас эта работа принадлежит коллекции Музея-заповедника «Пермь-36» (рис. 1). Проанализировав визуальную составляющую, можно отметить, что художник изображает героя крайне

схематично. Его художественный язык очень минималистичен: он изображает сидящего мужчину довольно плоско, не соблюдая реалистичные анатомические пропорции, отсутствуют перспективное решение и светотеневые границы. Все это придает рисунку карикатурность. По внешнему виду героя можно предположить, что Рудольф Веденеев изображает заключенного: человек побрит наголо, одет в простую белую рубашку. По его рукам и шее видно, что он привык к тяжелому физическому труду – что соотносится с биографией самого художника, который работал на лесоповале. В 1972 г. Рудольф Веденеев выходит на свободу по амнистии в связи с 50-летием Советского Союза.

Рис. 1. Р.Б. Веденеев. Без названия. Бумага, карандаш. 1970-е гг.

Из коллекции Музея-заповедника «Пермь-36»

Fig. 1. R.B. Vedeneev. Untitled. Pencil on paper. 1970s.

From the collection of The Reserve Museum "Perm-36"

После освобождения, в середине 1970-х гг., Рудольф Веденеев учится на художественно-графическом факультете Нижнетагильского педагогического института, по окончании которого активно участвует в региональных выставках. Первым из скульпторов Перми он начал создавать работы методом бронзового литья, в 1982 г. вступил в Союз художников СССР. В годы «перестройки» он работал над проектом «Свет несущая...», посвященным увековечению памяти заключенных – строителей Камской ГЭС.

Рудольфу Веденееву приходят заказы монументов для Колымы и Чукотки – регионов, история которых неразрывно связана с репрессиями. В начале 1990-х художник стал участником первых конфе-

ренций общества «Мемориал», создал серию скульптурных портретов бывших политических заключенных (например, писателей Александра Солженицына и Варлама Шаламова). В постсоветское время деятельность Рудольфа Веденеева разворачивается еще шире, он участвует в экспедициях на Чукотку, после чего создает цикл картин «Урановые зоны Чукотки» (1990-е гг.), участвует уже во всероссийских и международных выставках, в 1992–1996 гг. возглавляет Пермское областное отделение Союза художников.

В 1993 г. Рудольф Веденеев был реабилитирован, и в том же году в Перми появился стальной монумент «Гильотина XX века» (рис. 2).

Рис. 2. Памятник «Гильотина XX века». Сталь, сварка. 4 м. х 1,5 м. х 1,2 м. 1993 г.
Fig. 2. Monument “Guillotine of the XX century”. Steel, welding. 4 m. x 1.5 m. x 1.2 m. 1993

Название памятника напрямую отсылает к механизму для исполнения смертной казни в XVII–XX вв.: высота памятни-

ка – 4 метра, и конструктивно он подобен гильотине. В центр композиции художник поместил пять ржавых лезвий от двуруч-

ных пил, которые обычно использовались на лесоповале. Таким образом, содержательно Рудольф Веденеев создает смысловую параллель между жертвами смертной казни в странах Европы и жертвами политических репрессий, погибших от тяжелых условий содержания, физических работ, голода и болезней в лесозаготовительных лагерях.

Так же в 1993 г. Рудольф Веденеев начинает работу над проектом монумента «Жертвоприношение» (рис. 3). Скульптур-

ная композиция, сваренная из стали, изображает двух людей – жертву и палача, соединенных воедино. Обе фигуры изображены образно, без акцентного изображения лица и тела, что типично для творчества Веденева. Главной особенностью композиции является положение фигур – оно напоминает позу Иисуса Христа на кресте. Распятые вместе, они являются символом одновременно скорби и покаяния.

Рис. 3. Скульптура «Жертвоприношение». Сталь, сварка. 1993. Из частной коллекции
Fig. 3. Sculpture “Sacrifice”. Steel, welding. 1993. From a private collection

В 1990-е годы художник начинает работу над живописными циклами, которые посвящены географическим местам нахождения политических лагерей: Чукотка, Магадан и Соловецкие острова.

Живописный цикл «Урановые зоны Чукотки» (1990-е гг.) был создан Рудольфом Веденеевым по впечатлениям от экспедиций. Картина «Память о Чукотке» (1990-е гг.) (рис. 4) выполнена маслом на

холсте. На картине изображена размытая, заброшенная дорога, столб (предположительно – заградительный, ранее обнесенный колючей проволокой), уходящие вдаль горы и темный силуэт здания. Силуэты туманны, изображение размыто, словно зритель смотрит на пейзаж с большого расстояния, что достигается благодаря отсутствию четких линий, плавным переходам из одного оттенка в другой, крупным

мазкам. Колористические решения скупы – фактически художник использует три холодных цвета: темно-серый, небесно-голубой и белый. Небо на картине изображено почти черным, низко нависающим, словно давящим на пейзаж, что усиливает ощущение трагизма, безысходности изображаемого. В 1951 г. на Чукотке был создан политический лагерь – Чаунлаг. Он действовал всего два года, с 1951 до 1953. Лагерь функционировал для разработки промышленного месторождения урана

(Ларьков, Романенко, 2010: 369–388; Смирнов, 1998). Именно здесь добывали сырье для первых советских атомных бомб. Урановые лагеря отличались особенно суровыми условиями: вечная мерзлота, северный климат и тяжесть работ дополнялись радиоактивным облучением. После приказа о закрытии разработок рудники были спешно оставлены. На месте бывших лагерей остались сложенные из камня бараки, здания обогатительной фабрики, остатки оборудования.

Рис. 4. Р.Б. Веденеев. Память о Чукотке. 1990-е гг. Холст, масло. Из частной коллекции
Fig. 4. R. B. Vedeneev. Memory of Chukotka. 1990s. Canvas, oil. From a private collection

«Обогатительная фабрика. Зона “Северная”» (1990-е гг.) (рис. 5): этот пейзаж написан в другой манере, нежели предыдущая картина. На переднем плане художник изображает саму фабрику, которая выполнена в красноватых оттенках. Используются пастельные оттенки голубого, ро-

зового цветов, благодаря светлым оттенкам общее настроение пейзажа не воспринимается как безысходное. Можно предположить, что изображенное на картине время суток – это рассвет. Художник также не использует четких линий.

Рис. 5. Р.Б. Веденеев. Обогащительная фабрика. Зона «Северная». 1990-е гг. Холст, масло.
Из частной коллекции
Fig. 5. R.B. Vedeneev. Enriching factory. Camp "Severnaya". 1990s. Canvas, oil.
From a private collection

Живописный цикл работ, посвященный Соловецким островам, выполнен в 1990-е годы. История островов связана с темой несвободы. Еще с XVI века здесь существовала монастырская тюрьма. В 1920-х годах на островах появился крупнейший в СССР исправительно-трудовой лагерь – Соловецкий лагерь особого назначения (сокращенно – «СЛОН»).

Анализируя картину «Часовня» (1990-е гг.) (рис. 6), можно отметить, что художник использует довольно приглушенные темно-зеленые оттенки. Только небо на дальнем плане изображается яр-

кими цветами, отблески которых «падают» на остров. Справа на холсте изображена часовня и хозяйственная или жилая постройка, по внешнему виду напоминающая барак. На дальнем плане изображен материк: издали он мал, но можно представить, насколько он мог быть когда-то значим для заключенных – как символ свободы, продолжающейся где-то за пределами острова жизни. Художник красочно изображает закат, который мог поддерживать эмоциональное состояние заключенного – давать надежду.

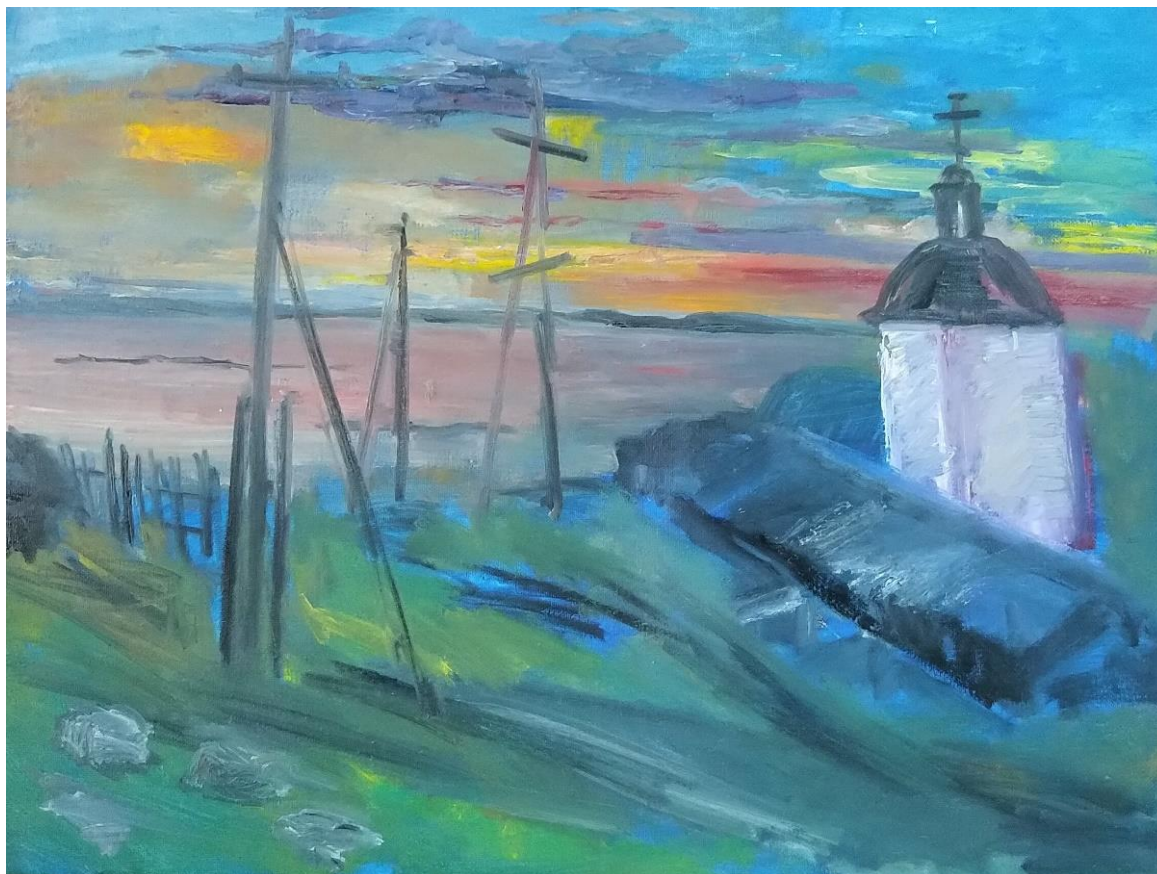

Рис. 6. Р.Б. Веденеев. Часовня. 1990-е гг. Холст, масло. Из частной коллекции
Fig. 6. R. B. Vedeneev. Chapel. 1990s. Canvas, oil. From a private collection

На картине «Соловки. Гора Секирная» (1990-е гг.) (рис. 7) изображен северный пейзаж с типичным для творчества Рудольфа Веденева повторяющимся символом – куполом храма. На Секирной горе расположен Вознесенский скит Соловецкого монастыря. Особенность этого храма в том, что на его вершине, над куполом, находится маяк. В период ГУЛАГа к храму примыкал деревянный двухэтажный корпус – штрафной изолятор, знаменитый особенно суровым режимом. Из отчета польской разведки «УСЛАГ. 1928–1932 гг.»: «Командировка Секирная гора – штрафной изолятор лагпункта № 2 (Савва-

тиево). На Секирной горе содержатся приговоренные к тяжелым работам. Например, заставляют носить воду десять раз в день по лестнице протяженностью около трехсот ступеней» (Бродский, 2003: 207). Д.С. Лихачев, отбывавший в 1930-е гг. наказание в Соловецком лагере особого назначения, писал: «В лагере ходили слухи, что с Секирной горы охранники спускали заключенных по этой лестнице, привязав к бревну – балану. Внизу уже был окровавленный труп, который и узнать было трудно. Там же, под горой, сразу и закапывали в яму» (цит. по: Бродский, 2003: 207).

Рис. 7. Р. Б. Веденеев. Соловки. Гора Секирная. 1990-е гг. Холст, масло.
Из коллекции Музея-заповедника «Пермь-36»

Fig. 7. R. B. Vedeneev. Solovki. The Sekirnaia mountain. 1990s.
Canvas, oil. From the collection of The Reserve Museum "Perm-36"

Еще одна серия картин, которая была создана Рудольфом Веденеевым в 1990-е годы, посвящена Магадану – портовому городу на берегу Охотского моря, и Магаданской области. В 1932 г. на этой территории был организован Северо-восточный исправительно-трудовой лагерь для обеспечения рабочей силой треста «Дальстрой» (Магадан), функционал которого заключался в сфере промышленного и дорожного строительства.

Картина «Стоял впереди Магадан – столица Колымского края. Нагаевская бух-

та» (1990) (рис. 8) выполнена маслом на холсте. Художник изображает поселение из деревянных построек и сопки, расположенные на берегах бухты. Название картины является цитатой из народной песни советского периода «Ванинский порт», также эта песня известна как гимн колымских заключенных, поскольку именно в поселке Ванино был пересадочный пункт для этапов заключенных, следовавших на Колыму.

Рис. 8. Р.Б. Веденеев. Стоял впереди Магадан – столица Колымского края. Нагаевская бухта. 1990-е гг. Холст, масло. Из коллекции Музея-заповедника «Пермь-36»
Fig. 8. R. B. Vedeneev. Magadan, the capital of the Kolyma Territory, was ahead of us. Nagayevskaya Bay. 1990s. Canvas, oil. From the collection of The Reserve Museum “Perm-36”

Также к этому циклу относится картина «Порт Марчекан»: художник в типичной для себя манере изображает суровый северный пейзаж, используя холодные тона, серо-синюю цветовую гамму.

Помимо серий, посвященных географии политических лагерей, художник в 1990-е годы создает работы, которые отражают внутреннее состояние заключенного.

Одна из самых значимых работ Рудольфа Веденеева – «Ангел этапа» (1990-е гг.) (рис. 9): изображен пеший этап из огромного количества узников лагерей, идущий откуда-то издали, гораздо дальше, чем линия горизонта. Над ними раскидывает крылья ангел, обращенный лицом к этапу. Изображение ангела приближено к каноническому изображению ангелов и святых в православной иконописи: той же формы крылья, нимб над головой, желтовато-охристое свечение. Однако в отличие от канона, ангел этапа обнажен, на нем нет привычного для иконописи хитона (что свойственно раннехристианской и православной традиции). Обнаженных ангелов можно встретить на полотнах западного искусства – в виде младенцев-херувимов,

но ангел этапа изображен взрослым. Стоит отметить, что изображение младенца вряд ли было бы уместно в картине со столь трагичной тематикой.

Узники лагерей написаны Рудольфом Веденеевым обезличено: зритель не может разглядеть их лиц, положений их тел, их пола, одежды – они все становятся единым серым потоком. Художник акцентирует, что в данной ситуации, в условиях репрессий, в тоталитарном режиме – личность каждого отдельного человека словно стирается, не ценится самое важное – жизнь и свобода отдельно взятого человека. Условия, в которых люди находились во время пересылок, были крайне тяжелыми: по воспоминаниям, заключенных ГУЛАГа перевозили в так называемых «столыпинских» вагонах – за решетками, зачастую в антисанитарных условиях, тесноте. Пешие этапы были тяжелы из-за больших расстояний, суровых погодных условий, недостатка подходящей одежды и обуви, голода и болезней. Многие заключенные болели и погибали, поэтому на картине ангел этапа выступает в качестве символа надежды на спасение для несправедливо осужденных.

Рис. 9. Р.Б. Веденеев. Ангел этапа. 1990-е гг. Холст, масло.

Из коллекции Музея-заповедника «Пермь-36»

Fig. 9. R. B. Vedeneev. The angel of convoyed convicts. 1990s.
Canvas, oil. From the collection of The Reserve Museum "Perm-36"

Тематически и стилистически перекликается с картиной «Ангел этапа» другая картина Рудольфа Веденеева – «Человек среди людей» (1990-е гг.) (рис. 10). Изображены силуэты людей, также неузнаваемые, обезличенные. Композиционный центр смещен вправо, присутствует горизонтальная ось симметрии. В центре располагается одиночный силуэт. Сюжет картины соотносится с известным феноменом «одиночество в толпе», когда человек окружен большим количеством людей, но при этом неизбежно чувствует себя одиноким. Это можно соотнести с темой политических репрессий следующим образом: человек в условиях заключения постоянно

находился среди людей – солагерников, случайных людей на этапах и пересылках, под постоянным контролем охраны – но при этом ощущал собственное одиночество из-за отрыва от привычного уклада жизни, семьи, друзей, а также невозможности как-либо изменить ситуацию. Также сказывался непривычный круг общения, что не могло не привести к культурному шоку; например, в условиях ГУЛАГа творческая и научная интеллигенция была вынуждена столкнуться с уголовными преступниками. Однако в некоторых воспоминаниях мы можем узнать о примерах необычной дружбы и взаимопомощи, завязавшейся в тюрьме или лагере.

Рис. 10. Р.Б. Веденеев. Человек среди людей. 1990-е гг. Холст, масло. Из частной коллекции
Fig. 10. R. B. Vedeneev. Man among people. 1990s. Canvas, oil. From a private collection

В картине «Придорожный крест. Если бы он заговорил?» (1993 г.) (рис. 11) Веденеев вновь использует узнаваемый религиозный символ – располагает на переднем плане крест. Крест композиционно занимает почти половину изображаемого пространства, вдали расположены жилые деревянные постройки, возможно заброшенные, поскольку художник никак не отображает присутствие здесь людей, и размытая узкая тропа. На фоне зданий придорожный крест выступает как напо-

минание о произошедших трагических событиях: возможно, через эти места проходил путь заключенных ГУЛАГа. Часть названия картины («... Если бы он заговорил?») говорит зрителю о том, что крест можно рассматривать как символ неverbальной коллективной памяти, объект, через который выражается мемориализация этого места. Ведь крест, если бы он заговорил, смог бы рассказать историю многих, кто подвергся репрессиям.

Рис. 11. Р.Б. Веденеев. Придорожный крест. Если бы он заговорил? 1990-е гг.

Холст, масло. Из коллекции Музея-заповедника «Пермь-36»

Fig. 11. R. B. Vedeneev. Roadside cross. If he spoke? 1990s. Canvas, oil.

From the collection of The Reserve Museum "Perm-36"

В 2000-е годы скульптор обращается к истории Пермского края: проектирует памятники великому князю Михаилу Александровичу, художнику Петру Субботину-Пермяку, поэтам Осипу Мандельштаму и Борису Пастернаку, писателю Варламу Шаламову. Трагические судьбы всех этих людей связаны с пермской землей. В марте 2018 г. Рудольф Веденеев принимает православное крещение под именем Родион, а 21 апреля уходит из жизни.

Таким образом, искусство репрессированных является неотъемлемой частью советского неофициального искусства, демонстрирующей «не парадную» действительность. Искусство репрессированных формируется и развивается под влиянием действующего политического режима.

Творчество пермского художника Рудольфа Веденева напрямую относится к искусству репрессированных, так как он сам был узником политического лагеря

Кизеллага. В 1990-е годы он посещает места, где когда-то располагались крупнейшие в СССР исправительно-трудовые лагеря: Соловки, Чукотстройлаг, Чаунлаг, – что отражается в творчестве этого периода – Веденеев пишет циклы, посвященные суровой северной природе. Основной темой его работ являются пейзажи мест, где когда-то существовали политические лагеря; так, например, проанализированные в данной статье картины художник создает после участия в экспедициях. Другая часть работ Рудольфа Веденева посвящена отражению эмоционального состояния заключенных. Художник обращается к теме надежды через религиозные символы, иконописные образы.

Литература

Адлер, Н. Трудное возвращение: судьбы советских политзаключенных в 1950–1990-е годы / пер. с англ. С.Я. Крушельницкой под

общ. ред. А.В. Крушельницкого. М.: О-во «Мемориал» – Звенья, 2005. 316 с.

Бродский, Ю.А. Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. М.: Рос. полит. энцикл., 2003. 528 с.

Веденеев, Р.Б. Пермское дело. Беседу вела Г.М. Лебедева. Пермь: Т-7, 1996 // Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы (КБД) [Электронный ресурс] URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=2886> (дата обращения: 20.11.2020).

Крыловская, И.И. Рождённый в ГУЛАГе: становление музыкального театра на севере Дальнего Востока России (1933–1950 гг.) // Театр. Живопись. Кино. Музыка. № 2. 2019. С. 23-44.

Ларьков, С.А., Романенко, Ф.А. Самый северный остров архипелага ГУЛАГ // «Враги народа» за полярным кругом: Сб. статей / под ред. А.Н. Земцова. – 2-е издание, расширенное. М.: Паулсен, 2010. С. 369-388.

Подледнов, Д.Д., Казанцева, Е.Д. Узник Усолья: художественный язык К.П. Ротова // Мат-лы IV Всерос. науч.-практич. конф. «Творческая интеллигенция в Прикамье в 1920–1950 гг. Личность и власть». Пермь: Пермский национальный исследовательский политехнический ун-т, 2020. С. 44-58.

Смирнов, М.Б. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / Издательство «Мемориал», Государственный архив Российской Федерации. М.: Звенья, 1998. 597 с.

Творчество и быт ГУЛАГа // Каталог музейного собрания общества «Мемориал» / ред. Л. С. Еремина, Г. П. Конечна, Е. Л. Новицкая. М.: Звенья, 1998. 207 с.

Тищенко, Н.В. ГУЛАГ и дискурсивные практики: «крутой маршрут» русских писателей в советских лагерях // Философская мысль. № 3. 2012. С. 1-43;

Тищенко, Н.В. Свобода и несвобода в пространстве литературных текстов: дискурс-анализ произведений, посвященных ГУЛАГу // Философия и культура. № 4 (64). 2013. С. 499-509.

Шевырин, С.А. Топография террора: история политических репрессий / СПб.: Издательство «Маматов», 2012. 240 с.

References

Adler, N. (2005), *Trudnoe vozvraschenie. Sud'by sovetskikh politzaklyuchennykh v 1950–*

1990-e gody [Difficult return. The fate of Soviet political prisoners in the 1950-1990s], Transl. by S. Ya. Krushel'nickaja, in A.V. Krushel'nickij, Obshchestvo “Memorial” – Zven'ja, Moscow, Russia (in Russ.).

Brodsky, Yu. A. (2003), *Solovki. Dvadsat' let Osobogo Naznacheniya* [Solovki. Twenty Years of Special Purpose], Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia (in Russ.).

Eremina, L. S., Konechna, G. P. and Novickaya, E. L. (1998), *Tvorchestvo i byt GULAGa* [Creativity and life of the GULAG], Catalog of the museum collection of the «Memorial» society, Obshchestvo “Memorial” – Zven'ja, Moscow, Russia (in Russ.).

Krylovskaya, I. I. (2019), “Born in the GULAG: of musical theater in the north of the far east of Russia (1933–1950)”, *Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka*, 2, 23-44 (in Russ.).

Lar'kov, S. A., Romanenko, F. A. (2010), “The northernmost island of the GULAG archipelago”, *“Vragi naroda” za Poljarnym krugom: Sb. statey* [“Enemies of the People” beyond the Arctic Circle: Collection of articles], Paulsen, Moscow, Russia, 369-388 (in Russ.).

Podlednov, D. D., Kazanceva, E. D. (2020), “Usollag's prisoner: the artistic language of K.P. Rotova”, *Materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Tvorcheskaja intelligenciya v Prikam'e v 1920–1950 gg. Lichnost' i vlast'»* [Materials of the IV All-Russian scientific-practical conference “Creative intelligentsia in the Kama region in 1920-1950. Personality and Power”], Perm, Russia, 44-58 (in Russ.).

Shevyrin, S. A. (2012), *Topografija terrora: istoriya politicheskikh repressij* [Topography of Terror: A History of Political Repression], Mamatov publ., Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Smirnov, M. B. (1998), *Sistema ispravitel'no-trudovykh lagerey v SSSR, 1923–1960: Spravochnik* [The System of Forced Labor Camps in the USSR, 1923–1960: A Handbook], Obshchestvo “Memorial” – Zven'ja, Moscow, Russia (in Russ.).

Tischenko, N. V. (2012), “The Gulag and Discursive Practices: The “Steep Route” of Russian Writers in Soviet Camps”, *Filosofskaja mysl'*, 3, 1-43 (in Russ.).

Tischenko, N. V. (2013), “Freedom and Non-Freedom in the Space of Literary Texts: Discourse Analysis of Works on the Gulag”, *Philosophy and culture*, 4 (64), 499-509 (in Russ.).

Vedeneev, R. B. (1996), "Perm business. Interviewed by G. M. Lebedeva", *Memories of the Gulag and their authors* (computer database) [Online], available at: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=2886> (Accessed: 20 November 2020).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Подледнов Денис Дмитриевич, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» ул. Студенческая, д. 38, г. Пермь, 614070, Россия; denis.podliodnov@gmail.com

Казанцева Елена Дмитриевна, заведующая передвижной выставкой, государственное бюджетное учреждение культуры Пермского края «Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36», ул. Бульвар Гагарина, д. 10, г. Пермь, 614990, Россия; helenakazantseva@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Denis D. Podlednov, Lecturer at the Department of Humanities, Higher School of Economics University, 38 Studencheskaya St., Perm, 614070, Russia; denis.podliodnov@gmail.com

Elena D. Kazantseva, Head of the Mobile Exposition, State Budgetary Institution of Culture of Perm Krai "The Memorial Reserve Museum of the History of Political Repression "Perm-36", 10 Gagarina boulevard, Perm, 614990, Russia; helenakazantseva@mail.ru

MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 8.82.111.85

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-11

Нефедова В. А.

Диалог длиной в полвека: к истории взаимоотношений
Я.П. Полонского и А.А. Фета-Шеншина

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы,
д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; kallerooya@yandex.ru

Аннотация: В истории философии и истории интеллектуальной культуры XIX век изучен более обстоятельно, нежели предыдущие столетия, однако многое все еще остается вне актуального пространства исторической памяти или каталогизировано с некоторой дисциплинарной условностью. Целостно мыслившие русские интеллектуалы часто оказываются либо забыты, либо прикрыты мифическим туманом. Таковым является и Яков Петрович Полонский. Исследование творческой и интеллектуальной биографии Полонского представляется актуальным, поскольку личность поэта и ее значение в развитии философской мысли XIX века по сей день не рассматривались. Однако Я.П. Полонский является одним из звеньев в цепи отечественных мыслителей своего времени. С ним были дружны А.А. Фет, А. Григорьев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев и многие другие. В работе актуализируется проблема взаимоотношений Я.П. Полонского с А.А. Фетом-Шеншиным, поскольку общение с ним было теснее и продолжительнее, чем с любым иным современником. Выявлены взгляды обоих поэтов на сущность поэтического творчества, уточнены разногласия в области проблем перевода, конкретизированы личные отношения к мировоззренческим позициям Л.Н. Толстого. Намечен культурно-философский контекст становления творческой и житейской индивидуальности Я.П. Полонского и А.А. Фета, а также путь трансформации их взглядов на примере последней личной встречи поэтов в фетовской Воробьевке 1890 года.

Ключевые слова: Я.П. Полонский; А.А. Фет; Н.Н. Страхов; Л.Н. Толстой; Московский университет 1840-х годов; мемуарное наследие XIX века; философия поэзии; Воробьевка

Для цитирования: Нефедова В.А. Диалог длиной в полвека: к истории взаимоотношений Я.П. Полонского и А.А. Фета-Шеншина // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 1. С. 111-118. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-11

Valeria A. Nefedova

**The dialogue of half a century: to the history of the relationship
between Yakov Polonsky and Afanasy Fet-Shenshin**

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
kallerooya@yandex.ru

Abstract. In the history of philosophy and the history of intellectual culture the nineteenth century is much more thoroughly studied than the previous centuries, but much remains outside the actual space of historical memory, or is catalogued with a certain disciplinary conventionality. Whole-thinking Russian intellectuals who thought comprehensively are often forgotten or covered by mythical mists. Such is Yakov Petrovich Polonsky. The study of Polonsky's creative and intellectual biography seems relevant, since the poet's personality and its significance in the development of the 19th century philosophical thought have not been examined to this day. However, Polonsky is one of the links in the chain of Russian thinkers of his time. Fet, Grigoriev, Dostoevsky, Tolstoy, Turgenev and many others were friends with him. This work actualizes the problem of the relationship between Polonsky and Fet-Shenshin, as their communication was closer and longer than with any other contemporary. The views of both poets on the essence of poetic creativity were revealed, the disagreements in the field of translation problems were clarified, and the personal relationship to the outlook positions of Tolstoy was concretized. The cultural and philosophical context of the formation of creative and worldly individuality of Polonsky and Fet was outlined, as well as the way of transformation of their views on the example of the last personal meeting of the poets in Fet's Vorobyovka in 1890.

Keywords: Yakov Polonsky; Afanasy Fet; Nikolai Strakhov; Lev Tolstoy; Moscow University of the 1840s; memoirs of the 19th century; philosophy of poetry; Vorobyovka

For citation: Nefedova V. A. (2021), "The Dialogue of Half a Century: To the History of the Relationship Yakov Polonsky and Afanasy Fet-Shenshin", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (1), 111-118, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-11

Тема взаимоотношений Якова Петровича Полонского и Афанасия Афанасьевича Фета в литературоведческих исследованиях проработана тщательно. Для выявления существенных перемен характера их личностного общения выделяются здесь два пласта, условные начало и конец творческого диалога поэтов. Первый – их юность, невинность мышления, студенческие годы и обсуждения философских и эстетических идей в кружке Аполлона Григорьева. Второй – уже серьезные суждения пожилых мужей, устойчивые мировоззренческие позиции, встреча давних

друзей в имении Фета в 1890 году, за два года до смерти последнего.

Когда Полонский начинает повествование «Моих студенческих воспоминаний», он на первой же странице упоминает своего приятеля Фета, ласково называя его Афоней. Уже с этих студенческих пор началась их дружба. Воспоминания двух поэтов, равно как и их современников, позволяют нам реконструировать атмосферу, в которой происходило обучение. Яков Петрович описывает свою альма-матер так: «Мы все были идеалистами, то есть мечтали об освобождении крестьян;

крепостное право отживало свой век, Россия нуждалась в реформах, и когда на престол вззошел гуманнейший Александр II, где нашел он наилучших для себя помощников по уничтожению рабства и преобразованию судов, как не в среде моих тогдашних университетских сотоварищей?» (Полонский, 1988: 368).

Будучи студентом Московского университета, Полонский посещал современные ему философские кружки. Помимо ближайшего религиозно-философского кружка Ап. Григорьева, поэт был близок к кружку Н.В. Станкевича. «У кого я бывал в салонах? У Чаадаева, у Хомякова, у Киреевского, у Аксакова, даже раза два был у Герцена. Но туда ходил я не танцевать и не волочиться. Чем же я виноват, что глубокие мыслители Москвы только и жили, что в салонах, только салоны и наполняли своими речами и спорами. Если б они пошли на площадь, или в кабак, или за Москву-реку – и я тогда пошел бы за ними, ибо в них была вся тогдашняя умственная жизнь Москвы...» (Полонский, 1864). Яков Петрович если и не стремился быть социальным поэтом, социальным мыслителем, то, по крайней мере, был не прочь поразмышлять над философско-злободневными темами. Однако уже в это время Полонский, выросший в православной среде, был настроен враждебно к нигилистическим настроениям. Позже это можно будет увидеть в его поэмах, стихотворениях и прозаических произведениях.

Так, значительно позже Яков Петрович в письме к Афанасию Афанасьевичу пишет: «Отвечая Достоевским, Григорьев напал на мой стихотворный роман “Свежее преданье”, утверждая, что московский дух совершенно мне неизвестен; а я о московском духе и не думал, я описывал только то московское общество, которое знал. – Все действующие лица моего романа сколки с действительно существовавших лиц – Ключникова – Барона Шепинга – молодого Щепкина и многих других... Все тогдашнее общество, начиная с Алексея Степановича Хомякова, было

мне во 100 раз ближе, чем Григорьеву» (А.А. Фет..., 2008: 768).

Роман в стихах «Свежее преданье» задумывался Я.П. Полонским как «энциклопедия русской жизни» (Захаров, 2019: 64), но уже не во времена Пушкина (которого Полонский очень любил), а во времена Полонского. В произведении автор освещает те темы, которые волновали его современников: прежде всего, это – крепостное право, идея свободы в России; есть и живое размышление о том, как повлияли на шестидесятников сороковые годы XIX века. Некий Камков является главным героем. Я.П. Полонский с его помощью изображает идеологическую направленность мысли русского общества сороковых годов XIX века. Идеал Камкова – свобода и благородство; он типичный представитель интеллигенции середины столетия – в общественно-политической жизни является западником. Автором акцент сделан на дружеских отношениях персонажа с известными идеологами западничества своего времени: М.А. Бакунинным, Н.Х. Кетчером, А.И. Герценом: «И едет он, не забывая, / Что ждет его семья друзей, / Стаканы с чаем, кренделей / Тарелка, трубка, разговоры / На тысячу ладов, мечты, / Приятельские остроты, Философические споры, И Б., и К., и Г. ...» (Полонский, 2017). Характеризуя философскую направленность эпохи, Полонский описывает интеллектуальные настроения главного героя так: «Но тот, / Кого считал он великаном, / Кто в черепе своем вмещал / Весь мир, хотя и прикрывал / Философическим туманом / Зерно идей своих, – чей взор / В границах отыскал простор; / Нашел, что дух всему основа, / Для малого и для большого, / Для зла и для добра, – и то, / Что абсолютное ничто / Всему есть вечное начало; / Ну, словом, Гегель для него / Был первый друг и запедало. / Из отвлеченностей его / Он много разных истин вывел / И даже – чуть не оплешивел» (Полонский, 2017). Аполлон Григорьев вспоминал свои студенческие годы такими словами: «Голова рабо-

тает, как паровая машина, скачет во всю прыть к оврагам и безднам, а сердце живет только мечтательною, книжною, напускною жизнью» (Григорьев, 1988: 6). Московский университет Григорьев с иронией называл «университетом таинственного гегелизма» (там же).

В мемуарах «Ранние годы моей жизни» А.А. Фет живо и подробно описывает студенческие годы. Афанасий Афанасьевич снимал комнату у семьи Григорьевых. Вокруг Аполлона Григорьева образовался философский кружок, он невольно стал его центром. Фет описывает это время так: «А между тем в небольших комнатах стоял стон от разговоров, споров и взрывов смеха. При этом ни малейшей тени каких-либо социальных вопросов. Возникали одни отвлеченные и общие: как, например, понимать по Гегелю отношение разумности к бытию?» (Фет, 2016: 62). На этих же страницах Фет выражает свою любовь к Полонскому. Он говорит, что уже в это время видел в друге огромный поэтический потенциал, а также признается, что особенно ему нравилось, когда Яков Петрович приходил пораньше всех приглашенных и с ним можно было пообщаться уединенно, поделиться чем-то сокровенным.

Исследовательница творчества А.А. Фета И.В. Толоконникова отмечает, что, невзирая на близкое общение с Иринархом Введенским (будущим переводчиком) – с тем, кого Фет впоследствии назовет «типом идеального нигилиста» – «нигилизму, как и всякому политическому радикализму, Фет ни в какой мере не сочувствовал, несмотря на то, что Фет был резко атеистически настроенным человеком» (Толоконникова, 2006: 106). Исследовательница вспоминает запись А.П. Чехова: «Мой сосед В.Н. Семенович рассказывал мне, что его дядя, Фет-Шеншин, известный лирик, проезжая по Моховой, опускал в карете окно и плевал на университет» (Толоконникова, 2006: 110).

Контекст становления личностей поэтов таков: с одной стороны, идеалистические настроения гегелевской философии, с

другой стороны, бесконечные споры о судьбе России, о том, каким же путем она идет. Что же насчет преподавателей? С.П. Шевырëв – доктор философии, настаивающий на «поэзии мысли», но в то же время ведущий активные дискуссии о западничестве и славянофильстве. Всеми любимый профессор Т.М. Грановский, близкий друг А.И. Герцена и Н.П. Огарëва, глубоко уважающий философию Гегеля. Конечно же, М.П. Погодин, настаивающий на самобытном пути Руси, отчасти подерживающий идею панславизма.

На основе мемуаров мы можем сделать вывод, что Я.П. Полонский увлекался многими интеллектуальными идеями своей эпохи, примерял на себя несколько разных модных течений, проживал молодость в разных умонастроениях, искал себя. Один вечер – в религиозно-философском кружке А.И. Григорьева, другой – за обсуждением общественно-политической мысли в обществе Н.В. Станкевича.

А.А. Фет даже в столь юном возрасте предстает перед нами натурой как бы уже завершенной, с твердыми убеждениями и непоколебимой позицией. Уже на склоне жизни, в 1890 году, Яков Петрович напишет своему другу: «Ты человек во сто раз более цельный, чем я. – Ни про кого нельзя сказать то, что можно сказать о тебе. – Сразу ты был отлит в известную форму. Никто тебя не чеканил, и никакие влияния времени не были в силах покачнуть тебя <...> Ты и в студенческие годы был почти таким же» (А.А. Фет..., 2008: 862). В первом же письме к Полонскому, которое дошло до нас (датируемое 31 маем 1846 года), Фет пишет: «Да, любезный друг мой Яков Петрович, неверие и вера, живущие во мне, не плоды, выросшие на университетской скамье, а на браздах жизни, усеянных, по словам поэта, “дикими бесплодными травами”» (А.А. Фет..., 2008: 589).

Сохранилось достаточно материалов, чтобы реконструировать события лета 1890 года, которое семья Полонских провела в фетовской Воробьевке. Это необходимо для того, чтобы понять условия, в

которых были подведены предварительные итоги интеллектуальной жизни А.А. Фета и Я.П. Полонского. Прежде всего, у нас есть эпистолярные следы: А.Я. Полонский очень подробно описывает в письме к другу обстановку имения; письма А.А. Фета и Я.П. Полонского к великому князю Константину Романову, письмо Якова Петровича к А.Н. Майкову, письмо к Л.Н. Толстому Н.Н. Страхова, который перед приездом в Воробьевку останавливался в Ясной Поляне. В архивах ИРЛИ РАН сохранился дневник Полонского с записями этого лета. Помимо этого, сохранились документы другого порядка: этюды Якова Петровича с видами усадьбы друга; фотографии всех гостей и хозяев Воробьевки, сделанные С.Д. Боткиным; Жозефина Антоновна – жена Якова Петровича – создала миниатюрный слепок для будущей большой скульптуры Афанасия Афанасьевича, а также слепок его руки.

Н.Н. Фонакова в статье (см.: Фонакова, 1987) утверждает, что Фет пригласил Полонского из любезности и понимания не всегда благополучного финансового положения друга, но если посмотреть переписку двух поэтов, то можно сделать вывод, что речь идет не об одной лишь любезности. Афанасий Афанасьевич еще в октябре 1889 года пригласил семью Полонских провести с Фетом лето. На протяжении семи месяцев почти в каждом письме можно встретить слова о предстоящей встрече. Мария Петровна Боткина, жена Фета, приехав в Петербург по делам, не упустила возможности встретиться с Полонскими и лично обсудить предстоящий отдых.

В Воробьевке в это же время должен был быть Н.Н. Страхов. Он, только что приехавший из Ясной Поляны, в письме к Л.Н. Толстому описывает свое появление в имение Фета так: «В Воробьевке я вдруг попал в такие дебри речей и понятий, что меня совсем ошеломило, и я долго прислушивался, не зная, что мне говорить и делать» (Переписка..., 1914: 406). Также философ конкретизирует направленность

этих «речей», он говорит, что «разговоры идут преимущественно о поэзии» (там же). О чем же еще на склоне лет беседовать поэтам?

О сущности поэзии разговор заходит чуть ли не в каждом письме. Со студенческой скамьи поэты продолжали об этом спорить. Афанасий Афанасьевич стоит на том, что в поэзии должна быть «чистая лирика» и ничего кроме. «Философия целый век бьется, напрасно отыскивая смысл в жизни, но его – тую-тую, а поэзия есть воспроизведение жизни, и потому художественное произведение, в котором есть смысл, для меня не существует» (А.А. Фет..., 2008: 627). Фет делает акцент на переживаемом, не эксплуатируя лирическую форму в качестве выражения философских идей. В ответ на одно из присланных Полонским стихотворением он отвечает: «Если бы я сказал, что это умно, философски верно и так далее, то в сущности ничего бы не сказал, а сказавши, что это поэтично, – выскажу высочайшую похвалу, какой может ожидать стихотворение» (А.А. Фет..., 2008: 778). «Так как мир во всех своих частях равно прекрасен, то внешний, предметный элемент поэтического творчества безразличен. Зато другой, внутренний: степень поэтической зоркости, ясновидения – все <...> поэтическая деятельность, очевидно, складывается из двух элементов: объективного, представляемого миром внешним, и субъективного, зоркости поэта – этого шестого чувства, не зависящего ни от каких других качеств художника. Дайте нам прежде всего в поэте его зоркость в отношении к красоте, а остальное на заднем плане» (А.А. Фет..., 2008: 565).

Яков Петрович смотрел на поэзию по-другому, хотя иногда и был согласен с другом – порой ему казалось, что размышления наоборот губят все его труды: «...следуя твоему совету, всячески стараюсь отбояриться от рефлексий. Лезут они, черт их возьми! – Сами лезут и мешают мне» (А.А. Фет..., 2008: 888). И все же, поэзия для Полонского – особый вид осмысления действительности. «Лучшие лирические стихотворения тянут меня к

себе, потому что сами лезут мне в душу и в ней придают смысл тому, в чем никакой рассудок никакого смысла не видит» (А.А. Фет..., 2008: 629).

«Поэзия есть истина в красоте и красота в истине» (А.А. Фет..., 2008: 565), – пишет поэт. Яков Петрович понимает, что стихотворение – это не безличное, отчужденное творение. Оно идет неразрывно со своим автором, а потому «нравственная физиономия» поэта должна «видеть все в истинном свете».

Ожидая приезда Полонского в Воробьевку, Фет писал ему: «Конечно, мы будем спорить, но не драться, хотя я буду стараться окончательно вырвать у тебя рефлексивный зуб» (А.А. Фет..., 2008: 801), на что друг ему отвечает: «Вылечусь ли я от этой рефлексии, когда опять побываю у тебя в Воробьевке, – или, напротив, – так начну философствовать, что хоть святых выноси!» (А.А. Фет..., 2008: 814).

Старых друзей так же волновала проблема перевода. «В поэзии, как и во всяком искусстве, форма – все. Нет красоты – нет поэзии. А ты точность и буквальность ставишь на первое место, – и тяжело читать, и надо черт знает, как напрягать мозги, чтобы провидеть или угадывать прелесть подлинника» (А.А. Фет..., 2008: 685), – пишет к Фету Полонский. В письме к великому князю Константину Романову, в котором Яков Петрович описывает совместный досуг с хозяевами и гостями Воробьевки, лирик пишет: «Я уже когда-то писал Афанасию Афанасьевичу, что переводы слово в слово, без красоты подлинника, меня не удовлетворяют, но я уже не спорю с ним» (А.А. Фет..., 2008: 467). Вероятно, разговор о переводах произведений все же заходил, поскольку другой «воробьевский» собеседник, Н.Н. Страхов, также обсуждал в переписке с А.А. Фетом переводческие вопросы. Однако это большой разговор, который заслуживает отдельной статьи.

Есть основания предполагать, что разговоры в имении Фета велись и о мировоззренческих установках Л.Н. Толстого.

Страхов, только что приехавший из Ясной Поляны, глубоко ценил писателя и был его сторонником, в то время как Фет и Полонский резко не принимали, критиковали идеи, которые Толстой излагал в «Крейцеровой сонате». Вспоминая о совместном лете, Яков Петрович пишет Фету о том, как хорошо было «спорить с Н.Н. Страховым» (А.А. Фет..., 2008: 979).

В уже упомянутом письме Константину Романову Полонский пишет: «“Крейцерову сонату” Страхов находит высоко нравственным и беспощадно правдивым произведением» (А.А. Фет..., 2008: 468). В письме к Афанасию Афанасьевичу, по поводу прочтения «Крейцеровой сонаты» Толстого, Яков Петрович пишет так: «По моему, повесть эта – гениальна не по красоте своей, а по своей нравственной уродливости. – Она так же действует на нервы, как человек, который замахивается на тебя топором – и в то же время читает тебе проповедь. – Герой повести – никогда не любил никого, – даже лишен всякой возможности кого-либо любить, ибо сердца у него нет ни на полушку, – и что же!.. Он осмеливается устами Толстого проповедовать, что любви нет – никогда не было – и что так называемая любовь не что иное, как разврат! – Сам женился ради удобства предаваться своей похоти – и смеет думать, что все браки – таковы, – что все мужчины развратны, а все девушки продажны!.. Эдакая скотина!.. Говори все это Граф от себя – ну – могу я не соглашаться, – и все-таки буду его слушать; – но в повести говорит не Граф – а дышащий злобой и ненавистью на такую же злую и ненавидящую его до конца дней своих супружницу. – Что мешает этому глупому герою разъехаться с женой своей, вместо того чтоб, не любя ее, – ревновать – уродовать ее и убивать... По-моему – это психопат, нравственный урод, каких мало! – и этот урод хочет уверить, что все такие же уроды, – и измышляет неслыханный брак – без брачного сожителства, – и возводит в идеал всякую старую деву... у которой в жилах не кровь, а вода, подогретая на не-

угасимом жертвеннике Весталок, или черт знает что!» (А.А. Фет..., 2008: 793-794).

Афанасий Афанасьевич тоже категорично высказывается о графе Толстом: «Я никому не уступлю в безграничном изумлении перед могуществом таланта Льва Толстого; но это нисколько не мешает мне с величайшим сожалением видеть, что он зашел в тернии каких-то полезных нравов учений, спасительных для человечества» (А.А. Фет..., 2008: 666). Отметим, что все собеседники явно отделяют личность автора от его произведений, в связи с чем в том же письме к К. Р. Полонский отмечает, что Николай Николаевич «свое удивление графу, как художнику, как автору “Войны и мира”, невольно переносит на графа как на проповедника своей собственной религии» (А.А. Фет..., 2008: 468).

Яков Петрович критикует не только Льва Николаевича, но современное общество вообще: «Боже мой! Какое глупое время! – Подумай, какие стихи ему нужны и какая нужна сила, чтобы вразумить его... Да и чего требовать от молодежи, когда на святой Руси – с одной стороны – проповедует Граф Л. Толстой, а с другой – Владимир Соловьев! – Один отрицает Церковь и Государство, а другой всесветную Истину видит только в Папе – и упрекает нас в излишестве патриотизма и национальных стремлений – т. е. упрекает нас в том, чего нам недостает!» (А.А. Фет..., 2008: 804). То же самое выражают его последние произведения – повесть «Нечаянно» и поэма «Собаки». Очевидно, что была большая дискуссия по социально-философской проблематике, религиозным вопросам. Полонский, вспоминая об этих разговорах, пишет Фету: «Лето мое, проведенное у тебя, было лучшим во всех отношениях за все последнее время моего земного прозябания» (А.А. Фет..., 2008: 979).

К чему же привел пройденный жизненный путь двух близких друзей, изменились ли их взгляды? В том же письме, спустя несколько месяцев по возвращении из поездки домой Яков Петрович пишет Афанасию Афанасьевичу: «Если ты пес-

симист, то вовсе не по милости Шопенгауэра: ты в студенческие годы был почти таким же» (А.А. Фет..., 2008: 862). А в письме к Страхову Фет называет Полонского «семидесятилетним младенцем». В 1888 году Фет пишет другу: «я счастлив, что после долгого времени нахожу тебя таким же милым и духовно прекрасным, каким знал тебя с отрочества» (А.А. Фет..., 2008: 621).

В одном из последних писем к Фету Яков Петрович также сетует на апатичное состояние общества и пишет: «Никаких общественных идеалов!.. А без общественных, всем равно присущих стремлений разве возможно живое интеллигентное общество!.. В наши юные года этого не было. – Не одних нас интересовала поэзия – ею интересовались не только наши ровесники, но и старики» (А.А. Фет..., 2008: 984). Самое последнее письмо, посланное Я.П. Полонским к другу, датируется 20 ноября 1892 года. Интересно, успел ли А.А. Фет прочитать это письмо? На следующий день Афанасий Афанасьевич умер.

Литература

А.А. Фет и его литературное окружение. Кн. 2. / РАН. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; Отв. ред. К.П. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Розенблюм. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 990 с.

Григорьев, А.А. Мои литературные и нравственные скитальчества // Григорьев, А.А. Воспоминания. М.: Наука, 1988. С. 5-82.

Захаров, Э.В. Ю.Ф. Самарин как возможный прототип образа «славянофила» в стихотворном романе Я.П. Полонского «Свежее предание» // Я.П. Полонский: Личность, творчество, эпоха: Сб. ст. по мат-лам II Межд. науч.-практ. конф. (посвящ. 200-летию со дня рождения поэта). Рязань: Рязанский гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2019. С. 64-71.

К. Р. Избранная переписка / К. Р.; РАН, Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 528 с.

Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. СПб.: Общество Толстовского музея, 1914. 478 с.

Полонский, Я.П. Проза. М.: Сов. Россия, 1988. 494 с.

Полонский, Я.П. Письмо Н.Н. Страхову 9 декабря 1864 г. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/text_0150.shtml (дата обращения 26.09.2020).

Полонский, Я.П. Свежее преданье, 2017 [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/text_0070.shtml (дата обращения 26.09.2020)

Толоконникова, И.В. А.А. Фет и Я.П. Полонский – студенты Московского университета // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2006. № 4. С. 105-115.

Фет, А.А. Ранние годы моей жизни. Public Domain, 2016. 110 с.

Фонякова, Н.Н. Фет, его усадьба Воробьевка и семья Полонских // Памятники культуры: Письменность. Искусство. Археология: Новые открытия: Ежегодник, 1986. Л.: Наука, 1987. С. 49-63

References

A. A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie. Kn. 2. (2008), [A. A. Fet and his literary environment. Book 2], in Bogaevskaya, K. R., Majorova, O. E., Rozenblyum, L. M. (ed.), IMLI Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, (in Russ.).

Fet, A. A. (2016), *Rannie gody moej zhizni* [Early years of my life], Public Domain, Russia (in Russ.).

Fonjakova, N. N. "Fet, his Vorobyovka Estate and the Polonsky family", *Pamjatniki kul'tury: Pis'mennost'. Iskusstvo. Arheologija: Novye otkrytija: Ezhegodnik, 1986* [Monuments of culture: Writing. Art. Archeology: New Discoveries: Yearbook, 1986], Nauka, Leningrad, USSR (in Russ.).

Grigor'ev, A. (1988), "My Literary and Moral Wanderings", *Grigor'ev A. A. Vospominanija* [Grigor'ev A. A. Memories], Nauka, Moscow, Russia, 5-82 (in Russ.).

K. R. (1999), *Izbrannaya perepiska* [Selected Correspondence], in RAS, Institute of Russian Lit. (ed.), Dmitrij Bulanin, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Perepiska L. N. Tolstogo s N. N. Strakhovym (1914) [The Correspondence of L. N. Tolstoy with N. N. Strakhov], Tolstoy Museum Society, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Polonskiy, Ya. P. (1864), *Pis'mo N.N. Strahovu 9 dekabrja 1864 g.* [Letter to N. N.

Strakhov 09 December 1864] [Online], available at: http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/text_0150.shtml (Accessed 29 September 2020) (in Russ.).

Polonskiy, Ya. P. (2017), *Svezhee predan'e* [A likely story] [Online], available at: http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/text_0070.shtml (Accessed 29 September 2020).

Polonskiy, Ya. P. (1988), *Proza* [Prose], Sovetskaya Rossiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Tolokonnikova, I. V. "A. A. Fet and Ya. Polonsky – students of the Moscow University", *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 4, 105-115 (in Russ.).

Zaharov, E. V. (2019), "Yu. Samarin as a presumable prototype of the 'Slavophil' image in 'A likely story' Ya. Polonsky's novel in verse", *Ya. Polonsky: Lichnost', tvorchestvo, epoha* [Personality, Creativity, Epoch], Ryazan, Russia, 64-71 (in Russ.).

Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на международной научной конференции – IX чтениях памяти Н.Н. Страхова «Интеллектуальная история России XIX– начала XX вв.: линии преемственности и разрывы» (17–19 декабря 2020 г.)

The article is based on the report read at the International Scientific Conference – IX Readings in Memory of N.N. Strakhov "Intellectual History of Russia in the 19th – early 20th centuries: lines of succession and breaks" (December 17–19, 2020).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Нефёдова Валерия Алексеевна, выпускница кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет; kallerooya@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Valeriya A. Nefedova, Graduate of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; kallerooya@yandex.ru

УДК 1(091)

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-12

Апатенко Д. В.	Этико-философские смыслы самоубийства в русской философии XIX века (к размышлениям А.Ф. Кони)
----------------	--

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; 1252750@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье излагаются некоторые результаты выявления философских установок известного российского юриста и публициста А.Ф. Кони в рассмотрении им суицида и проблемы «эпидемии» самоубийств в России в конце XIX – начале XX века. Кроме анализа опубликованных статей А.Ф. Кони – «Самоубийство в законе и жизни» и иных работ социологического, исторического и философского характера, привлекаются также архивные материалы этико-педагогических рукописей писателя. Устанавливается специфичность подхода А.Ф. Кони к проблеме самоубийства, который, с одной стороны, базируется на юридической практике, а с другой – тесно сопряжен с нравственно-практической стороной жизни и имеет в своем основании глубокую философскую рефлексию.

Ключевые слова: самоубийство; А.Ф. Кони; проблемы молодежи; этическая свобода; долг; нравственность

Для цитирования: Апатенко Д. В. Этико-философские смыслы самоубийства в русской философии XIX века (к размышлениям А.Ф. Кони) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 1. С. 119-125. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-12

D. V. Apatenko	Ethical and philosophical meanings of suicide in Russian philosophy of the 19th century (to the reflections of A. F. Koni)
----------------	--

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; 1252750@bsu.edu.ru

Abstract The article presents some of the results of the philosophical attitudes of the Russian lawyer and publicist A.F. Koni in his consideration of suicide and the problem of the "epidemic" of suicides in Russia in the late 19th – early 20th centuries. In addition to the analysis of published articles by A.F. Koni – "Suicide in law and life" and other works of a sociological, historical and philosophical nature, the archival materials of the ethical and pedagogical manuscript are also involved. The specificity of A.F. Koni to the problem of suicide is installed, which, on the one hand, is based on legal practice, and on the other, is closely associated with the moral and practical side of life and has a deep philosophical reflection at its foundation.

Keywords: suicide; Anatoly F. Koni; teenager's problems; ethical freedom; debt; morality

For citation: Apatenko, D.V. (2021), "Ethical and philosophical meanings of suicide in Russian philosophy of the 19th century (to the reflections of A. F. Koni)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (1), 119-125, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-12

Тема самоубийства является одной из самых непростых в истории этико-юридической мысли России. Являясь нежеланным, нравственно ошибочным событием в русском культурном самосознании, ориентированном преимущественно христиански, самоубийство и в области философских исследований представало как нечто редкое. Русские мыслители приступали к этой теме чаще исходя из ее социальной злободневности, нежели из онтологических соображений¹. В истории русской философии специальное внимание на проблемы самоубийства обращали А.Н. Радищев, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев и др. (см.: Уваров, 2015: 29). Особенно стимулировали исследования этой темы социальные «волны» самоубийств в конце XIX – начале XX века. А.Ф. Кони и Н.А. Бердяев в своих размышлениях о самоубийствах используют понятие «эпидемия» (Кони, 1967; Бердяев, 1931); при этом Кони уни-

кальным образом обращает внимание на самоубийства в социально активном слое – среди русской молодежи, что придает его философии суицида особую познавательную значимость².

В классической работе Э. Дюркгейма есть довольно резкое общее суждение, в котором утверждается, что «каждое общество в известный исторический момент имеет определенную склонность к самоубийству» (Дюркгейм, 1994: 17). В каждой социальной группе есть определенная, специфическая склонность к самоубийству, которая не объясняется ни биолого-физиологическими характеристиками состояния людей, ни физическими характеристиками среды, в которой они находятся. Исходя из этого, Дюркгейм заключает, что появление все новых волн самоубийств в обществах должно быть обусловлено адекватными социальными причинами.

Обращаясь к историческим исследованиям самоубийств как русского общественного явления, можно видеть, что концептуализация их волнообразности, или «эпидемичности», также отнюдь не безосновательна. В.Б. Безгин, разбирая вопросы, связанные с проявлением различных социальных девиаций конца XIX – начала XX века, приводит данные архивных источников (преимущественно полицейских отчетов), отражающих проблему ювенального суицида этого периода, способы совершения и гендерные особенности самоубийств, факторы, которые провоцировали самоубийства, и т. д. (Безгин, 2016: 198). На основе анализа архивных

¹ В европейской культурно-исторической традиции эта тема постоянно давала себя знать при появлении и исследовании фундаментальных вопросов свободы, долга, любви, веры. Что заставляет человека сделать выбор в пользу лишения себя жизни, какие мотивы играют главную роль в этом выборе, что происходит с человеком за секунды до того, как он добровольно покинет этот свет, является ли добровольный уход из жизни проявлением свободы или гордыни? Эти вопросы не покидали умы мыслителей, начиная с античности и вплоть до наших дней. Стоит вспомнить древнегреческий эпос Софокла с сюжетом самоубийства Иокасты, альтруистическое самоубийство Сократа, нравственные письма к Луцилию Сенеки, LXX письмо которого посвящено вопросу самоубийства, сумму теологии Фомы Аквинского, где проблема суицида рассматривается с позиций христианской теологии, «Опыты» М. Монтеня (XIII главу II тома), «Утопию» Т. Мора, «Метафизику нравов» И. Канта, «Науку морали» Ш. Ренуве и многие другие (см., напр.: Лященко, 2013b: 60-65; Лященко, 2013a: 111-116).

² Н.А. Бердяев останавливает свое внимание на русской эмиграции, оба мыслителя сошлись именно на понятии «эпидемии» самоубийств (ср.: Бердяев, 1931: 1; Кони, 1967: 465 и др.).

документов и статистических данных В.Б. Безгин заключает, что в городе самоубийство – более частое явление, чем в деревне. Он связывает это, в первую очередь, с изменением уклада жизни и активной модернизацией, явлениями, которыми она сопровождалась (изменения в привычном образе жизни аграрного общества, кризис патриархальной семьи, падение степени религиозности и т. д. (Безгин, 2016: 198)). Данные факторы рождали определенную атмосферу коллективного психоза, сопровождавшуюся чувством страха, отчаяния и т. п. Самой уязвимой социальной группой при этом оказывается молодежь, которая в силу возраста и отсутствия жизненного опыта не готова к такого рода жизненным испытаниям.

Между тем, А.Ф. Кони, трактуя социально-историческую эпидемию самоубийств, предлагает к анализу «выводы и наблюдения», сделанные им за время «судебной службы», – тем самым создавая особый прецедент этико-юридической герменевтики «самоубийства в законе и в жизни»³.

«Черное крыло насильственной смерти от собственной руки все более и более развертывается над человечеством, привлекая под свою мрачную тень не только людей, по-видимому, обтерпевшихся в жизни, но и нежную юность, и тех, кто дожил до близкой уже могилы» (Кони, 1967: 454), – этими строками А.Ф. Кони начинает свое размышление о проблеме суицида. Следуя своей установке этико-юридического понимания, А.Ф. Кони начинает с эмпирического обзора проблемы, приводя количественные характеристики самоубийств в России и в зарубежных государствах. Сравнивая их, он не находит достаточных оснований для того, чтобы останавливаться при объясне-

нии «триумфального шествия самоубийства» (Кони, 1967: 454) на факте роста душевных заболеваний. Большинство самоубийств совершались под воздействием гнетущих жизненных влияний (среди них стыд, страх, чувство вины или обиды, тоска по умершим близким и т. д.); никто не вправе причислять к сумасшедшим тех людей, которые оказались более чуткими и отзывчивыми на житейские условия, в которых они очутились. Возражает А.Ф. Кони и последователям современных ему уголовно-антропологических теорий, которые настаивают на наследственном факторе склонности к самоубийству, аргументируя это ничтожностью поводов, по которым люди лишали себя жизни. Зачастую это самое «ничтожное» событие становится лишь последней каплей «в переполненной житейскими страданиями чаше, заставляя перелиться ее содержание через край» (Кони, 1967: 457).

Замечая, что до середины XIX века суицид носил характер единичного поступка, не являясь неким общественным недугом, А.Ф. Кони выделяет несколько причин, способствовавших распространению эпидемии. Одной из них он признавал основывающееся на отсутствии внимания к духовному родству супругов и близорукое животное стремление ослабление семьи и разрушение ее внутренних связей, гармонии семейных взаимоотношений. Согласно статистическим данным, которые приводит А.Ф. Кони, чаще всего добровольно уходили из жизни люди, потерявшие своего супруга, разведенные или просто одинокие.

Другим фактором, способствующим росту суицида, являются особенности общественно-политической жизни. Эти особенности заключаются, прежде всего, в «потере надежд после подъема общественного настроения» (Кони, 1967: 463) в эпоху реформ Александра II, сомнение в эффективности их дальнейшего продолжения и развития. Примечательно, что Э. Дюркгейм в своем исследовании приводил свидетельства Гельвеция о похожей

³ Об историко-философском контексте размышлений А.Ф. Кони свидетельствуют многочисленные отсылки к мыслителям различных эпох – Августину Блаженному, Вольтеру, Монтеню, Руссо и др. (см.: Кони, 1967: 459).

ситуации во Франции в 1781 году: «Расстройство финансов и изменение конституции государства распространили всеобщее уныние. Многочисленные самоубийства в столице являются тому печальным доказательством» (Дюркгейм, 1994: 96). Относительно влияния политических процессов на ситуацию с самоубийствами в отдельно взятых государствах стоит отметить, что далеко не все негативные процессы в политической сфере способствуют увеличению количества самоубийств. Согласно выводам Э. Дюркгейма, во времена политических переворотов или войн процент самоубийств имеет тенденцию к снижению. В ситуации, описанной А.Ф. Кони, мы видим несколько иную обстановку в политической жизни общества – атмосферу особенного, крайнего нравственного упадка, именно нравственного отступления от политических идеалов, к которым стремились реформаторы.

Еще одним фактором, заслуживающим особого внимания, явилось обострение борьбы за существование, которую спровоцировали процессы модернизации. Развитие конкуренции за средства выживания вызвало «крайнюю нужду и безработицу, нередко безвыходность положения и сознание бесплодности и беспросветности борьбы с подавляющими сторонами жизни» (Кони, 1967: 464). Этому способствовало и развитие городской среды в ущерб сельской, скученность населения в городах и, как следствие, нездоровая обстановка с отсутствием света и чистого воздуха. А.Ф. Кони приводит любопытный пример того, как внешняя обстановка с ее, в том числе, эстетическими компонентами влияет на психологическое состояние человека. В Петербурге – таков пример – появилась узкая улица, застроенная пятиэтажными домами. Особенностью этих домов являлось то, что в их квартиры нередко даже не проникал луч света, они представляли собой как бы тюрьмы, закрытые темные помещения, которые без сомнения оказывали воздействие на психику живущих в них людей. Однако квар-

тиры пользовались большим спросом ввиду дешевизны. Именно эта улица (ранее Новая, позже переименованная в Пушкинскую) давала по Петербургу наибольшее количество самоубийств. Отягчающим фактором являлось качественное изменение вида труда, которым занимались люди, живущие там. Как правило, их труд был набором повторяющихся механических действий, исключал творческое, созидательное начало, заглушал в трудовой деятельности все живое. Завтрашний день для человека, жившего в таких условиях, являлся «тусклым и тревожным, а день настоящий» не давал «душевного удовлетворения» (Кони, 1967: 464).

Тревога, связанная с процессами модернизации, проявляется и в других работах А.Ф. Кони. В пока еще не опубликованной лекции об этике личного поведения он говорил о нравственно негативных процессах модернизации и технического прогресса. «Нравственно человек не только не стал лучше, не только не получил утешения в нравственной своей сфере, но и стал совершенно одиноким среди всего этого блеска электричества, острого движения, телеграфа и телефона. Он более одинок, чем был сто лет тому назад, потому что он не чувствует между собой и окружающими никакой нравственной связи или чувствует, но очень слабо»⁴, – пишет А.Ф. Кони. Этот нравственный регресс также является одной из причин увеличения числа самоубийств в конце XIX – начале XX века.

Особенно обеспокоился А.Ф. Кони состоянием молодежи, призывал быть с нею осторожнее, «не отравлять юность». Определенную вину за рост числа самоубийств в конце XIX – начале XX века в молодежной среде А.Ф. Кони возлагал на кинематограф и печатное слово, проникнутые культом самоубийства и ответственные за общую атмосферу пессимизма (примечательно, что на один из конкурсов по присуждению Грибоедовской премии

⁴ ИРЛИ РАН. Ф. 134. Оп 1. Ед. хр. № 233. Л. 4

было представлено около ста драм и комедий, семнадцать из которых кончались самоубийством одного или двух действующих лиц (см.: Кони, 1967: 465)). В сохранившихся в архиве Пушкинского дома тезисах по вопросу о задачах религиозно-нравственного воспитания и образования А.Ф. Кони говорит, что «юноша вылетает в жизнь как плотно набитая ракета, поглощаемая окружающей пылью, и на землю (т. е. в действительную жизнь) падает выгоревшая оболочка»⁵.

Одной из целей и задач нравственного воспитания А.Ф. Кони провозглашает необходимость учить молодежь ставить определенные цели и стремиться к ним, не отвлекаясь в сторону, не унывая и не падая духом, но приучая себя к спокойному перенесению неудач, к стойкости под ударами случайных обстоятельств. Воспитание воли в молодежи должно быть направлено на отвращение к самоубийству как «проявлению малодушия и трусости в борьбе с жизнью, в которой никто не имеет права претендовать на наслаждение, но каждый должен нести бремя»⁶. Проблема самоубийства в среде молодежи раскрывается А.Ф. Кони посредством анализа многих факторов; принимается во внимание ломка общего социального устройства, отсутствие воспитания твердости характера и готовности преодолевать жизненные трудности, жестокое отношение к детям в семьях, где детей воспитывают мачехи и отчимы и пр.

А.Ф. Кони много работал с предсмертными записками самоубийц, которые позволяют рассмотреть личность написавшего ее человека. Чаще всего эти записки были написаны в состоянии предсмертной отрешенности от жизни; «распространенным в них является постепенное и последовательно описание ощущений, которые испытывает человек (например, при отравлении ядом). В большинстве

предсмертных писем отчетливо видно глубокое разочарование в жизни и смертельное уныние»⁷ (Кони, 1967: 471).

Характерными опасными чертами самоубийств А.Ф. Кони признает коллективность, заразительность и повторяемость. Самоубийство – страшный недуг, который плотно проникает в корни человеческого общежития, как пишет А.Ф. Кони – «зловещее явление современного общежития» (Кони, 1967: 462), и Кони предлагает поистине философский способ борьбы с эпидемией самоубийств – основанный на одном из важнейших еще в древнегреческой традиции понятии заботы. «Надо уметь *умереть* для своего личного счастья – и *дожить* в деятельной заботе о других, и в этом найти истинное значение и действительную задачу жизни», – заключает А.Ф. Кони (Кони, 1967: 481), проявляя философскую чуткость к острейшим проблемам, которые охватили современное ему русское общество.

В трудах А.Ф. Кони нет метафизических высот и стремления выразить некую законодательную истину в последней инстанции. Высказываясь о проблеме самоубийства, А.Ф. Кони не руководствуется исключительно юридическими установками, а обращается к философским основаниям проблемы, затрагивая вопросы долга, свободы, морали, заботы о ближнем. А.Ф. Кони интересуется практическая возможность решения проблемы самоубийства и остановка его «триумфального шествия». Само название его основной этической юридической статьи «Самоубийство в за-

⁷ Особенно сильное впечатление на А.Ф. Кони оказало дело о пропавшей серьге. Речь идет о нашумевшем деле – самоубийстве Эммы Герзау – отравлении медным купоросом. Согласно предсмертной записке Герзау, причиной ее отравления стало обвинение ее дочери Екатерины в краже серьги у квартирантки А.П. Сидоровой. Эмма Герзау не смогла выдержать подобного обвинения своей дочери и свела счеты с жизнью. Примечательно, что спустя два дня после ее отравления А.П. Сидорова благополучно нашла свою серьгу, перебирая вещи (см.: Кони, 1989: 35-39).

⁵ ИРЛИ РАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. № 258. Л. 1

⁶ ИРЛИ РАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. № 258. Л. 1.

коне и в жизни» указывает на определенное смысловое разделение явления самоубийства в юридической практике и в обычной жизни со всеми сопряженными нравственно-психологическими аспектами. Работа А.Ф. Кони, весьма проницательная в герменевтическом отношении, вполне оправданно может быть поставлена в ряд ключевых философских трудов, посвященных проблеме самоубийства в России конца XIX – начала XX века.

Источники

Кони, А.Ф. Тезисы по вопросу о задачах религиозно-нравственного воспитания и образования // ИРЛИ РАН, арх. Пушкинского дома. Ф. 134, Оп. 1. ед. хр. № 258.

Кони, А.Ф. Этика личного поведения // ИРЛИ РАН, арх. Пушкинского дома. Ф. 134. Оп. 1. ед. хр. № 233.

Литература

Безгин, В.Б. Русская деревня конца XIX – начала XX века: грани крестьянской девиантности. Часть 1 // Genesis: исторические исследования. 2012. № 1. С. 120-167. DOI: 10.7256/2306-420X.2012.1.266.

Безгин, В.Б. Суицид в среде крестьянской молодежи (конец XIX – начало XX века) // Genesis: исторические исследования. 2016. № 3. С. 198-204. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.3.19039.

Бердяев, Н.А. О самоубийстве: Психологический этюд. Париж: YMCA-press, 1931. 45 с.

Дюркгейм, Э. Самоубийство: социологический этюд / пер. с фр. с сокр.; под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.

Кони, А.Ф. О самоубийстве в законе и жизни // А.Ф. Кони. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 4. М.: Юридическая литература, 1967. С. 454-480.

Кони, А.Ф. Пропавшая серьга / сост., вступ. ст. и примеч. Г.М. Миронова и Л.Г. Миронова. М.: Советская Россия, 1989. 496 с.

Лященко, М.Н. Метафизика самоубийства в философии Средневековья и Ренессанса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013а. № 7 (156). С. 111-116.

Лященко, М.Н. Суицид «глазами» Сократа и Августина Блаженного // Суицидология. 2013б. Т. 4. № 13. С. 60-65.

Уваров, А.Н. Интерпретация феномена самоубийства в русской философии // Соловьевские исследования. 2015. Вып. 4 (48). С. 29-43.

Sources

Koni, A. F. *Etika lichnogo povedenija* [Ethics of personal behavior], IRLI RAS, arch. Pushkin House, F. 134, Op. 1, unit № 233 (in Russ.).

Koni, A. F. *Tezisy po voprosu o zadachah religiozno-nravstvennogo vospitaniya i obrazovaniya* [Theses on the issue of the tasks of religious and moral upbringing and education], IRLI RAN, arch. Pushkin House, F. 134, Op. 1, unit № 258 (in Russ.).

References

Bezgin, V. B. (2016) “Suicide among peasant youth (late 19 – early 20 century)”, *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: historical research], 3, 198-204. DOI: 10.7256 / 2409-868X.2016.3.19039 (in Russ.).

Bezgin, V. B. (2012), “Russian village of the late 19 – early 20 century: the verge of peasant deviance. Part 1”, *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: historical research], 1, 120-167. DOI: 10.7256 / 2306-420X.2012.1.266 (in Russ.).

Berdyaev, N. A. (1931), *O suitsyde: psikhologicheskiiy etyud* [About Suicide: A psychological study], YMCA-press, Paris (in Russ.).

Durkheim, E. (1994), *Samoubiystvo: sotsiologicheskiiy etyud* [Suicide: a sociological study], in Bazarov, V. A. (ed.), *Mysl'*, Moscow, Russia (in Russ.).

Koni, A. F. (1967), “About suicide in law and life”, *A. F. Koni. Sbornie sochineniy: v 8 t. Vol. 4* [A. F. Koni. Collected Works: in 8 vol. Vol. 4], *Yuridicheskaya literatura*, 454-480, Moscow, Russia (in Russ.).

Koni, A. F. (1989), *Propavshaya ser'ga* [Missing earring], in Mironov, G. M. and Mironov, L. G. (ed.), *Soviet Russia*, Moscow, Russia (in Russ.).

Lyashchenko, M. N. (2013a), “Metaphysics of suicide in the philosophy of the Middle Ages and the Renaissance”, *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], 7 (156), 111-116 (in Russ.).

Lyashchenko, M. N. (2013b), “Suicide ‘through the eyes’ of Socrates and Augustine the Blessed”, *Suitsidologiya* [Suicidology], 4 (13), 60-65 (in Russ.).

Uvarov, A. N. (2015), "Interpretation of the phenomenon of suicide in Russian philosophy", *Solov'evskie issledovaniya*, 4 (48), 29-43 (in Russ.).

Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на международной научной конференции – IX чтениях памяти Н.Н. Страхова «Интеллектуальная история России XIX– начала XX вв.: линии преемственности и разрывы» (17–19 декабря 2020 г.)

The article is based on the report read at the International Scientific Conference – IX Readings in Memory of N.N. Strakhov "Intellectual History of Russia in the 19th – early 20th centuries: lines of succession and breaks" (December 17–19, 2020).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Апатенко Диана Валерьевна, выпускница кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; 1252750@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Diana V. Apatenko, Graduate of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; 1252750@bsu.edu.ru

УДК 1(091)

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-13

Шульженко А. А. | О понимании демократии К.Н. Леонтьевым

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы,
д. 85, г. Белгород, 3080150, Россия; 1252781@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается критика демократии К.Н. Леонтьевым в контексте классической критики ее у Платона и Аристотеля. Находясь на охранительных позициях в отношении русской культуры и рассматривая историческую данность, Леонтьев выдвигает систему критических положений относительно демократии и, в противовес, положения, по его мнению, наиболее важные для успешного развития русской культуры. Под успешностью он понимает не утилитарность, а нравственность, ведущую к внутреннему разнообразию, которое считает эстетическим приоритетом, выражающимся, в частности, в социальной иерархии.

Ключевые слова: К.Н. Леонтьев; критика демократии; русский консерватизм; критика прогрессизма; органицизм

Для цитирования: Шульженко А. А. О понимании демократии К.Н. Леонтьевым // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 1. С. 126-131. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-13

A. A. Shulzhenko | On the Konstantin Leontiev's understanding of democracy

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
1252781@bsu.edu.ru

Abstract. This article examines K.N. Leontiev's critique of democracy in the context of Plato and Aristotle's classical critique of democracy. Being in a conservative position in relation to Russian culture and considering the historical evidence, Leontiev puts forward a system of criticisms of democracy and, in his view, the most successful provisions for the development of Russian culture. Success is seen as not utilitarianism, but a morality that leads to internal diversity, which is considered as an aesthetic priority, expressed, for example, in social hierarchy.

Key words: Konstantin Leontiev; critique of democracy; Russian conservatism; criticism of progressivism; organicism

For citation: Shulzhenko A.A. (2021), "On the Konstantin Leontiev's understanding of democracy", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (1), 126-131, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-13

В постсоветские годы философско-политическое наследие К.Н. Леонтьева,

как и его критика, подверглись существенно дополненному переизданию и уточне-

нию. Истоки идей Леонтьева рассматриваются в переплетении с биографическими фактами (Котельников, 2017); к классическому набору суждений о степени правоты и ошибочности, оригинальности и глубины прозрений философа (Константин Леонтьев..., 1995) в 2012 г. добавилась фундаментальная монография О.Л. Фетисенко (Фетисенко, 2012), в которой раскрываются новые грани философских построений Леонтьева и развитие его политических представлений. Описание современного состояния российского консерватизма также не обходится без упоминания К.Н. Леонтьева (Шириянц, 2014; Королева, 2018; Сергеев, 2014 и др.).

Н.А. Бердяев охарактеризовал отношение К.Н. Леонтьева к демократии следующим образом: «В мрачной и аристократической душе Леонтьева горела эстетическая ненависть к демократии, к мещанской середине, к идеалам всеобщего благополучия. Это была сильнейшая страсть его жизни, и она не сдерживалась никакими моральными преградами...» (Бердяев, 1995: 209). Критика демократии дело не новое, еще Платон и Аристотель подмечали недостатки этой политической системы. Но интересен подход Константина Николаевича Леонтьева – чем же он отличается от критики античных гениев?

Платон видел один из главных залогов хорошего, правильного государственного строя в тщательно отобранной и философски воспитанной государственной элите, а не в случайной личности из толпы, выбранной жребием или завоевавшей расположение народа только ораторским мастерством. Ведь человек рождается с определенными предрасположенностями, которые следует правильно развивать, демократия же позволяет царить разнузданным личностям, такие личности могут не заметить приход тирана, и тогда наступит несправедливый строй. Для Платона демократия – лучшее из худших устройств, при котором «свобода вырождается в своеволие, приводит к неповиновению, и тогда чрезмерная свобода оборачивается чрез-

мерным рабством, возникает тирания» (Кудрявцева, 2008: 117).

Леонтьев подходит к проблеме иначе, ему правящая личность важна своими целями, а качества личности – всего лишь помогают в их достижении. Цель – «заморозить» государство на стадии «цветущей сложности», чтобы оно дольше жило, ибо иначе произойдет переход на этап «вторичного смещения», а значит, постепенного упрощения нравов, социальной иерархии, и в итоге – гибели. Демократия служит катализатором процесса «вторичного смещения» и выступает как разрушитель индивидуальности; для Леонтьева ужасно представление, будто все нации начнут жить по единому принципу – это отношение к демократии следует из его триединого закона развития, который постулирует разнообразие как основу всякого развития. Эгалитарные тенденции, западные ценности агрессивно движутся и просачиваются в Россию из Европы, время которой исходит. Леонтьев подмечает, как процесс смещения охватывает страну, и считает, что либерализация и демократизация социальных институтов, эгалитаризм классов и умов ведут к разложению. В техническом прогрессе мыслитель видит опасность, ибо новые технологии быют по социальному расслоению, дают больше возможностей среднему классу, который благодаря прогрессу может приобщаться к «элитарному». «Все эти изобретения, повторяю, выгодны только для буржуазии; выгодны средним людям, фабрикантам, купцам, банкирам, отчасти и многим ученым, адвокатам, одним словом, тому среднему классу, который в книге Бокля является главным врагом царей, положительной религии, воинственности и дворянства» (Леонтьев, 2010: 207). Но не только для социального строя опасен технический прогресс, по мнению Леонтьева; он видит в нем удар и по природе, когда для построения «нитей всемирной паутины» вырубают целые леса.

Народ исторически не отрезан от своего прошлого и культурно приучен к

определенным формам общественной жизни; резкая смена строя уничтожает эту культурную индивидуальность, ибо вместо исторически сложившегося пути заимствуются чужие социальные модели, которые неизвестно как приживутся. «Если история есть лишь самое высшее проявление органической жизни на земле, то и тогда разумный реалист не должен быть ни демократом, ни прогрессистом в нынешнем смысле» (Леонтьев, 2010: 27), потому как невозможно игнорировать историческую данность и культурные аспекты нации. Индивидуальность и содержание (характер), а также то, как мы направляем свое стремление и на что оно ориентировано, рождаются из деяний предков. Это – тайный и неуловимый агент, который, как сказал бы Леонтьев, известен только Богу, направляющий наши желания, сформированный в определенной среде. Душевное переживание каждого человека, причисляющего себя к какой-то группе, исходит из того, какие ценностные ориентиры торжествуют в умах этой группы. Учитывая все факторы национального «Я», следует крайне осторожно относиться к резким переменам социального строя, ибо среда как основа приемлемого и неприемлемого имеет особую специфику и индивидуальность; эталоном в ней является так называемая «культурная личность» – человек, который концентрирует если не всю, то исключительную приверженность и своеобразие, соответствующую общенациональной среде. Как жить такому своеобразию, и каковы страдания тех, кто понимает это своеобразие в мире победившего демократизма?

Свобода, к которой стремится либеральный прогресс, бросает человека в жерло «всеусредненного» равенства, не просто равенства положения, но и равенства умов. Это равенство всех со всеми губительно для разнообразия, потому как любой строй, по Леонтьеву, на своем культурном пике внутренне разнообразен. Так сама цель государственного и культурного движения, в которой постулируется равенство,

ведет к «вторичному упрощению». Хотя упрощение после «цветущей сложности» для Леонтьева и является процессом естественным, он все равно нацелен на «подмораживание» пикового состояния, чтобы собрать больше цивилизационных плодов и развить наследие. Эту возможность консервирования состояния России Леонтьев видит в сохранении сословного строя. «Консерватору страшны не столько либеральные учреждения, сколь сама человеческая свобода, в которой видится не дар Божий, но причина греховности, подлежащая обузданию» (Козырев, 2015: 14), – так А.П. Козырев сформулировал приоритеты Леонтьева в критике либерализма¹.

Обуздание, смирение и стеснение – таковы методы борьбы с либерализацией, которая видится мыслителю упадком. Упадок потому, что лучшее смешивается с посредственным, что умирают «стеснительные принципы». Одним из главных стеснительных принципов для Леонтьева является православное христианство, сила и долговечность которого в неизменности формы (у Леонтьева это прежде всего византийское наследие). Все они есть принципы созидающие, потому что люди поколениями жили в этих принципах, и это проверенный путь, в котором человек достигает индивидуальности через религиозность и через нравственность. Ум достигает свободы в тех принципах, которые ориентируют его в строгой нравственно-культурной среде. А иной путь губителен, чрезвычайно неустойчив: «Константин Леонтьев страшился такого исторического развития России, которое увлекло бы ее на антикультурный, гибельный путь. Он надеялся на государственную силу России, на цветение всех форм ее жизни, но не мечтал о всеобщем благоденствии, всеобщей любви, о рае на Земле, ибо такие идеалы противоречат и представлениям о Бо-

¹ Название статьи «Разбиватель стекол» выбрано не случайно: мрачного романтика Леонтьева часто называли очень звучно: то «безумный мечтатель», то «разочарованный славянофил».

гочеловечестве, и возможностям совершенствования человека через беды, опасности, нравственную борьбу» (Корольков, 1995: 9).

По настроению в народе Леонтьев судит об этапе развития государства. Правильным устройством он считает власть сильного монарха вверху и крестьянскую общину внизу; средний же класс представляется оппонентом, он всегда (немного) либерален и создает шедевры в борьбе и неповиновении правительству. Аристотель тоже позитивно выражался о монархии, о той форме монархии, приближенной к справедливости, которая существует во благо общего. «Аристотель рассматривает демократию как качественно худшую форму государственного строя по сравнению с тремя идеальными, “правильными” (полития, аристократия, монархия), но как лучшую, то есть более приближенную к справедливости, более умеренную (*μετρίωτατη*) из реально существующих отклонений от идеальных государственных типов (демократия – отклонение от политики, олигархия – от аристократии, тирания – от царской власти)» (Кудрявцева, 2008: 118). Леонтьев же, в отличие от Аристотеля, ориентирован скорее не на общее благо, а на величие наследия, на эстетическую ценность. Леонтьев поэтому критикует демократию за антрополатрию, непрочность и простоту ценностных систем, которая не помогает осознать или овладеть внутренним злом, а является попыткой избежать зла. Страх перед злом естествен, но он является глубокой частицей человека и избежать его невозможно. А построения, что не помогают осознанию и изучению человека, а только отрицают части его природы, смотрятся односторонне и являются упрощающими. Потому Леонтьев относится к демократизации как процессу, уходящему от реального и оставляющему, казалось бы, идеальное. Однако на самом деле это стремления приземленные, ужасно мелочные и уводящие от высокого религиозного духа смирения к личной выгоде и удобству тела, «прогресса, т. е. ле-

гального шествия к невозможному царству блага и всеобщей правды на земле... Зло так же присуще нравственной природе человека, как боль и страдания его телу» (Леонтьев, 2010: 30).

Либерализация несет с собой власть капитала и новый удар по духовным «*стеснительным принципам*». Леонтьев предвещает усиленную направленность на телесное в демократии и капиталистическое рабство. «Рабство есть и теперь при капиталистическом устройстве обществ; т. е. есть порабощение голодающего труда многовластному капиталу» (Леонтьев, 2010: 239). Эксплуатация никуда не уходит, она только меняет форму, а эти два фактора – демократия и капитализм – вместе отсекают возвышенные мотивы. «Демократия повела человечество не вперед, а назад, обезличила духовного человека, превратила его в дельца, в труженика для достижения материальных благ» (Леонтьев, 2010: 977). Леонтьев обратил внимание на рабочих, проанализировал их состояние в возможной капиталистической будущности и был уверен, что рабочих ждет новая форма эксплуатации и угнетения, что это чревато социалистической революцией. «Он предсказывал, что “порабощение капиталу” неизбежно приведет Европу (а возможно, и Россию) к социалистической революции...» (Репников, 2007). Помимо «нового рабства», капитализм опасен своей тенденцией к массовой культуре, оскудением эстетических «стандартов», развитием потребительского суррогата культуры.

Леонтьев считал, что, если капитал будет менее подвижен, это поможет охранительным принципам и будет являться некой защитой сословного общества. Этому может помочь даже социализм, если мы рассматриваем его только с экономической стороны. Картина социализма возникает как новый феодализм, именно в рамках государственного экономического регулирования и общинности. Для Леонтьева такое положение дел виделось полностью полезным, ибо это способно удовлетворить

цель «подмораживания России», «в смысле разнообразной децентрализации и группировки социальных сил, объединенных в каком-нибудь живом центре духовном или государственном, в смысле нового закрепощения лиц другими лицами и учреждениями, подчинения одних общин другим общинам, несравненно сильнейшим, или чем-нибудь облагороженным» (Леонтьев, 2010: 251). Однако во главе такого общественно-экономического состояния обязательно должен быть сильный монарх.

Леонтьев негативно расценивал эгалитарные и социалистические взгляды Прудона (см.: Леонтьев, 2010: 149). Нет реальных возможностей построить мир всеобщего равенства, но есть возможность о нем фантазировать. Мечтатели строят проекты «лучшего из миров», но не учитывают человеческой природы, в темных закоулках которой живет зло, естественное для человека. Это зло следует контролировать железной властной рукой, не давая распространяться силе всесмешения. К.Н. Леонтьев был, очевидно, прав, когда говорил, что вместе с эпохой капитализма придет и массовая культура. Его предположения о новом рабстве в эпоху капитализма менее однозначны, ситуация разнится от страны к стране, но для Леонтьева это означает только, что успешные страны обменивали свое своеобразие на комфорт и технику, которые ведут к «вторичному смешению» и упадку, и с этой стороны демократии нет оправдания перед лицом всемирного упрощения и обеднения культуры.

Литература

Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики // Константин Леонтьев: Pro et contra: личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей, 1891–1917 гг.: антология: В 2 кн. Кн. 1. СПб.: Изд-во Рус. Христианского гуманитарного ин-та, 1995. С. 208-234.

Константин Леонтьев: Pro et contra: личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей, 1891–1917 гг.: антология: В 2 кн. Кн. 1. СПб.: Изд-во Рус.

Христианского гуманитарного ин-та, 1995. 474 с.

Королева, Л.Г. К.Н. Леонтьев об историческом пути России // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 4. С. 44-51 [Эл. ресурс] URL: <http://scientific-notes.ru/#new-number?id=53> (дата обращения: 24.01.2021)

Корольков, А.А. Константин Леонтьев и судьбы культуры // Константин Леонтьев: Pro et contra: личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей, 1891–1917 гг.: антология: В 2 кн. Кн. 1. СПб.: Изд-во Рус. Христианского гуманитарного ин-та, 1995. С. 1-7.

Котельников, В.А. Константин Леонтьев. СПб.: Наука, 2017. 286 с.

Кудрявцева, Т.В. Греческие философы о демократии: pro et contra // Философия и общество. 2008. № 1. С. 112-126.

Леонтьев, К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 1232 с.

Репников, А. Русский консерватизм: Константин Леонтьев, 2007 [Эл. ресурс] URL: http://www.perspektivy.info/book/russkij_konservatizm_konstantin_leontjev_2007-09-21.htm (дата обращения: 24.01.2021).

Сергеев, С.М. Владимир Соловьев и Константин Леонтьев против национализма: заметки ангажированного историка // Вопросы национализма. 2014. № 1. С. 81-99.

Фетисенко, О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб.: Пушкинский Дом, 2012. 784 с.

Шириянц, А.А. Консерватизм и политические партии в современной России // Тетради по консерватизму. 2014. № 3. С. 166-183.

References

Berdyayev, N. A. (1995), “Leontiev – a philosopher of reactionary romanticism”, *Konstantin Leontiev: Pro et contra: the personality and creativity of K. Leontiev in the assessment of Russian thinkers and researchers, 1891–1917.: anthology: In 2 books. Book 1*, Russian Christian Institute for the Humanities, St. Petersburg, Russia, 208-234 (in Russ.).

Fetisenko, O. L. (2012), “Geptastilisty”: *Konstantin Leontiev, ego sobesedniki i ucheniki (Idei russkogo konservatizma v literaturno-*

hudozhestvennyh i publitsisticheskikh praktikakh vtoroy poloviny XIX – pervoj chetverti XX veka [Heptastiches: Konstantin Leontiev, his Companions and Disciples (Ideas of Russian Conservatism in Literary and Artistic and Publicistic Practices of the Second Half of the 19th – the First Quarter of the 20th Century)], Pushkinskiy Dom, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Konstantin Leontiev, ego sobesedniki i ucheniki (Idei russkogo konservatizma v literaturno-hudozhestvennyh i publitsisticheskikh praktikakh vtoroy poloviny XIX – pervoj chetverti XX veka) (1995) [Heptastiches: Konstantin Leontiev, his Companions and Disciples (Ideas of Russian Conservatism in Literary and Artistic and Publicistic Practices of the Second Half of the 19th – the First Quarter of the 20th Century)], Pushkinskiy Dom, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Koroleva, L. G. (2018), “K. N. Leontiev on the historical path of Russia”, *Scientific Notes*, 4, 44-51 [Online], available at: <http://scientific-notes.ru/#new-number?id=53> (Accessed 24 January 2021) (in Russ.).

Korol'kov, A. A. (1995), “Konstantin Leontiev and the fate of culture”, *Konstantin Leontiev: Pro et contra: the personality and creativity of K. Leontiev in the assessment of Russian thinkers and researchers, 1891-1917.: anthology: In 2 books. Book 1*, Russian Christian Institute for the Humanities, St.-Petersburg, Russia, 1-7 (in Russ.).

Kotel'nikov, V. A. (2017), *Konstantin Leont'ev* [Konstantin Leontiev], Nauka, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Kudryavtseva, T. V. (2008), “Greek philosophers on democracy: pro et contra”, *Filosofiya i obshchestvo*, 1, 112-126 (in Russ.).

Leontiev, K. N. (2010), *Slavyanofil'stvo i gryadushchie sud'by Rossii* [Slavophilism and the Coming Fate of Russia], Institut russkoy tsivilizatsii, Moscow, Russia (in Russ.).

Repnikov, A. (2007), “Russian conservatism: Konstantin Leontiev” [Online], available at: http://www.perspektivy.info/book/russkij_konservatizm_konstantin_leontjev_2007-09-21.htm (Accessed 24 January 2021) (in Russ.).

Sergeev, S. M. (2014), “Vladimir Soloviev and Konstantin Leontiev against nationalism notes from an engaged historian”, *Voprosy natsionalizma* [Questions of nationalism], 1, 81-99 (in Russ.).

Shiryants, A. A. (2014), “Conservatism and Political Parties in Modern Russia”, *Tetrad' po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], 3, 166-183 (in Russ.).

Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на международной научной конференции – IX чтениях памяти Н.Н. Страхова «Интеллектуальная история России XIX– начала XX вв.: линии преемственности и разрывы» (17–19 декабря 2020 г.)

The article is based on the report read at the International Scientific Conference – IX Readings in Memory of N.N. Strakhov “Intellectual History of Russia in the 19th – early 20th centuries: lines of succession and breaks” (December 17–19, 2020).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Шульженко Андрей Александрович, выпускник кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; 1252781@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Andrey A. Shulzhenko, Graduate Student, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; 1252781@bsu.edu.ru